

INSPIRIA

КОРОЛЕВСКАЯ ТРИЛОГИЯ

~АЛИЕНОРА АКВИТАНСКАЯ~

18+

THE SUMMER QUEEN

Супруга двух королей.

Хозяйка трех корон.

Летняя королева

ЭЛИЗАБЕТ

ЧЕДВИК

INSPIRIA

Novel. Королевская трилогия Элизабет Чедвик

Элизабет Чедвик
Летняя королева

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Чедвик Э.

Летняя королева / Э. Чедвик — «Эксмо», 2013 — (Novel.
Королевская трилогия Элизабет Чедвик)

ISBN 978-5-04-196228-9

Идеально для любителей качественных исторических романов, основанных на реальных событиях. Понравится фанатам творчества Элизабет Фримантл и Филиппы Грегори, а так же тем, кому по душе «Корона», «Волчий зал», «Тюдоры» и «Еще одна из рода Болейн». Трилогия Элизабет Чедвик повествует об одной из самых известных королев в истории Запада. Ее имя переводится с латинского как «особенная», и именно такой была ее судьба. Символ красоты XII века, вечная воительница и мать Ричарда Львиное Сердце. Самая желанная невеста и самая влиятельная женщина средневековой Европы – Алиенора Аквитанская. Супруга двух королей. Хозяйка трех корон.

Европа, XII век. Юная Алиенора – наследница богатой Аквитании. Но когда ее отец внезапно умирает, детство девочки заканчивается. Алиенору ждет Париж и бракосочетание с наследником французского престола Людовиком.

Смерть будто преследует тех, кто рядом с Алиенорой, и в тринадцать лет она становится королевой Франции. Впереди – дворцовые интриги, страсть и встреча с тем, кто перевернет всю ее жизнь. «Летняя королева» — вожделенный поцелуй эпохи Высокого Средневековья. Феминное изречение жизни Алиеноры Аквитанской. Напористой, величественной и изящной королевы Франции. Вас ждут обуревающие чувства, политические распри, неукротимая и губительная власть». — Катя Обризан, книжный блогер

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-196228-9

© Чедвик Э., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Примечание для читателей	11
1	12
2	15
3	21
4	24
5	28
6	36
7	42
8	46
9	53
10	56
11	62
12	67
13	71
14	74
15	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Элизабет Чедвик Летняя королева

Elizabeth Chadwick
The Summer Queen

* * *

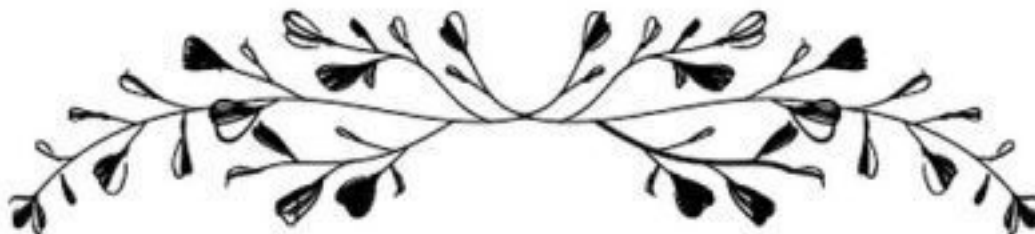
Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2013, 2014 by Elizabeth Chadwick

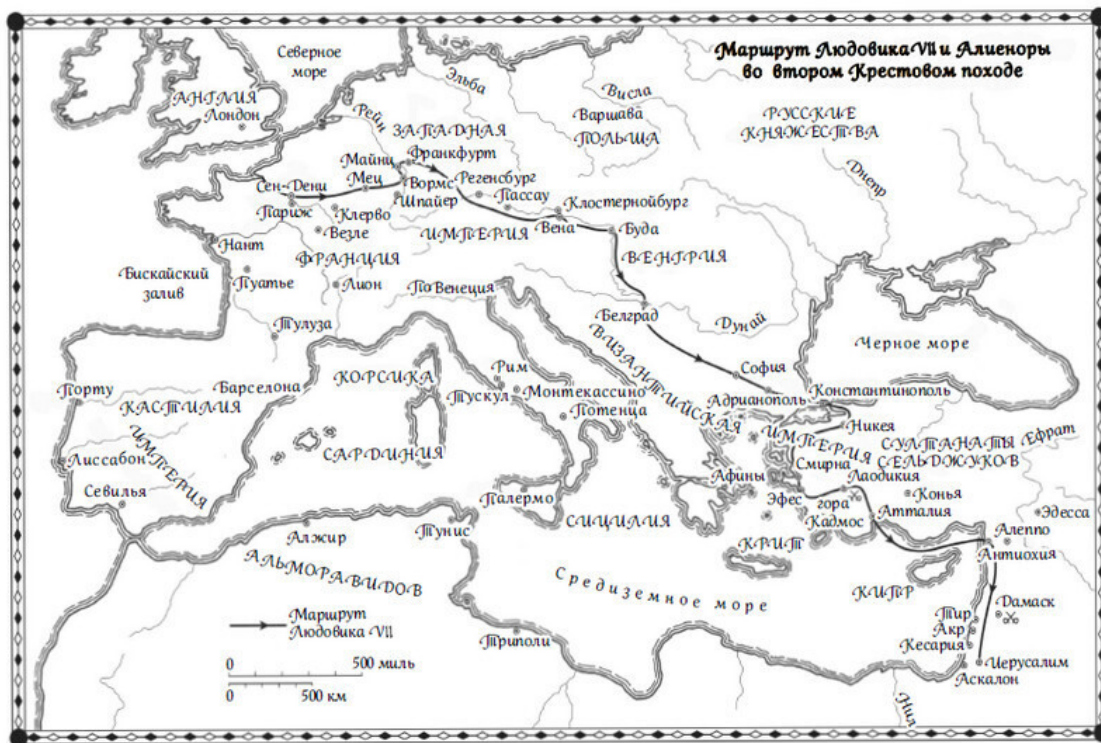
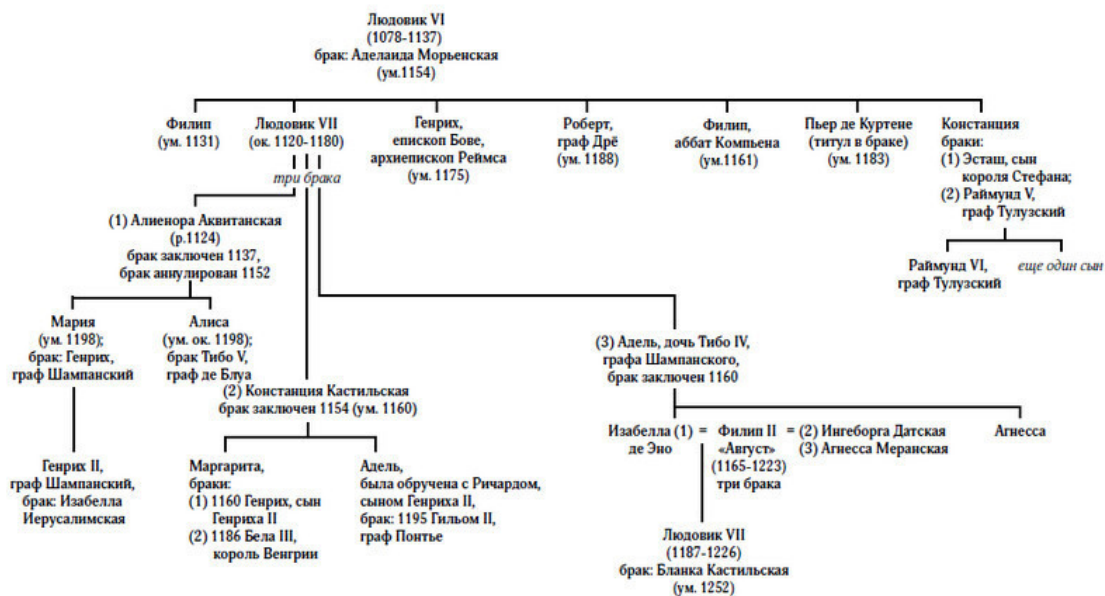
© Гордиенко В., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

* * *

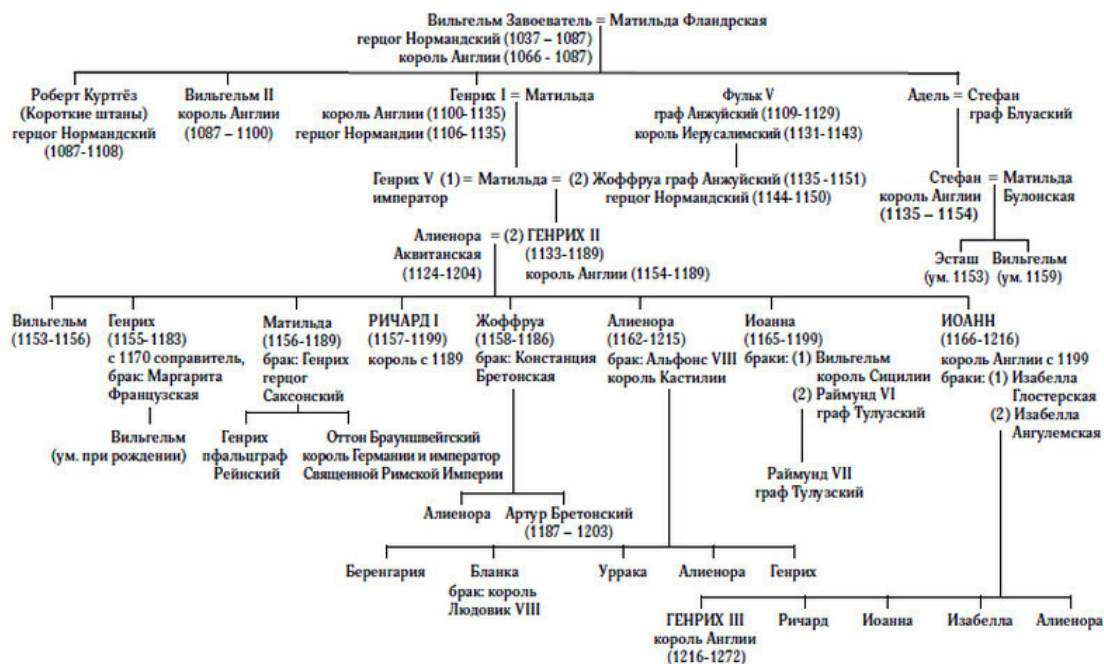

СЕМЕЙСТВО ЛЮДОВИКА VII ФРАНЦУЗСКОГО

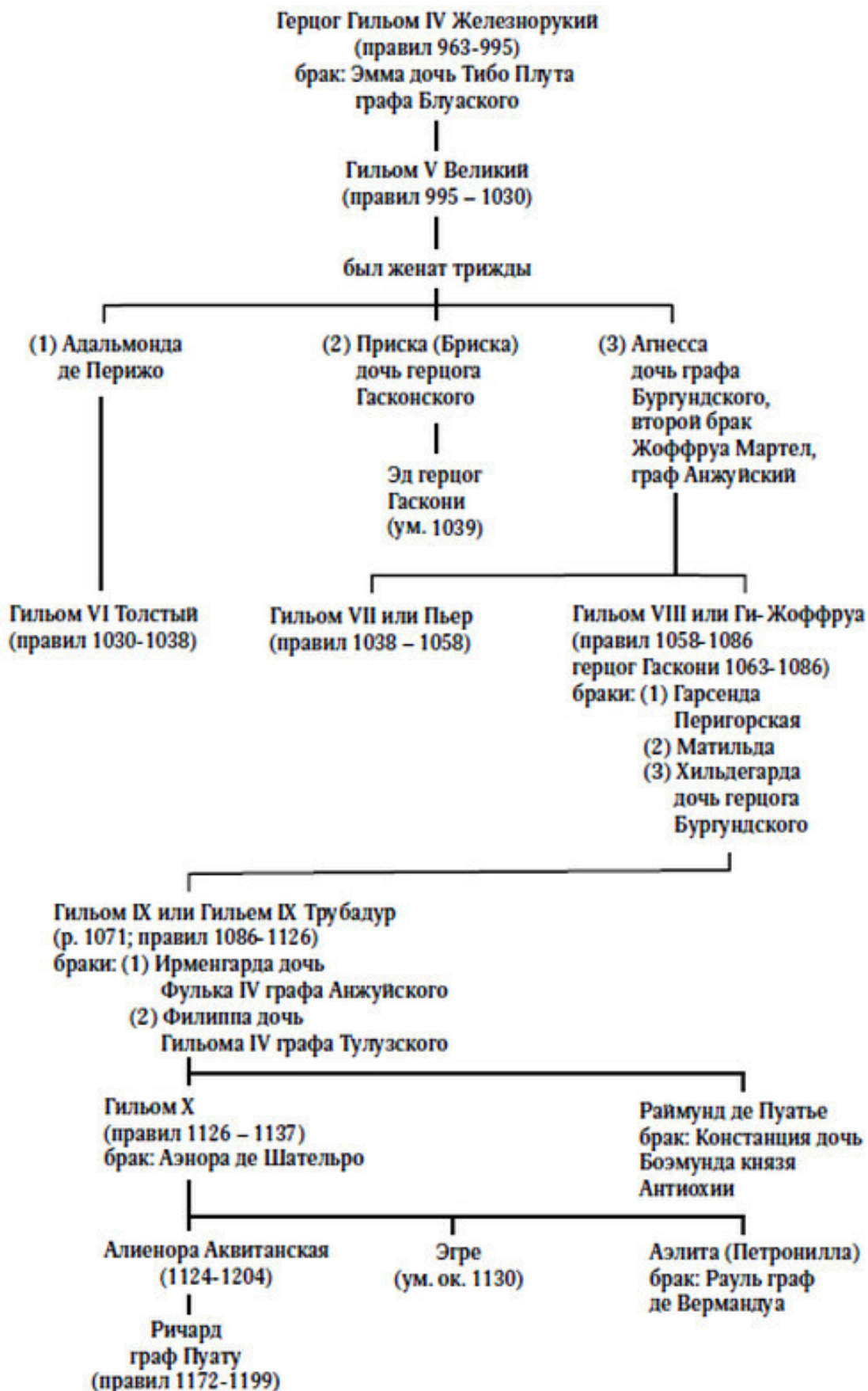

НОРМАНДСКИЕ И АНЖУЙСКИЕ КОРОЛИ АНГЛИИ

ГРАФЫ ПУАТУ, ГЕРЦОГИ АКВИТАНИИ

Примечание для читателей

В романе я называю королеву Алиенорой, а не Элеонорой, потому что так она называла себя и именно так ее имя написано в составленных ею хартиях и упоминается в англо-нормандских текстах. Мне показалось, что будет уместно таким образом признать ее заслуги.

1

Дворец Пуатье, январь 1137 года

Алиенора проснулась на рассвете. От высокой свечи, горевшей всю ночь, остался лишь огарок, и даже сквозь закрытые ставни было слышно, как петухи, встрепенувшись на насестах, стенах и навозных кучах будили Пуатье. Петронилла спала, зарывшись в одеяло, ее темные локоны разметались по подушке. Алиенора встала с кровати, стараясь не разбудить младшую сестру, которая капризничала, если ее беспокоили слишком рано. К тому же Алиенора дорожила минутами наедине с собой. День предстоял необычный, а шум и суета, раз начавшись, не прекратятся еще долго.

Она накинула сложенное на крышке сундука платье, сунула ноги в мягкие туфли из тонкой кожи и отперла маленькую дверцу в ставнях, чтобы выглянуть наружу и вдохнуть новое утро. Легкий влажный ветерок принес знакомые запахи дыма, мшистых камней и свежего хлеба. Заплетая косы проворными пальчиками, она любовалась чередующимися лентами угольного, светло-бежевого и золотистого цветов на восточном небосклоне, а потом с задумчивым вздохом вернулась к кровати.

Сдернув с вешалки накидку, она на цыпочках вышла из спальни. В соседней комнате просыпались служанки, зевая и протирая сонные глаза. Алиенора, будто юная лисичка, проскользнула мимо и бесшумно сбежала по лестнице башни Мобержон, в которой располагались жилые покои герцогского дворца.

В большом зале заспанный юноша расставлял корзины с хлебом и кувшины с вином на длинном столе. Алиенора ухватила с краю еще теплый, недавно из печи каравай и вышла на улицу. Кое-где в домишках и хозяйственных постройках еще горели фонари. С кухни доносился стук кастрюль, кого-то ругал за пролитое молоко повар. Знакомые звуки будто уверяли, что все хорошо, даже на пороге перемен.

В конюшне готовили лошадей к путешествию. Жинне, пятнистая верховая Алиеноры, и Морелло, лоснящийся черный пони сестры, топтались в стойлах, а выючных лошадей уже запрягли – во дворе стояли телеги, готовые везти груз полторы сотни миль на юг из Пуатье в Бордо – где им с Петрониллой предстояло провести весну и лето во дворце Омбриер на берегу реки Гаронны.

Алиенора протянула Жинне ломоть свежего хлеба и потрепала кобылу по теплой серой шее.

– Папе необязательно идти в Компостелу, – сказала она лошади. – Разве он не может остаться дома, с нами, и молиться здесь? Терпеть не могу, когда он уезжает.

– Алиенора.

Она вскочила и, пылая от стыда, встретила взглядом с отцом, сразу по выражению его лица поняв, что он ее слышал.

Высокий, с длинными руками и ногами, с каштановыми волосами, припорошенными сединой на висках и над ушами. От уголков глаз расходились глубокие морщины, а впалые щеки подчеркивали четко очерченные скулы.

– Паломничество – важное обязательство перед Богом, – серьезно произнес он. – А вовсе не глупая прогулка, на которую отправляешься из прихоти.

– Да, папа.

Она знала, как важно для него паломничество, действительно необходимо для блага его души, но все равно не хотела, чтобы он уезжал. В последнее время отец изменился: стал замкнутым, обремененным чем-то, и она не понимала причины.

Указательным пальцем он приподнял ее голову за подбородок.

– Ты моя наследница, Алиенора, и должна вести себя так, как подобает дочери герцога Аквитанского, а не капризничать, будто дитя.

Алиенора возмущенно отстранилась. Ей было тринадцать лет, то есть совершеннолетней она стала уже год назад и по праву считала себя взрослой, хотя и не желала отказываться от отцовской любви и отпускать его в неизвестность.

– Вижу, ты все понимаешь. – Он наморщил лоб. – Пока я в отъезде, Аквитанией правишь ты. Наши вассалы поклялись тебе в верности, и ты обязана чтить их преданность.

Алиенора прикусила губу.

– Я боюсь, что ты не вернешься... – Ее голос дрогнул. – Что я больше тебя не увижу.

– Дитя мое! Бог даст, я непременно вернусь. – Он нежно поцеловал ее в лоб. – Я еще не уехал. Где Петронилла?

– Спит, папа. Я не стала ее будить.

За Жинне и Морелло пришел конюх. Отец вывел Алиенору во двор, где серый рассвет уступал более теплым краскам. Герцог нежно дернул дочь за пышную медово-золотистую косу.

– Ступай разбуди ее. Потом будете с гордостью рассказывать, как прошли хотя бы немного по следам святого Иакова.

– Хорошо, папа.

Пристально взглянув на отца, Алиенора ушла – она держалась очень прямо, шагала уверенно и степенно.

Гильом вздохнул. Его старшая дочь стремительно становилась женщиной. За последний год она заметно выросла, бедра и грудь слегка округлились. Она была восхитительна; стоило лишь взглянуть на нее – и его боль напоминала о себе с новой силой. Алиенора слишком молода для того, что ее ждет. Господи, помоги им!

В спальне Алиенора увидела, что Петронилла проснулась и собирается в дорогу, деловито укладывая любимые безделушки в матерчатую сумочку. Флорета, повсюду сопровождавшая их кормилица, вплетала в роскошные каштановые косы Петрониллы голубые ленты, убирая волосы с лица и открывая нежный изгиб ее щек в профиль.

– Куда ты ходила? – требовательно поинтересовалась Петронилла.

– Никуда – просто гуляла. Ты спала.

Петронилла затянула шнурок на сумке и помахала кисточками на концах завязок.

– Папа сказал, что привезет нам освященные кресты из усыпальницы святого Иакова.

«Можно подумать, освященные кресты как-то восполнят предстоящую разлуку с отцом», – подумала Алиенора, но придержала язык. Петронилле исполнилось одиннадцать лет, но рассуждала она по-детски наивно. Сестры были близки, однако два года разницы порой казались пропастью. Алиенора заменяла Петронилле покойную мать, в то же время оставаясь сестрой.

– А когда он вернется после Пасхи, мы устроим праздник, правда? – Распахнув карие глаза, Петронилла искала подтверждения своим надеждам. – Правда?

– Конечно, устроим, – ответила Алиенора и заключила сестру в объятия, находя в них утешение.

Поздним утром, после мессы, отслуженной в паломнической церкви Сент-Илер, стены которой были украшены орлами – символом аквитанских властителей, герцог со свитой отправился в Бордо.

Острова бледно-голубого неба проглядывали сквозь облака, и солнечные блики тут и там вспыхивали на конской сбруе и пряжках. Герцогская кавалькада вилась по дороге разноцветной тонкой нитью, в которую вплетались серебро доспехов, роскошные цвета дорогих платьев, пунцовых, лиловых и золотых, и на контрасте – приглушенные оттенки серого и корич-

невого одежды слуг и возчиков. Пешком шли все, не только герцог Гильом. В первый день предстояло преодолеть двадцать миль до ночной стоянки в Сен-Сован.

Алиенора шагала размеренно, одной рукой сжимая ладонь Петрониллы, а другой приподнимая юбки, чтобы не испачкать подол в грязи. Младшая сестра то и дело весело подпрыгивала. Менестрель, аккомпанируя себе на маленькой арфе, затянул песню, и Алиенора узнала слова, сочиненные дедом, Гильомом, девятым герцогом Аквитанским, который упивался дурной славой. Многие из его песен были бесстыдными, грубо-разнузданными и не годились для исполнения у семейного очага, эта же звучала пронзительно и заунывно, и от этих звуков по спине Алиеноры пробежала дрожь.

Не понимаю, наяву я иль во сне,
Пока мне не расскажут.
А сердце рвется от печали в тишине,
Но мне это неважно.
Клянусь святым Марциалом!

Некоторое время отец держался рядом с дочерьми, но он шагал шире, чем девочки, и постепенно ушел вперед, оставив их с женщинами. Алиенора смотрела ему вслед, задержав взгляд на руке, которой он сжимал посох паломника. Сапфировое кольцо, символ герцогской власти, сверкнуло на солнце, будто темно-синий глаз. Алиенора страстно желала, чтобы отец обернулся и посмотрел на нее, однако его взгляд был устремлен на дорогу. Казалось, что он намеренно отдаляется и вскоре исчезнет, оставив в пыли лишь отпечатки шагов, по которым пойдет она.

Алиенора даже не обрадовалась, когда к ним с Петрониллой присоединился сенешаль отца, Жоффруа де Ранкон, сеньор Жансе и Тайбура. Это был мужчина лет под тридцать, с густыми каштановыми волосами, глубоко посаженными темно-кариими глазами и улыбкой, от которой Алиеноре становилось светло на душе. Она знала его с раннего детства, поскольку он был одним из главных вассалов и военачальников ее отца. Его жена умерла два года назад, но он до сих пор не женился во второй раз. От первого брака у него остались две дочери и сын, а значит, острой потребности завести наследника он не испытывал.

– Что за хмурый вид? – Он пристально взглянул ей в лицо. – Да тебе позавидует самая черная туча.

Петронилла хихикнула, и Жоффруа подмигнул ей.

– Не говори глупостей. – Алиенора вздернула подбородок и прибавила шагу.

Жоффруа ее догнал.

– Тогда скажи, что случилось.

– Ничего, – ответила она. – Ничего не случилось. С чего бы?

Он окинул ее внимательным взглядом.

– Возможно, оттого, что ваш отец уходит в Компостелу, а вас оставляет в Бордо?

У Алиеноры сдавило горло.

– И вовсе нет! – огрызнулась она.

Жоффруа покачал головой:

– Ты права, вечно я болтаю глупости, но ты простишь меня и позволишь немного пройти с вами?

Алиенора пожала плечами, но в конце концов нехотя кивнула. Одной рукой Жоффруа крепко сжал пальцы Алиеноры, а другой подхватил Петрониллу.

Вскоре, сама того не замечая, Алиенора перестала хмуриться. Жоффруа не мог заменить отца, но рядом с ним ей стало легче, и она с новыми силами устремилась вперед.

2

Бордо, февраль 1137 года

Сидя у камина в своих покоях в замке Омбрийер, Гильом, десятый герцог Аквитанский, просматривал бумаги, ожидающие его печати, и потирал бок.

– Сир, вы по-прежнему намерены отправиться в это путешествие?

Он взглянул через очаг на высокого и худощавого, закутанного в подбитую мехом мантию архиепископа Бордо, который грелся у огня. Хотя порой и расходились во мнениях, они с Жоффруа де Лору¹ были давними друзьями, и Гильом назначил его воспитателем своих дочерей.

– Да, – ответил он. – Я желаю примириться с Господом, пока у меня еще есть время, а Компостела достаточно близко – полагаю, что дойду.

Жоффруа бросил на него встревоженный взгляд:

– Вам хуже?

Гильом устало вздохнул:

– Я говорю себе, что в усыпальнице святого Иакова совершается много чудес, и буду молиться об одном из них, но на самом деле я совершаю это паломничество во благо своей души, а не в надежде на исцеление. – Он ущипнул себя за переносицу. – Алиенора на меня сердится. Она думает, что я могу точно так же спасти свою душу в Бордо, но не понимает, что на таком пути мне не обрести очищения. Здесь ко мне отнесутся снисходительно, потому что я сеньор. В дороге, пешком, с котомкой и посохом я обыкновенный паломник. Перед Богом мы все предстанем нагими, и неважно, кто кем был на земле. Поэтому я должен пройти этой дорогой.

– Но что будет с землями в ваше отсутствие, сир? – встревоженно осведомился Жоффруа. – Кто будет править? Алиенора уже достигла брачного возраста, и, хотя вы заставили васалов и рыцарей поклясться ей в верности, каждый барон в ваших владениях будет стремиться взять ее в жены или женить на ней своего сына. Как вы, должно быть, заметили, они уже кружат совсем рядом. Тот же де Ранкон, например. Признаюсь, он искренне оплакивал свою жену, но подозреваю, что у него нашлись важные причины не вступать в новый брак.

– Я не слепой.

Гильом поморщился от пронзившей бок боли и налил в чашку родниковой воды из стоявшего у локтя кувшина. В последнее время он не осмеливался пить вино и есть мог лишь сухари и самую простую безвкусную пищу, а ведь когда-то он славился отменным аппетитом.

– Вот мое завещание. – Он пододвинул листы пергамента к де Лору. – Я прекрасно понимаю, какая опасность грозит моим девочкам и как легко может разгореться война, и сделал все возможное, чтобы этого не допустить.

Он смотрел, как де Лор читает написанное, и, как и ожидал, заметил, что тот поднял брови.

– Ты доверяешь дочерей французам, – произнес Жоффруа. – Разве это не столь же опасно? Вместо диких псов, рыскающих вокруг овчарни, ты приглашаешь львов войти в двери?

– Алиенора тоже львица, – ответил Гильом. – Она сумеет ответить на вызов – это у нее в крови. Девочка получила соответствующее образование, и у нее прекрасные способности, как тебе хорошо известно. – Он махнул рукой. – У этого плана есть недостатки, но он безопаснее других, которые на первый взгляд кажутся многообещающими. У тебя есть связи с французами благодаря церкви – к тому же ты мудрый человек и красноречивый оратор. Ты хорошо обучил

¹ Он же Жоффруа Бордоский, архиепископ Бордо.

моих дочерей; они доверяют тебе и любят тебя. В случае моей смерти забота об их безопасности и благополучии ляжет на твои плечи. Я знаю, ты поступишь так, как будет лучше для них.

Гильом ждал, пока Жоффруа, нахмурившись, дочитает завещание.

– Лучшего решения не найти. Я долго ломал голову, пока она чуть не раскололась. Я отдаю дочерей, а значит, и Аквитанию Людовику Французскому, потому что так надо. Если выдать Алиенору замуж за де Ранкона, несмотря на его знатное происхождение и положение, мои земли охватит кровавая междоусобица. Одно дело, когда люди повинуются сенешалю, исполняющему мои приказы, и совсем другое – видеть его герцогом-консортом Аквитании.

– Верно, сир, – согласился Жоффруа.

Гильом скривил губы.

– Есть еще Жоффруа Анжуйский. Он мечтает объединить наши дома, обручив своего малолетнего сына с Алиенорой. В прошлом году, когда мы были с войском в Нормандии, он затронул эту тему, но я отговорил его, сказав, что подумаю, когда мальчик подрастет. Если я умру, он, возможно, попытается воспользоваться моментом, и это тоже приведет к катастрофе. В жизни приходится идти на жертвы ради общего блага; Алиенора это понимает. – Герцог сделал слабую попытку пошутить: – Если винограду суждено быть растоптанным, то в Бордо всегда знали, как делать вино.

Ни один из собеседников не улыбнулся.

Боль измучила Гильома. Долгий путь из Пуатье подорвал его иссякающие силы. Боже правый, он так измотан, а впереди еще столько дел!

Жоффруа по-прежнему встревоженно хмурился.

– Это решение, быть может, и помешает вашим людям сражаться между собой, но боюсь, в таком случае они ополчатся на французов, увидев в них общего врага.

– Нет, этого не случится, если их герцогиня станет королевой. Кое-где, возможно, и вспыхнут потасовки, там, где всегда бывают мелкие дразги, но на крупный мятеж никто не решится. Я полагаюсь на твое искусство дипломата, ты удержишь наш корабль на плаву.

Жоффруа пощипал себя за бороду.

– Кто-нибудь еще видел эти бумаги?

– Нет. Я отправлю доверенного гонца к королю Людовику с копией, но больше никто пока не должен знать. Если случится худшее, ты немедленно сообщишь обо всем французам и будешь охранять моих девочек до их прибытия. Пока же я поручаю тебе хранить эти бумаги в безопасном месте.

– Все будет сделано так, как вы пожелаете, сир. – Жоффруа бросил на Гильома обеспокоенный взгляд. – Приказать вашему лекарю принести снотворное?

– Нет. – На лице Гильома проступило напряжение. – Совсем скоро у меня будет достаточно времени, чтобы выспаться.

Жоффруа вышел с тяжелым сердцем. Гильом умирал, и, по всей видимости, жить ему оставалось недолго. Пусть герцогу и удавалось скрыть правду от других, но Жоффруа слишком хорошо его знал, чтобы обманываться. Еще многое предстояло сделать, и, как ни жаль, теперь их дело будет похоже на незаконченную вышивку. Как бы ни была мастерски вышита другая половина, она никогда не сравнится с завершенной работой и, кто знает, быть может, даже приведет к ее исчезновению.

Жоффруа сочувственно подумал об Алиеноре и Петронилле. Семь лет назад они потеряли мать и младшего брата из-за болотной лихорадки. Теперь им предстояло лишиться любимого отца. Девочки так беззащитны. Гильом в завещании определил их будущее, которое, вероятно, будет славным, но Жоффруа все же хотелось, чтобы сестры были старше и закаленнее. Он не желал видеть, как их светлые души запятнает отвратительная правда жизни, но знал, что это неизбежно.

Алиенора сняла накидку и набросила ее на спинку отцовского кресла. Его запах по-прежнему витал в этой комнате, потому что он оставил здесь все вещи, а из собора вышел в грубом плаще из некрашеной шерсти, обувшись в простые сандалии. В его котомке лежал лишь черствый хлеб – все, как полагается паломнику. Вместе с Петрониллой они прошли с отцом несколько миль в его свите, а после вернулись в Бордо с архиепископом. Петронилла всю дорогу болтала, прогоняя тишину оживленным голосом и быстрыми жестами, но Алиенора ехала молча и дома незаметно ускользнула, чтобы побыть в одиночестве.

Она медленно ходила по комнате, прикасаясь то к одному, то к другому. Вот орел, вырезанный на спинке отцовского кресла, шкатулка из слоновой кости, в которой хранились свитки пергамента, а также маленький рог и серебряный кубок с перьями и стилосами². Она остановилась рядом с его мягкой голубой накидкой, подбитой беличьим мехом. На плече блеснул приставший волос. Алиенора подняла полу накидки и прижала к лицу, вбирая аромат, ведь его последние, колющие объятия на дороге она отвергла, разозлившись. Она ускакала на Жинне и даже не оглянулась. Вместо нее отца крепко обняла Петронилла, выслушав добрые пожелания, которых хватило бы обоим.

Глаза Алиеноры обожгло горячими слезами, и она промокнула их плащом. До Пасхи совсем недолго, а потом отец вернется домой. Он и раньше часто уезжал – вот в прошлом году отправился с войском в Нормандию, с Жоффруа Красивым, графом Анжуйским, а там его подстерегало куда больше опасностей, чем в паломничестве.

Она опустилась на стул и, положив руки на подлокотники, представила себя владычицей Аквитании, мудрой, вершащей справедливый суд. С раннего детства ее учили мыслить и повелевать. Прясть и ткать ее тоже учили, не забывали и присущие женщинам занятия, которые, однако, служили лишь фоном для куда более серьезного воспитания и размышлений. Отец любил видеть ее в изысканных нарядах и драгоценностях, одобрял женские уловки и женственность вообще; но в то же время относился к дочери как к сыну, которого не дала ему судьба. Она скакала с ним верхом по землям Аквитании, раскинувшимся от предгорий Пиренеев до прибрежных равнин на западе, где между Бордо и шумным портом Ньюра располагались прибыльные солеварни. Она видела виноградники Коньяка и леса Пуату, холмы, цветущие речные долины и прекрасные поля Лимузена. Она была рядом с отцом, когда он приводил к присяге вассалов, многие из которых были бунтарями, ищущими ссор, жаждущими собственной выгоды, но все же признавали власть сюзерена – ее отца. Алиенора усваивала уроки, наблюдая за тем, как он с ними обходится. Язык власти звучал не только в словах. Важно было все: духовная сила и ум, жесты и подходящий момент. Отец освещал ей путь и учил сознать свою власть, освещая все вокруг, но сегодня ей казалось, что она попала в страну теней.

Дверь открылась, и вошел архиепископ. Он сменил изысканную митру на простую фетровую шапочку, а роскошные одежды – на повседневную коричневую рясу, подпоясанную простым узловатым поясом. Под мышкой он сжимал резную шкатулку из слоновой кости.

– Я так и думал, что найду тебя здесь, дочь моя, – произнес он.

Алиенора слегка обиделась, но промолчала. Вряд ли она могла отослать прочь архиепископа Бордо, да и какая-то часть ее души, одинокая и покинутая, хотела обнять Жоффруа, так же как недавно хотелось обнять отца.

Он поставил шкатулку на столик рядом с креслом и поднял крышку.

– Твой отец просил передать тебе вот это, – сказал он. – Возможно, ты вспомнишь кое-что из детства.

² Инструмент, который использовали для письма на восковых табличках в древности вплоть до Средних веков. Представляет собой стержень, заостренный с одной стороны и уплощенный (для стирания написанного) с другой. (*Здесь и далее прим. ред.*)

Шкатулка была выставлена мягкой белой тканью, на которой покоился кубок из прозрачного горного хрусталя с искусно выточенными снаружи изысканными шестигранниками.

– Он сказал, что вы с ней похожи – драгоценные и единственные в своем роде. Свет, преломленный в хрустале, несет красоту всему, что освещает.

Алиенора сглотнула.

– Я помню, – сказала она, – но не видела его с самого детства.

Никто из них не упомянул о том, что это произведение искусства было подарено герцогом ее матери на свадьбу, а после смерти герцогини – убрано в сокровищницу собора в Бордо, где и хранилось.

Алиенора взяла вазу в руки и осторожно опустила ее на маленький столик. Падавший в окно свет проник сквозь хрустальные стенки, рассыпав по белой ткани радужные ромбики. Алиенора в восхищении ахнула. Все вокруг расплылось от подступивших слез, и она подавила рыдание.

– Не плачь, дитя мое. – Жоффруа обогнул стол и обнял девочку. – Все будет хорошо, обещаю. Я здесь, я о тебе позабочусь.

Теми же самыми словами она всегда утешала Петрониллу, и неважно, что их ожидало на самом деле. Эти слова ложились на душу, будто повязка на рану. Не исцеляли, но облегчали боль. Алиенора уткнулась архиепископу в грудь и позволила себе заплакать, но вскоре отстранилась и упрямо вздернула подбородок. Солнце по-прежнему освещало вазу, и она поднесла руку к свету, любуясь, как пляшут яркие полосы на ее запястье: лазурная, багряная и цвета королевского пурпура.

– Без света красота не видна, – сказал Жоффруа. – Но она никуда не уходит. Как любовь Господа, отца или матери. Помни об этом, Алиенора. Тебя любят, видишь ты это или нет.

На третьей неделе после пасхального воскресенья установилась теплая погода, и в один из дней, когда солнце осветило весеннюю листву, Алиенора и Петронилла, прихватив шитье, отправились с придворными дамами в дворцовый сад. Музыканты негромко играли на арфе и цистре³, воспевая весну, обновление и безответную любовь. В мраморных фонтанах плескалась вода, убаюкивая журчанием в тиши золотистого тепла.

Дамы, ободренные тем, что Флорета отлучилась по делам, весело болтали, будто воробьи, суетившиеся в тутовых деревьях. Алиенору раздражал их глупый смех. Ей претили сплетни о том, кто на кого глазет и от мужа ли ждет ребенка жена младшего управляющего или от юного рыцаря, задержавшегося в замке проездом. В детстве, в доме ее бабушки по материнской линии в Пуатье, Алиенора довольно наслушалась таких глупостей, и ей было неприятно слышать, как сплетни ходят по кругу, будто разменные монеты. Данжеросса де Шательро была любовницей ее деда, а не законной женой; он жил с ней открыто, попирая все мнения, кроме своего собственного, и его часто обвиняли в сластолюбии и разврате. Когда сплетни начинают распространяться, остановить их невозможно; злобный шепоток может в мгновение ока разрушить любую репутацию.

– Довольно! – властно приказала она. – Я желаю спокойно послушать музыку.

Женщины переглянулись, но замолчали. Алиенора взяла с блюда ломтик засахаренной груши и впиалась зубами в сладкую мякоть. Это было ее любимое лакомство, и она с удовольствием им объедалась. Приторная сладость дарила утешение, а сознание того, что она может есть их когда угодно, давало уверенность. Однако недовольство осталось, ведь что толку командовать придворными сплетницами и требовать сладостей? Это лишь мелочи, в такой пустой власти нельзя было найти никакого удовлетворения.

³ Западноевропейский старинный струнный щипковый музыкальный инструмент типа лютни с парными струнами.

Одна из дам принялась показывать Петронилле, как вышить особым стежком изящные маргаритки. Алиенора оставила шитье и пошла прогуляться по саду. Тупая боль билась в висках, не помогал и прохладный металлический обруч на лбу. Скоро должна была пойти кровь, и от этого ныло внизу живота. Она плохо спала, во сне ее преследовали кошмары, которые она не могла вспомнить после пробуждения, лишь оставалось ощущение загнанности, ловушки.

Она остановилась возле молодой вишни и легонько провела рукой по зеленым шарикам завязавшихся плодов. К возвращению отца ягоды станут темно-красными, почти черными. Округлыми, спелыми и сладкими.

– Дочь моя.

Только два человека называли ее так. Она повернулась и увидела архиепископа Жоффруа. Еще прежде, чем он заговорил, по его полному тревоги и сочувствия выражению лица Алиенора поняла, что сейчас услышит.

– Дурные вести, – произнес архиепископ.

– Что-то с папой, да?

– Дитя мое, тебе лучше сесть.

Она ответила ему твердым взглядом.

– Он не вернется, не так ли?

Жоффруа ошеломленно вздрогнул, но быстро взял себя в руки.

– Дитя мое, мне очень жаль, но он умер в Страстную пятницу, недалеко от Компостелы и похоронен там же, у подножия усыпальницы святого Иакова. – Голос архиепископа звучал хрипло. – Теперь он с Богом и избавлен от боли. Уже некоторое время ему нездоровилось.

Горе окатило ее приливной волной. Она с самого начала знала: что-то не так, но никто не считал нужным сообщить ей об этом, и в первую очередь отец.

Жоффруа протянул ей кольцо с сапфиром, которое сжимал в руке.

– Он послал тебе это в подтверждение и велел стараться изо всех сил, как ты всегда поступала, и прислушиваться к советам опекунов.

Она посмотрела на кольцо и вспомнила, как оно сверкало на пальце отца, когда он уходил дорогой паломников. У ее ног будто разверзлась пропасть, и привычная жизнь рухнула. Подняв голову, она отыскала взглядом сестру, которая смеялась над словами придворной дамы. Мгновение – и смех прекратится, на смену ему придут горе и слезы – жизнь Петрониллы тоже рухнула, и думать об этом Алиеноре было едва ли не тяжелее, чем сознавать собственное горе.

– Что с нами будет?

Она старалась говорить серьезно и расчетливо, как взрослая, хотя в голосе и слышалась дрожь.

Жоффруа накрыл ее руку своей, смыкая девичьи пальчики над перстнем.

– О тебе позаботятся, не тревожься. В завещании твой отец все подробно разъяснил.

Он хотел обнять ее с состраданием, но Алиенора отстранилась и вздернула подбородок.

– Я не дитя.

Жоффруа опустил руки.

– Но ты еще очень молода, – ответил он. – А твоя сестра... – Он посмотрел на женщин в саду.

– Я сама скажу Петронилле, – твердо заявила Алиенора. – Это моя забота.

Жоффруа покорно склонился, хотя на лице его и проступила тревога.

– Как пожелаешь, дочь моя.

Алиенора вернулась к придворным дамам, Жоффруа шел рядом. Дамы присели в реверансе. Дождавшись, когда все поздороваются с архиепископом, Алиенора отпустила их и села рядом с сестрой.

– Посмотри, что у меня получилось! – Петронилла показала сестре платок, над которым работала. Один угол был усыпан белыми маргаритками с золотыми узелками в центре. Карие глаза Петрониллы вспыхнули. – Я подарю это папе, когда он вернется!

Алиенора прикусила губу.

– Петра, – сказала она, обнимая сестру, – послушай, я должна тебе кое-что сказать.

3

Замок Бетизи, Франция, май 1137 года

Людовика позвали к отцу, оторвав от молитвы. Он поднялся в верхние покои замка и вошел в комнату, где лежал больной. Широко распахнутые ставни пропускали легкий ветерок и открывали двойные арки голубого весеннего неба. На столах по всей комнате курились благовония, но едва ли рассеивали зловоние, исходившее от разлагающегося, распухшего тела его отца. Людовик сглотнул подступившую горечь, опустился на колени у кровати и поклонился. Когда рука отца коснулась его макушки, благословляя, он с трудом сдержал дрожь.

– Встань. – Голос короля Людовика был хриплым от мокроты. – Дай мне взглянуть на тебя.

Людовик с усилием сдержал мучительную тревогу. Пусть тело его отца и превратилось в раздутую развалину, но в холодных голубых глазах светились ум и сильная воля отважного охотника, воина и короля, заключенные в умирающую плоть. В присутствии отца Людовик всегда чувствовал себя неуютно. Он был вторым сыном, готовился служить Господу, но когда его старший брат погиб, упав с лошади, Людовика забрали из Сен-Дени и сделали наследником королевства. Таково было решение Господа, и Людовик знал, что должен служить так, как угодно Богу, но это был не его выбор – и уж точно не выбор его родителей.

Мать стояла справа от кровати, у балдахина, сцепив руки и поджав губы – привычное выражение лица, напоминавшее Людовику о том, что она знает все, а он ничего. Слева от нее замерли ближайшие советники отца, и среди них братья матери – Гильом и Амадей. Был здесь и Тибо, граф Блуа⁴. Неясные опасения охватили Людовика с новой силой.

Король что-то пробурчал себе под нос, как торговец лошадьми, не вполне довольный предложенным животным, кроме которого, однако, ничего не найти.

– У меня есть поручение, которое сделает из тебя мужчину, – объявил он.

– Сир? – Горло Людовика сжалось, и его голос зазвучал выше обычного, выдавая напряжение.

– Брачный обет. Сугерий тебе все объяснит; у него достанет на это воздуха в груди, к тому же он любит слушать свой голос.

Повинуясь знаку короля, невысокий аббат Сен-Дени с беличьими глазами выступил вперед, сжимая в тонких пальцах свиток и бросив на короля укоризненный взгляд, молча отвечая на насмешку.

Людовик моргнул: «Брачный обет?»

– Сир, у нас чрезвычайно важные новости. – Голос Сугерия звучал мягко, глаза смотрели открыто и честно. Аббат Сугерий был не только одним из самых близких доверенных лиц короля, но и воспитателем и наставником Людовика. Наследник любил его гораздо сильнее, чем отца, потому что Сугерий помогал ему разобраться в мире и понимал его нужды. – Во время паломничества в Компостелу умер Гильом Аквитанский, да хранит его Господь. – Сугерий перекрестился. – Перед отъездом он отправил во Францию завещание, в котором просит вашего отца позаботиться о дочерях в случае его смерти. Старшей тринадцать лет, и она достигла брачного возраста, а младшей – одиннадцать.

Король приподнялся, пытаясь хоть как-то принять вертикальное положение, опираясь на массу подушек и подпорок, поддерживающих его распластанное тело.

– Нельзя упускать эту возможность, – прохрипел он. – Аквитания и Пуату увеличат наши земли и престиж во сто крат. Мы не можем допустить, чтобы они перешли в другие руки.

⁴ Он же – Тибо Шампанский.

Жоффруа Анжуйский, к примеру, с радостью урвал бы герцогство, женив своего сына на старшей из дочерей, и это не должно произойти.

От затраченных на короткую речь усилий лицо короля побагровело, он задыхался. Взмахнув рукой, Людовик приказал аббату продолжать.

Сугерий откашлялся.

– Ваш отец желает, чтобы вы отправились с армией в Бордо, закрепились на этих землях и женились на старшей из дочерей покойного герцога. Сейчас она находится под защитой во дворце Омбриер, и архиепископ ожидает вашего прибытия.

Людовик отшатнулся, словно от удара кулаком в живот. Он знал, что однажды ему придется жениться и обзавестись наследниками, но всегда относился к этому как к неприятной обязанности, смутно маячащей в далеком будущем. Теперь же ему сообщают, что он должен жениться на девушке, которую никогда не видел и которая родом из земель, где живут сплошь искатели удовольствий, распущенные и безнравственные.

– Я позабочусь о том, чтобы девочки получили воспитание в наших традициях, – сказала его мать, занимая важное место в будущем семейном устройстве. – Они много лет были лишены материнской заботы, и им будет полезно получить должное руководство и образование.

Коннетабль короля, Рауль де Вермандуа, вышел вперед.

– Сир, я немедленно начну готовиться к выступлению.

Он был еще одним близким советником, а также двоюродным братом Людовика. Кожаная повязка скрывала пустую глазницу – глаз коннетабль потерял восемь лет назад, во время осады. На поле боя он был отважным рыцарем, а во дворцах – элегантным и очаровательным придворным, любимцем дам. Повязка на глазу лишь добавляла ему популярности среди женщин.

– Поторопись, Рауль, – прохрипел король. – Время не терпит. – Он предостерегающе поднял указательный палец. – Это должен быть роскошный и почетный кортеж; в Пуату такое ценят, и мы должны сохранить расположение жителей тех земель любой ценой. Украсьте копья знаменами, а шлемы лентами. Покажите, что на этот раз вы идете с дарами, а не с клинками.

– Сир, предоставьте это мне.

Де Вермандуа с поклоном вышел из комнаты, его роскошный плащ парусом развевался за его плечами.

Людовик снова преклонил колени, чтобы получить благословение отца, и каким-то чудом сумел выйти из зловонной комнаты прежде, чем согнулся в сильном приступе тошноты. Жениться не хотелось. Он ничего не знал о девушках – их мягкие изгибы, хихиканье и щебечущие голоса его отталкивали. Его мать не такая; она была словно стальной стержень, но никогда не давала ему любви. Любовь в его мире дарил лишь Господь, но теперь, судя по всему, Бог говорил, что он должен жениться. Возможно, то было наказание за грехи, и ему оставалось лишь принять его с радостью и воздать хвалу.

Слуги бросились убирать за наследником, а из королевских покоев вышел Сугерий и быстро оказался рядом.

– Ах, Людовик, Людовик. – Аббат, утешая, обнял юношу за плечи. – Я знаю, вы поражены, но такова воля Божья, и должно подчиниться. Господь посылает вам великолепные возможности, а девушка, немногим моложе, станет вам женой и помощницей. Воистину стоит возрадоваться!

Успокаивающие слова Сугерия возымели действие, и Людовик взял себя в руки. Если на то действительно воля Божья, то он должен подчиниться и сделать все, что в его силах.

– Я даже не знаю ее имени, – произнес он.

– Полагаю, ее зовут Алиенора, сир.

Людовик беззвучно сложил губами незнакомые слоги. Имя было похоже на заморский фрукт, которого он никогда не пробовал. К горлу снова подступила тошнота.

4

Бордо, июнь 1137 года

Алиенора чувствовала, что Жинне рвется вперед, но заставляла ее держаться рядом с конем архиепископа Жоффруа. Девушке тоже не терпелось промчаться с ветерком. Уже несколько дней она не выходила из замка, ее постоянно охраняли, будто ценный трофей. Сегодня утром архиепископ взял на себя ответственность за ее благополучие. Его рыцари, не теряя бдительности, держались чуть поодаль, оставив Алиенору наедине с наставником для секретной беседы.

За два месяца, прошедшие со дня смерти ее отца, теплую южную весну сменило жаркое лето, а на деревьях в дворцовом саду созрели темные глянцевые вишни. Ее отец лежал, вырванный из жизни, в гробнице в Компостеле, а она пребывала в неопределенности, наследница, способная менять судьбы благодаря своему рождению, но не имеющая власти за стенами дворца – ведь какое влияние могла иметь тринадцатилетняя девочка на мужчин, определявших ее будущее?

Они выехали на равнину, и Алиенора прищипорила Жинне, отпуская поводья. Конь Жоффруа тоже прибавил шагу, и от ударов копыт по иссохшей земле поднялась белым дымом пыль. В лицо Алиеноре дул теплый ветер, она вдыхала терпкий аромат дикого тимьяна, который топтали лошади. Резкий летний свет ослепил ее, и на мгновение все заботы рассеялись в эйфории от скачки, оттого, что она жива, что кровь поет в ее жилах. Вся внутренняя скованность и зажатость широко развернулась и наполнилась энергией, горячей и яркой, как солнце.

Наконец она остановилась перед обветренной римской статуей, стоявшей на обочине дороги, и наклонилась, чтобы погладить потемневшую от пота шею Жинне. Отец рассказывал ей о римлянах. Тысячу лет назад они пришли на эти земли, завоевали их и поселились в Аквитании. Говорили те воины на латыни, которая теперь осталась языком ученых, – латынь Алиенора выучила вместе с французским, на котором говорили в Пуату и на севере, столь отличным от *lenga romana*⁵, звучавшего в Бордо.

Правая рука статуи была поднята, словно оратор обращался к слушателям, а его белый невидящий взгляд был устремлен к горизонту. Звезды золотого лишайника украшали его нагрудник и края пояса.

– Неизвестный воин, – сказал Жоффруа. – Надпись утрачена. Многие оставили свой след на этой земле, но, в свою очередь, получили по заслугам. Местные не любят, когда их запрягают и садятся на шею.

Алиенора выпрямилась в седле. Осознание того, что она герцогиня Аквитанская, зашевелилось в ней, будто пробудился спящий дракон, напрягая гладкие, витые мышцы.

– Я их не боюсь, – сказала она.

В резком солнечном свете взгляд архиепископа казался еще мрачнее.

– Тем не менее не забывай об осторожности. Все лучше, чем оказаться застигнутой врасплох. – Помедлив, он добавил: – Дочь моя, у меня есть для тебя новости, и я хочу, чтобы ты внимательно их выслушала.

Алиенора внезапно насторожилась. Могла бы и раньше догадаться, что эта прогулка затеяна не только ради удовольствия.

– Какие новости?

– Исполненный любви к тебе и заботы о землях Аквитании твой отец описал в завещании для тебя великие планы.

⁵ Один из диалектов романского языка, который так называли в Средние века, а сейчас – окситанским.

– Что значит – великие планы? Почему ты не говорил об этом раньше? – Страх и гнев забурили в ее груди. – Почему отец ничего мне не сказал?

– Потому что плод должен вырасти, прежде чем созреть, – серьезно ответил Жоффруа. – Если бы твой отец вернулся из Компостелы, он сам рассказал бы тебе об этом. Неразумно было рассуждать об этом до того, как наступит подходящий момент, но сейчас время пришло. – Он наклонился с лошади и накрыл ладонью руку девушки. – Твой отец желал для тебя брака, который сделает честь тебе и Аквитании и приведет к величию. Он также хотел, чтобы его дочери были в безопасности, а на ваших землях царил мир. Уходя в паломничество, он попросил короля Франции позаботиться о вашем благополучии и договорился о браке между тобой и старшим сыном короля – Людовиком. Однажды ты станешь королевой Франции и, если будет на то воля Божья, матерью целой плеяды королей, властителей империи от Парижа до Пиренеев.

Эти слова обрушились на Алиенору, будто удар секиры, и она лишь потрясенно смотрела на своего наставника.

– Это прекрасная возможность, – проговорил Жоффруа, внимательно за ней наблюдая. – Ты исполнишь волю отца, и наградой тебе будет корона. Союз между Францией и Аквитанией сделает обе страны гораздо сильнее.

– Отец никогда не поступил бы так, не сказав мне. – Ошеломленно слушавшая его Алиенора почувствовала, что ее предали.

– Он умирал, дитя мое, – печально напомнил Жоффруа. – Он должен был обеспечить тебе лучшее будущее, и это нужно было держать в тайне – до поры до времени.

Она вздернула подбородок.

– Я не хочу становиться женой французского принца. Я хочу выйти замуж за рожденного в Аквитании.

Наставник сжал ее руку, и Алиенора почувствовала, как его кольцо больно впилося в кожу.

– Ты должна доверять мне и своему отцу. Мы поступили наилучшим образом. Если ты выйдешь замуж за одного из вассалов, это приведет к соперничеству и войне, которая разорвет Аквитанию на части. Людовик прибудет в ближайшие недели, и вы обвенчаетесь с ним в соборе. Это будет сделано со всеми возможными почестями, как того желал твой отец, и ваши общие вассалы поклянутся вам в верности. Тебе нельзя ехать в Париж до свадьбы, потому что слишком многие попытаются захватить тебя, чтобы использовать в своих целях.

Алиенора вздрогнула. От его слов она будто провалилась в глубокую темную яму. Ее губы сами собой беззвучно прошептали: «Нет».

– Дочь моя, ты меня слышишь? Ты будешь великой королевой.

– Но меня никто не спрашивал. Все решили за моей спиной. – Ее горло сжалось. – Что, если я не выйду замуж за Людовика Французского? Что, если я... хочу замуж за кого-то другого?

Жоффруа смотрел на нее с состраданием, но сурово.

– Это невозможно. Выброси такие мысли из головы. Отец выбирает, с кем его дочери сочетаться браком. Ты не доверяешь его решению? Ты не доверяешь мне? Этот союз будет благом для тебя и для Аквитании и Пуату. Людовик молод, красив и образован. У вас будет великолепный брак, и это ваш долг.

Алиенора чувствовала себя так, словно ее положили в гроб и заколотили крышку, закрыв от света и жизни. Никто не позаботился рассказать ей об этом, как будто она была не более чем ценной посылкой, которую передавали из рук в руки. Какая ей польза быть владычицей земель, которые она изучала, если все на блюдечке поднесут французам? Было обидно и больно, что ее наставник давно знал обо всем и ничего не сказал и что отец вынашивал этот план, даже когда

прощался с ней навсегда. С таким же успехом она могла провести всю жизнь, поедая сладкие фрукты и слушая глупые сплетни.

Развернув Жинне, она прищипорила кобылу и ненадолго забылась в бешеной скачке, но, когда лошадь начала уставать, снова сбавила ход, понимая, что, как ни старайся, от судьбы не убежишь, тем более что обманули ее те, кому она доверяла больше всего на свете.

Жоффруа не поехал за ней, и Алиенора натянула поводья, остановившись на пыльной дороге, глядя вдаль, как безымянный римлянин на своем покрытом лишайником цоколе. Архиепископ уверял, что лучше этого брака и быть не может, но ей все виделось в другом свете. Она никогда не помышляла стать королевой Франции; править же Аквитанией было ее священным долгом, только об этом она и мечтала. Размышляя в минуты уединения о замужестве, она воображала рядом с собой Жоффруа де Ранкона, сеньора Тайбура и Жансе, и ей казалось, что Жоффруа, возможно, тоже воображал ее своей супругой, хотя никогда и не говорил об этом.

С болью в сердце Алиенора снова села в седло и вернулась к наставнику, и ей казалось, что, пока она ехала, последние капли детства будто бы рассыпались позади нее в пыль, сверкнули и исчезли.

Вернувшись во дворец, Алиенора сразу же отправилась в покои, которые они делили с Петрониллой, чтобы переодеться и привести себя в надлежащий вид к главной трапезе дня, хотя и не была голодна, а желудок словно прилип к позвоночнику. Она склонилась над медным тазом для умывания и обрызгала лицо прохладной душистой водой, чувствуя, как уходит напряжение, вызванное яростным солнечным зноем.

Петронилла сидела на кровати, отщипывая лепестки от ромашки и напевая под нос. Смерть отца поразила ее в самое сердце. Поначалу она отказывалась понять, что он не вернется, и Алиенора приняла на себя всю тяжесть ее гнева и горя, потому что именно на нее Петронилла выплескивала страдания. Сейчас младшей сестре стало немного легче, но она все еще порой плакала, чаще обычного дерзила и капризничала.

Алиенора задернула балдахин на кровати, чтобы отгородиться от придворных дам. Они и так скоро узнают – возможно, уже узнали из придворных сплетен, – но она хотела рассказать об этом Петронилле наедине. Сев рядом, Алиенора смахнула рассыпавшиеся лепестки.

– Я должна тебе кое-что сказать, – сообщила она.

Петронилла сразу же напряглась: в прошлый раз, когда Алиенора принесла ей новости, они были очень печальными.

Стараясь говорить тише, Алиенора продолжила:

– Архиепископ говорит, что я должна выйти замуж за Людовика, наследника Франции. Папа договорился об этом до того, как он... прежде чем уехал.

Петронилла посмотрела на нее пустым взглядом и отбросила стебель ромашки.

– Когда? – требовательно осведомилась она.

– Скоро. – Губы Алиеноры скривились на этом слове. – Он уже едет к нам.

Петронилла ничего не сказала и отвернулась, суетливо распутывая узлы на шнуровке платья.

Алиенора протянула руку, чтобы помочь, но Петронилла отшатнулась.

– Я справлюсь без тебя! – выкрикнула она. – Ты мне не нужна!

– Петра...

– Ты только и знаешь, что уезжать и бросать меня, как остальные. Я тебе не нужна. Никому не нужна!

Алиенора почувствовала себя так, словно Петронилла вогнала в ее тело нож.

– Это неправда! Я тебя очень люблю. Неужели ты думаешь, что это был мой выбор? – Она с отчаянием встретила яростный, испуганный взгляд сестры. – Думаешь, у меня не болит

сердце и мне не страшно? Единственное, что у нас есть, – это мы. Я всегда буду заботиться о тебе.

Петронилла заколебалась и, повинувшись смене настроения, бросилась в объятия Алиеноры, крепко обнимая ее и заливаясь слезами.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала!

– Я не уеду. – Алиенора гладила Петрониллу по голове, по ее щекам струились слезы.

– Поклянись!

Алиенора перекрестилась.

– Клянусь своей душой. Никто нас не разлучит. Я не позволю. Иди сюда.

Шмыгая носом, с мокрыми от слез щеками, она помогла Петронилле распутать узел.

– Какой... какой из себя Людовик Французский?

Алиенора пожала плечами и вытерла глаза.

– Не знаю. Его готовили для служения Господу, пока не умер его старший брат, так что, по крайней мере, чему-то учили. – Она помнила, что его отца прозвали Людовиком Толстым, и в ее воображении возник тошнотворный образ бледного тучного юноши. Она задумчиво вздохнула. – Так пожелал папа, и у него, вероятно, были на то свои причины. Мы должны исполнить свой долг и подчиниться его воле. Выбора у нас нет.

5

Бордо, июль 1137 года

В отупляющей июльской жаре приготовления к прибытию французского жениха и его армии продолжались полным ходом. В Бордо пришло известие, что Людовик достиг Лиможа как раз вовремя, чтобы отпраздновать 30 июня День святого Марциала. Он принял присягу графа Тулузского и тех баронов Лимузена, которые пришли поклясться ему в верности, когда весть о предстоящей свадьбе распространилась по землям Алиеноры. Теперь, в сопровождении вассалов Алиеноры, французская кавалькада преодолевала последний отрезок пути.

От подвалов до вершук башен Бордо готовился к встрече Людовика. Таверны были чисто выметены и украшены флагами и гирляндами. Из окрестностей в город катились повозки с припасами, гнали коров и овец для заклания. Швеи трудились над тончайшей бледно-золотистой тканью, шили свадебное платье, достойное новой герцогини Аквитании и будущей королевы Франции. Шлейф украсили сотнями жемчужин, а на рукава, расширенные от запястья и спускавшиеся до лодыжек, пришили прелестные золотые крючки, чтобы пристегнуть их к поясу, если будут мешать.

На заре жаркого июльского утра Алиенора вошла в церковь, чтобы исповедаться и причаститься. Когда она вернулась, придворные дамы облачили ее в платье из дамаста цвета слоновой кости и туго затянули золотую шнуровку, чтобы подчеркнуть тонкую талию. Украшенный драгоценными камнями убор покрывал ее голову, но блестящие волосы оставались открытыми. В густые пряди были вплетены серебристые ленты. Ее ногти подкрасили розовой мареной и отполировали до блеска. Алиеноре казалось, что ее всю отполировали до блеска, как позолоченные серебряные кубки, подготовленные для брачного пира.

Сквозь открытые ставни сияло по-летнему голубое небо. Над красной черепичной крышей хозяйственных построек возле дворца кружили голуби, а река сверкала в утреннем зное, будто сундук с сокровищами. Алиенора смотрела на французские палатки на дальнем берегу, возвышавшиеся, будто грозди экзотических грибов. Людовик и его армия прибыли вчера незадолго до заката и разбили лагерь, пока солнце опускалось над прозрачными водами Гаронны. Бледные полотнища пехоты стояли по внешнему кругу, в то время как центр пылал яркими шелками и золотыми фиалами высшей знати и церковных иерархов. Алиенора остановила взгляд на самом большом из всех шатров: лазурно-сине-золотом, с алой орифламмой – штандартом французских королей, развевающимся на горячем ветру у открытых дверей. Она видела, как в шатер входили и выходили из него мужчины, но не знала, был ли среди них ее будущий муж.

По реке сновали небольшие лодки и баржи, доставляя прибывшим на дальний берег еду и питье. Кавалькада из судов дружно гребла в сторону французского лагеря, весла оставляли на воде белые черточки. Шедшую первой баржу украшали флаги, над палубой был натянут холщовый полог, чтобы укрыть ее обитателей от солнца, а на носу виднелась фигура архиепископа Жоффруа. Он пересекал реку, чтобы встретить французов и доставить Людовика с придворными в город на первую официальную встречу жениха и невесты.

«Людовик не будет толстым, – мысленно уверяла себя Алиенора, стараясь приободриться. – Все это устроено ради общего блага». Но внутри у нее разрасталась тянущая пустота, потому что она не чувствовала никакого блага, а лишь все дальше уплывала от знакомых берегов.

Петронилла, пританцовывая на цыпочках, подбежала к сестре, потеснив ее у окна. Такой оживленной Алиенора не видела ее с тех пор, как умер отец. Сначала сестра расстроилась, услышав новости о свадьбе, но вскоре ее охватило радостное волнение, вызванное пригото-

лениями к празднику. Петронилла обожала изысканные наряды, веселье и развлечения и с удовольствием предвкушала предстоящие торжества.

Архиепископ и дядя Алиеноры высадились на противоположном берегу реки, и слуга поспешил к большому сине-золотому шатру. Вскоре оттуда вышли пышно разодетые придворные.

– Как ты думаешь, кто из них Людовик? Кто? – Петронилла едва не вывернула шею.

Алиенора покачала головой:

– Не знаю.

– Вон тот – в синем! – Петронилла, указывая, вытянула руку.

Алиенора видела иерархов церкви в сверкающем облачении и дворян – некоторые из них были в синем, но находились слишком далеко, чтобы рассмотреть лица.

Гости скрылись под пологом на палубе, баржа отчалила от берега. В отличие от сестры Алиенора смотрела на скользящие по воде корабли, будто наблюдала вторжение, а не радостное приближение жениха и его свиты.

К тому времени когда баржа пришвартовалась под высокими стенами дворца Омбриер, Людовика уже чуть ли не тошнило от страха. Посланники твердили ему, как прекрасна, грациозна и скромна его будущая невеста, но что мешало им солгать? Он держал себя в руках и надеялся, что его страх останется незамеченным. Отец дал ему важное поручение, и он обязан выполнить его как мужчина.

Из-за сильной жары было трудно дышать. Людовику казалось, что он ощущает на губах вкус нагретой солнцем парусины полога, чувствует, как она липнет к горлу. Архиепископ Жоффруа Бордоский словно таял на глазах, из-под украшенной драгоценной вышивкой митры капли пота катились по его красному лицу. Людовика он приветствовал с серьезностью и почтением, а аббата Сугерия, который был его старым другом и союзником, с улыбкой.

Сенешаль Людовика, Рауль де Вермандуа, вытирал затылок шелковым клетчатым платком.

– Не припомню такого жаркого лета, – сказал он, тщательно вытирая кожаную повязку на левом глазу.

– Во дворце вас ждет приятная прохлада, господа, – сказал архиепископ. – Омбриер был построен давным-давно как убежище от летнего зноя.

Людовик взглянул на уходящие ввысь стены. Дворец Тени, или дворец Теней. В название можно вложить не один смысл.

– Будем рады прохладе, архиепископ, – ответил он. – По дороге сюда мы порой скакали после наступления сумерек и при свете луны, чтобы спастись от жары.

– О да, – признал Жоффруа, – и мы рады вашей поспешности в этом деле.

Людовик склонил голову.

– Мой отец понимал, что это необходимо.

– Герцогиня с нетерпением ждет встречи с вами.

– Я с нетерпением жду возможности ее приветствовать, – машинально ответил Людовик.

Рауль де Вермандуа бросил в воду серебряные монеты, и гости наблюдали, как юноши ныряют за ними, сверкая коричневыми телами.

– Твой отец сказал, что нам следует выказать этим людям вежливость и щедрость, – ответил он с усмешкой, заметив вопросительно поднятые брови Людовика.

Людовик не был уверен, что его отец имел в виду щедрость с представителями низших сословий, однако Рауль любил забавные и спонтанные жесты, к тому же раздача мелких монет городским мальчишкам не повредит, даже если это легкомысленно и менее достойно, чем подавание у дверей церкви.

Когда гости сошли на берег, их встретили представители духовенства и знати, сопроводив неспешной процессией под тенистым паланкином к собору Сент-Андре, где на следующий день Людовику предстояло обвенчаться со своей невестой.

Он вошел под украшенную арку портика и остановился в священном присутствии Господа. В стенах собора, благословенном убежище от палящего летнего солнца, царил прохлада. Ощувив ароматы ладана и свечного воска, Людовик вздохнул с облегчением. Здесь ему все было знакомо. Он прошел по нефу с украшенными колоннами и, дойдя до ступеней алтаря, осенил себя крестным знаменем и простерся ниц.

«Господь Всевышний, я – Твой слуга. Дай мне силы исполнить волю Твою и не потерпеть неудачу. Даруй мне свою благодать и проводи меня путем праведности».

Именно здесь состоится их с Алиенорой бракосочетание. Ему все еще было трудно произнести ее имя, а тем более представить ее лицо. Говорили, что она красива, но то, что одному кажется прекрасным, другому покажется отвратительным. Ему хотелось оказаться дома, в Париже, в безопасности за крепкими стенами Нотр-Дама или Сен-Дени.

При звуках фанфар он перевел взгляд на неф. Колонны образовали тоннель из золотых арок, который оканчивался открытым дверным проемом. Сквозь свет к нему шла девушка в сопровождении придворных, и на мгновение он будто ослеп, ему показалось, что все они окутаны неземным сиянием. Девушка была высокой и стройной; ее темно-золотистые волосы ниспадали до пояса, а макушку целомудренно прикрывал украшенный драгоценными камнями чепец девственницы. Лицо ее было овальным и бледным, не слишком женственным, но черты его говорили о силе и нежности, отчего Людовику вдруг подумалось об ангелах.

Она опустила на колени, чтобы поцеловать кольцо архиепископа, а когда он поднял ее, положила руку ему на локоть и прошла по нефу к Людовику.

– Сир, – произнесла она, снова преклонив колени, и только потом подняла на него глаза. Они были изменчивого цвета океана, в них светились искренность и ум. Людовику показалось, будто его сердце положили на наковальню и расплющили одним ударом.

– Юная госпожа, – сказал он. – Я счастлив познакомиться с вами и предложить вам честь сочетаться браком, соединяя наши великие земли.

Слова вырвались сами собой, потому что он репетировал их в душном шатре с Сугерием почти весь предыдущий вечер, потев от жары и под вой комаров. Произнося их сейчас, Людовик немного пришел в себя, хотя его сердце все еще билось, как у скачущего во весь опор оленя.

– Для меня большая честь познакомиться с вами, сир, – ответила она, опустив ресницы, а потом добавила с легкой заминкой в голосе: – И принять ваше предложение, как того желал мой отец.

Людовик понял, что она, должно быть, тоже готовилась и заучивала слова и, как и он, волнуется. Он почувствовал облегчение, а потом и превосходство. Ему захотелось взять девушку под свою защиту. Она была совершенней, чем он смел надеяться. Бог ответил на его сомнения и показал, что этому суждено было случиться. Женитьба – естественное проявление мужественности и королевской власти, потому что правителю нужна супруга. Он помог девушке подняться и коснулся ее щеки легким поцелуем, а затем отступил на шаг, чувствуя, как теснит в груди.

Она скромно представила стоящую рядом девочку, назвав ее своей сестрой Петрониллой. Это была еще совсем девочка, ниже ростом, с каштановыми волосами, заостренным подбородком и чувственными розовыми губами. Она присела перед Людовиком в реверанс и, бросив на него острый взгляд светло-карих глаз, опустила их. Вскользь подумав о том, что малышка станет прекрасной наградой для кого-нибудь из придворных, Людовик выбросил ее из головы, чтобы заняться важными делами. Повернувшись вместе с Алиенорой к алтарю, он произнес брачную клятву и дрожащими руками надел невесте золотое кольцо на средний палец ее пра-

вой руки. В это мгновение он потрясенно осознал, что Господь в немыслимой своей щедрости бесконечно одарил его.

Во дворце Омбриер был приготовлен праздничный пир. Столы, застеленные белыми скатертями, расставили в саду, чтобы гости могли сидеть на свежем воздухе, в тени, и слушать за трапезой музыкантов.

Алиенора улыбалась и отвечала, когда к ней обращались, но явно была озабочена, и разговор давался ей с трудом. С приездом Людовика и осознанием того, что ее жизнь никогда не будет прежней, на ее плечи лег тяжелый груз. Приходилось знакомиться с новыми людьми, оценивать их, и все они так отличались речью и обхождением от ее придворных. Они говорили на диалекте Северной Франции, который она понимала, поскольку на этом же языке говорили в Пуату, однако парижский говор был грубее на слух. Их одежда была из более плотной и мрачной ткани, и казалось, что гостям не хватает живости, присущей аквитанцам. Хотя они ведь долго путешествовали в летнюю жару, возможно, к ним следует отнестись с пониманием.

Ее опасения, что Людовик будет толстым и грубым, оказались необоснованными. Наследник французской короны оказался высоким и узким в бедрах, как породистая гончая. У него были великолепные серебристо-светлые волосы до плеч и широко расставленные голубые глаза. Губы тонкие, но изящно очерченные. Возможно, держался он скованно и принужденно – но день выдался напряженный. Людовик редко улыбался – в отличие от своего сенешаля, Рауля де Вермандуа, который, казалось, никогда не хмурился. Де Вермандуа развлекал Петронииллу фокусами, пряча маленький стеклянный шарик под одним из трех кубков и предлагая отгадать, где он находится. Девочка хихикала над шуткой, ее глаза сияли. Остальные гости-французы держались более настороженно и сдержанно, как будто у них к спинам под камзолами привязали по доске. Тибо, граф Блуа и Шампани, бросал раздраженные взгляды на де Вермандуа, на его скулах ходили желваки. Алиенора с удивлением отметила напряжение между придворными. Она так многого не знала, столько всего ей предстояло принять и усвоить.

По крайней мере, Людовик, хоть и немного замкнутый, не казался чудовищем, и она, вероятно, сможет с ним поладить. Обвести вокруг пальца старших мужчин, особенно аббата Сугерия и дядей Людовика, Амадея Морьенского и Вильгельма Монферратского, будет сложнее, однако она привыкла добиваться своего, имея дело с отцом, и, конечно же, у нее будут возможности остаться с Людовиком наедине, когда никто не будет им мешать. Они были почти ровесниками, а значит, найдется и что-то общее.

Когда все наелись и напились, Людовик торжественно вручил Алиеноре привезенные из Франции свадебные подарки. Среди них были книги с обложками из слоновой кости, реликварии⁶, шкатулки, украшенные драгоценными камнями, серебряные потиры⁷, стеклянные кубки из мастерских Тира, ковры, полотна тончайшей ткани. Ящики, сундуки и мешки подарков. У Алиеноры разбежались глаза от такой щедрости. Людовик подарил ей нательный крест, усыпанный рубинами, алыми, будто капли крови.

– Он принадлежал моей бабушке, – сообщил наследник, застегнув цепочку на шее, а затем отступил назад, учащенно дыша.

– Это великолепно, – ответила Алиенора, не покривив душой, хотя произведение искусства и не особенно ей понравилось.

Прежде выражение лица Людовика было озабоченным, но теперь он гордо выпрямился и взглянул Алиеноре в глаза.

⁶ Вместилища для хранения реликвий.

⁷ Чаши, которые используют на литургии (обедня, главное христианское церковное богослужение) для освящения вина и причащения.

– Вы подарили мне корону Аквитании, – сказал он. – Было бы крайне опрометчиво не одарить свою невесту взамен всеми богатствами Франции.

Алиенора вздрогнула от негодования. Хотя она и принесла вассальную клятву Франции, Аквитания принадлежала и всегда будет принадлежать только ей, несмотря на то что после свадьбы Людовик получит герцогскую корону. По крайней мере, в брачном контракте было сказано, что ее земли не будут присоединены к Франции, а останутся независимым герцогством.

– У меня тоже для вас кое-что есть. – Повинуясь взмаху ее руки, камергер вышел вперед с резной шкатулкой из слоновой кости. Алиенора осторожно взяла вазу с мягкой подкладки. Горный хрусталь с искусно вырезанным рисунком охлаждал пальцы, когда она повернулась и церемонно преподнесла вазу Людовику.

– Мой дед привез это после священной войны в Испании, – сказала она. – Старинная работа.

На фоне роскошных подарков, которые преподнес Людовик, ваза выглядела просто и строго, однако это только усиливало эффект. Взяв вазу в руки, Людовик поцеловал Алиенору в лоб.

– Она похожа на тебя, – сказал он, – чистая, прекрасная и единственная.

Он осторожно поставил вазу на стол, и белую скатерть словно усыпало разноцветными драгоценными камнями. На лице Людовика отразился восторг изумления. Алиенора улыбнулась, заметив его взгляд, и подумала, что, пусть он и преподнес ей роскошные и тяжелые дары, ее подарок – лучи пойманного света – превзошел их все.

– Вы позволите? – Не дожидаясь согласия, аббат Сугерий взял вазу в руки, буквально пожирая ее жадным взглядом. – Изысканное творение, – выдохнул он. – Никогда не видел такой тонкой работы. – Он восторженно провел пальцами по резьбе. – Взгляните, какая прозрачность, и все же в ней отражаются все цвета соборного витража. Воистину, божественное искусство!

Алиенора подавила желание выхватить у него вазу. Сугерий был близким другом архиепископа Жоффруа, и ей следовало бы прийти в восторг от его восхищения.

– Аббата Сугерия такие произведения приводят в истинный восторг, – с улыбкой произнес Людовик. – У него в Сен-Дени замечательная коллекция, вы ее увидите, когда мы вернемся в Париж.

Сугерий осторожно вернул вазу на подставку.

– Я собираю коллекцию не для себя, – с некоторым упреком сказал он, – а для прославления Господа через красоту.

– Верно, святой отец. – Людовик покраснел, будто мальчишка, которого отругали.

Бросив на него острый взгляд, Алиенора опустила глаза. Она заметила, как часто Людовик поглядывал на Сугерия, ища одобрения и поддержки. Этот человек мог стать другом или врагом, и Людовик был полностью в его власти. Впредь ей придется действовать очень осторожно.

Ближе к вечеру, когда солнце охладилось над рекой, а дворец Омбриер накрылся мантией сонных, темных теней, Людовик приготовился возвращаться в свой лагерь на другом берегу реки. С каждым часом он казался все менее напряженным и, прощаясь с Алиенорой, искренне улыбался: погладив большим пальцем подаренное ей кольцо, он поцеловал ее в щеку. Его губы были шелковистыми и теплыми, а недавно отросшая борода мягко коснулась ее кожи.

– Завтра я снова навещу тебя, – сказал он.

Что-то внутри Алиеноры разжалось и открылось. Мысль о том, чтобы выйти за него замуж, стала более осязаемой – реальностью, а не мутной дымкой мечты. Людовик казался вполне достойным женихом; он был добр и красив. Все могло оказаться гораздо хуже.

Отправляясь в свой лагерь по окрашенной золотым закатом реке, Людовик поднял руку в знак прощания, и Алиенора ответила тем же с мимолетной улыбкой на губах.

– Ну, дочь моя, – сказал, приближаясь к ней, архиепископ Жоффруа, – развеялись ли твои опасения?

– Да, святой отец, – ответила она, зная, что именно это он и хотел услышать.

– Людовик – прекрасный, набожный юноша. Он произвел на меня благоприятное впечатление. Аббат Сугерий хорошо его воспитал.

Алиенора снова кивнула. Она пока не решила, союзник ли Сугерий или враг, независимо от того, что он был другом Жоффруа.

– Я рад, что ты подарила ему вазу.

– Ничто другое не могло сравниться с его дарами, – сказала она и подумала, не ради ли этого наставник достал вазу из глубин сокровищницы. Она поджала губы. – Я рада, что аббат Бернард Клервоский не приехал с гостями.

Жоффруа приподнял брови.

Алиенора поморщилась. Грозный аббат Бернард дважды посещал ее отца, и оба раза для того, чтобы попенять ему за поддержку оппозиции во время папского раскола. Когда он приезжал в первый раз, она была совсем маленькой и лишь смутно помнила, как он погладил ее по голове. Он был худым, как копье, и от него пахло плесенью, как от старых гобеленов на стенах. Во второй раз, когда ей было двенадцать лет, Бернард и ее отец сильно поссорились в церкви де-ла-Кульдр. Болезнь тогда только подступила к Гильому, и аббат Бернард с пылающим зором и убедительными грозными речами об адском пламени, указывая острым костлявым пальцем, поставил ее отца на колени перед алтарем и заявил, что это Божье наказание грешнику. Алиенора опасалась, что аббат Бернард может оказаться среди французских иерархов церкви, и испытала огромное облегчение, когда это оказалось не так.

– Он унизил моего отца, – сказала она.

– Бернард Клервоский – очень набожный человек, – мягко напомнил Жоффруа. – Прежде всего он ищет чистый путь к Господу, и если иногда бывает критичен или ревностен, то лишь ради общего блага, и судить должно Господу, а не нам. Если ты встретишь его в Париже, я верю, что ты поведешь себя разумно и достойно, как и подобает в твоём положении.

– Да, святой отец, – бесстрастно ответила Алиенора, хоть и чувствовала, как ее охватывают мятежные чувства.

Жоффруа коснулся ее лба легким поцелуем.

– Я горжусь тобой, как гордился бы твой отец, будь он здесь.

Алиенора сглотнула, решительно отгоняя слезы. Будь ее отец с ними, ей не пришлось бы вступать в этот брак. Ее бы лелеяли и оберегали, и все было бы хорошо. Однако если слишком настойчиво об этом задуматься, то она наверняка в конце концов обвинит его в том, что умер и завещал ей такую судьбу.

Пока Алиенора была у реки, свадебные подарки от Людовика перенесли в ее покои и разложили на столе, чтобы она могла осмотреть их на досуге. Многие из подаренного не останутся надолго в ее руках; ожидалось, что она передаст их церкви или одарит достойные и влиятельные семьи. В реликварии хранился кусочек кости из ноги святого Иакова. Корпус был посеребрен, украшен жемчугом и драгоценными камнями, а маленькая дверца из горного хрусталя на шарнирах откидывалась, открывая золотую шкатулку, в которой находился драгоценный фрагмент. Были среди даров и два украшенных эмалевым узором подсвечника, две серебряные курильницы и шкатулка, наполненная кусочками ароматного ладана.

В личное пользование Алиеноре преподнесли украшенный драгоценными камнями венец, а также броши, кольца и подвески. Петронилле подарили венок из великолепных золотых роз с жемчугом и сапфирами. Она носила его весь день не снимая, приколов к роскошным

каштановым локонам, и играла с шариками из цветного стекла, которые подарил ей Рауль де Вермандуа.

Алиенора огляделась: нужно было осмотреть еще несколько ящиков, и она почувствовала себя как на банкете с избытком блюд. Здесь было слишком много богатства, слишком много золота, буквально душившего ее. Она торопливо сменила свое изысканное платье на простое, из прохладного льна, а изящные туфли с вышивкой – на сапоги для верховой езды.

– Я иду в конюшню к Жинне, – сообщила она.

– Я с тобой. – Петронилла убрала стеклянные шары в сундук. Когда Алиенора предложила ей снять золотой венчик, сестра покачала головой и надулась. – Не сниму, – упрямо буркнула она. – Я его не потеряю.

Алиенора бросила на нее раздраженный взгляд, но промолчала. Спорить с Петрониллой из-за такого пустяка было слишком хлопотно, а бед и без того хватало.

В конюшне Жинне приветствовала Алиенору тихим ржанием и с нетерпением потянулась к корочке хлеба, которую принесла хозяйка. Алиенора погладила ее, с наслаждением вдыхая сладкий запах соломы и лошадей.

– С тобой все будет хорошо, – прошептала она. – Я возьму тебя в Париж, здесь не брошу, обещаю.

Прислонившись к двери конюшни, Петронилла пристально смотрела на старшую сестру, словно сказанные слова предназначались ей. Алиенора закрыла глаза и прижалась лбом к гладкой, теплой шее кобылы. В мире, где столь многое так быстро изменилось, она черпала утешение рядом с давно знакомым, искренне привязанным к ней существом. Она предпочла бы переночевать в конюшне, чем вернуться в свои покои, к сверкающей гряде свадебных подарков.

Когда наступили сумерки, Петронилла дернула Алиенору за рукав.

– Я хочу погулять по саду, – сказала она. – Посмотреть на светлячков.

Алиенора позволила Петронилле увести себя во двор, где недавно они пировали с гостями. Стало гораздо прохладнее, хотя от каменных стен по-прежнему исходило мягкое тепло. Слуги составили столы к стене и унесли белые скатерти и изящную посуду. Рыбы в садовом пруду лениво плескались, выпрыгивая за мошками в последних отблесках солнечных лучей. В воздухе витал аромат старинных, нагретых солнцем камней. На сердце Алиеноры легла тяжесть. Она недавно потеряла отца, была вынуждена вступить в брак против воли, и теперь ей предстояло покинуть родной дом и отправиться в Париж в компании незнакомцев, один из которых был ее женихом.

Она вспомнила, как в этом саду в детстве носилась вокруг колонн: играла в пятнашки с Петрониллой. Цвета, образы и отголоски смеха прозрачной лентой вплетались в реальность настоящего и исчезали.

Петронилла неожиданно крепко ее обняла.

– Как ты думаешь, все будет хорошо? – спросила она, уткнувшись головой в плечо Алиеноре. – Ты так сказала Жинне, но разве это правда? Мне страшно.

– Конечно, правда! – Алиеноре пришлось закрыть глаза, обнимая сестру, потому что это было невыносимо. – У нас все будет хорошо, обязательно!

Она привлекла Петрониллу к себе, усадила на старую каменную скамейку у пруда, где обе часто сидели в детстве, и они вместе смотрели, как светлячки мерцают в темноте, словно капельки надежды.

Людовик взглянул на вазу. Он поставил ее на маленький столик для богослужений в своей палатке рядом с распятием и фигуркой Пресвятой Девы из слоновой кости. Простота и ценность подарка несказанно его удивили, как и девушка, которая его преподнесла. Она была совершенно непохожа на ту, что он ожидал увидеть. Ее имя, совсем недавно казавшееся стран-

ным и неприятным на вкус, медом растекалось по его языку. Она наполняла его душу, но сохранилось и ощущение внутренней пустоты, оставив его в недоумении, как такое может быть. Когда свет, преломленный в хрустале, окрасил скатерть, он воспринял это как знак Божий, как знак того, что предстоящий брак благословлен Господом. Их союз был подобен этому сосуду, ожидающему, когда его наполнят светом, чтобы засиять Божьей благодатью.

Стоя на коленях перед столом, он прижался лбом к сложенным ладоням и от всего сердца искренне возблагодарил Создателя.

6

Бордо, июль 1137 года

Входя в собор Сент-Андре в следующий раз, Алиенора почувствовала, что задыхается. На этот раз перед ней шли два ряда хористов и капеллан, высоко несший крест. Обычно браки заключались у дверей собора, но ее брак с Людовиком решено заключить перед алтарем, чтобы подчеркнуть его важность перед Богом.

Алиенора глубоко вздохнула и ступила на узкую дорожку из свежего зеленого тростника, усыпанную травами и нежными розами. Цветочная тропа вела по длинному нефу к ступеням алтаря. Причетники покачивали серебряными кадильницами на звенящих цепочках, и благоухание ладана поднималось и вилось бледным дымом к сводчатому потолку, смешиваясь с голосами хора. Петронилла с тремя юными девушками несли за Алиенорой тяжелый, расшитый жемчугом шлейф, а ее дядя по материнской линии Рауль де Фай вышагивал рядом, представляя ее родственников-мужчин. При каждом шаге ее юбки шуршали и развевались. Время от времени она чувствовала, как под ногой сминается нежная роза, и это казалось почти предзнаменованием.

Пока неторопливая процессия шла к алтарю, прихожане, стоявшие по обе стороны ее пути, преклоняли колени и склоняли головы. Их лица были скрыты, и Алиенора не могла угадать их мысли, не видя ни улыбок, ни хмуро сдвинутых бровей. Рады ли они союзу Аквитании и Франции или уже замыслили мятеж? Счастливы ли они за нее или полны тревоги? Она отвела взгляд и, вздернув подбородок, сосредоточилась на мягком блеске алтаря, где ее ждал Людовик в сопровождении аббата Сугерия и свиты. Было слишком поздно что-либо предпринимать или воображать, что у нее есть выбор, – оставалось лишь идти вперед.

Голубой шелковый камзол Людовика был расшит французскими лилиями, и от его учащенного дыхания ткань переливалась. Корона с жемчугом и сапфирами лежала на его челе, и когда Алиенора присоединилась к нему у ступеней алтаря, солнце заглянуло в окна собора, осветив невесту и жениха косыми лучами, напоминающими длинные мечи прозрачного золота. Он протянул ей руку, худую и бледную, и слегка изогнул губы в знак приветствия. Поколебавшись, Алиенора вложила правую руку в его ладонь, и вместе они опустились на колени, склонив головы.

Жоффруа де Лору, блистательный в расшитой золотом и украшенной драгоценными камнями епископской мантии, провел свадебный обряд и мессу, каждый жест и движение его были пронизаны серьезностью. Алиенора и Людовик отвечали твердо, бесстрастно, но их сцепленные руки то и дело сжимались от волнения. Вино для причастия в хрустальном сосуде, который Алиенора подарила Людовику во время помолвки, сияло, как темный рубин. При виде этого кубка, наполненного вином, она удивилась и встревожилась. Ей казалось, что ее связали и силой выдают замуж, а она даже помогает похитителям ту же затянуть узлы, глотая кровь Искупителя и обещая во всем повиноваться Людовику.

Ощущая на языке металлический привкус вина, она услышала, как архиепископ Жоффруа произносит последние слова свадебного обряда, объявляет о браке и решает ее судьбу. Одна плоть. Одна кровь. Людовик поцеловал ее в обе щеки, а потом и в губы сомкнутыми сухими губами. Она покорно подчинилась, отстраненная и немного оцепеневшая, как будто это происходило с кем-то другим.

Обвенчавшись перед ликом Господа, они повернулись спиной к алтарю, чтобы пройти обратно по нефу, и среди всех склоненных в молитве и благоговении голов Алиенора так и не смогла определить, кто ей союзник, а кто враг.

Великолепное пение хора сопровождало молодоженов до дверей, гармония заполняла пространство, почти превращаясь в овации. Людовик рядом с ней шире развернул плечи и выпятил грудь, словно музыка наполняла и придавала уверенности. Бросив быстрый взгляд на мужа, она увидела блестевшие в его глазах слезы и блаженное выражение лица. Алиенору такие сильные чувства не захлестнули, но к тому времени, когда они дошли до резных позолоченных дверей собора, ей удалось спрятаться за улыбкой.

Горячий воздух после прохлады храма ударил, будто расплавленный молот. Корона Людовика ослепила ее глаза до боли.

– Жена, – сказал он, его лицо покраснелось от триумфа, а в голосе слышались собственные нотки. – Все вершится по воле Божьей.

Алиенора опустила взгляд на новое, сверкающее на солнце обручальное кольцо и ничего не сказала, потому что боялась сказать не то.

Из Бордо свадебный кортеж направился в Пуатье, объезжая крепости и аббатства, чтобы все могли приветствовать и поздравить молодую герцогиню и ее супруга. На третий день они подъехали к огромному и, по сложившемуся мнению, неприступному замку Тайбур на реке Шаранта, переходившему по наследству сенешалям Пуату. Тайбур стоял у последнего моста через реку, которая вскоре впадала в океан, и через него постоянным потоком шли паломники, направлявшиеся к святилищу святого Иакова в Компостеле.

Их встретил сам хозяин замка, Жоффруа де Ранкон, важный вассал, друг семьи и мужчина, за которого Алиенора предпочла бы выйти замуж, если бы у нее был выбор. Он не присутствовал на свадьбе в Бордо, так как был занят важными делами на своих землях, но с радостью приветствовал жениха и невесту и даже был готов дать им кров на брачную ночь, которую по давней традиции отложили на третий день после свадьбы.

Жоффруа преклонил колено перед Алиенорой и Людовиком во дворе замка и принес клятву верности. Алиенора смотрела, как играет солнце на его роскошных каштановых волосах. Ее сердце заныло от боли, но голосом она себя не выдала, когда приказала Жоффруа подняться. Выражение его лица было вежливым и бесстрастным, улыбка – как у опытного придворного. Подобно Алиеноре резкая перемена обстоятельств заставила его забыть о надеждах и амбициях и сосредоточиться на чем-то новом.

Многие вельможи, которые не смогли присутствовать на свадьбе в Бордо, прибыли в Тайбур, чтобы присягнуть на верность Алиеноре и Людовику, и Жоффруа сделал так, что все прошло гладко, как по маслу. Хозяин замка устроил пир, на котором Людовик и Алиенора были почетными гостями и властителями своих подданных. Позже, на приватной встрече, Людовик увидел новых вассалов и поговорил с баронами и представителями духовенства, с которыми раньше не встречался.

В толпе гостей Жоффруа выбрал момент, чтобы подойти к Алиеноре.

– К завтрашней охоте все готово, – сообщил он. – Надеюсь, принцу понравится.

– Он говорил мне, что любит хорошую охоту, если погоня не выпадает на святой день.

– Вы заключили прекрасный брак, – подавшись вперед, мягко сказал он. – Любой отец гордился бы тем, что сделал для своей дочери.

Она отыскала взглядом детей Жоффруа, стоявших вместе с няньками. Старшей, Бургундии, было семь лет, Жоффруа, тезке отца, – шесть, а младшей Берте – четыре.

– Вы пожелали бы такого мужа своей дочери? – спросила она.

– Я сделаю все, что смогу, для них и для рода Ранконов. Таких возможностей упускать нельзя.

– Но что говорит ваше сердце?

Он приподнял брови.

– Мы все еще говорим о моих дочерях?

Алиенора покраснела и отвела взгляд.

– Каких бы надежд я ни питал, теперь мне очевидно, что они никогда не оправдались бы – даже останься ваш отец жив. Он был гораздо мудрее меня. Это не принесло бы пользы Аквитании, а помнить о ней – наш величайший долг... Алиенора, посмотрите на меня.

Она встретила его взгляд, хотя это и стоило ей больших усилий. С ужасом пришла мысль: за ними пристально наблюдают все придворные и достаточно слишком долгого взгляда, неосторожного слова – и разгорится разрушительный скандал.

– Я желаю добра вам и вашему мужу, – произнес он. – Все, о чем вы меня попросите, я исполню как верный вассал. Вы можете доверять мне всегда и без оглядки.

Он поклонился и отошел, заведя учтивую беседу с Раулем де Вермандуа.

Алиенора пошла по залу, роняя слово здесь и там, улыбаясь и взмахом руки показывая золотую подкладку рукава и блеск кольца с топазом – одного из свадебных подарков Людовика. Она была милостивой и прекрасной юной герцогиней Аквитанской, и никто и представить не мог, как изранено ее сердце и как тяжело у нее на душе.

Алиенора тихо вошла в спальню новобрачных, приготовленную на верхнем этаже башни. Наступила ночь, и ставни были закрыты. Горели свечи и лампы – комната мерцала мягким янтарным светом на фоне глубоких теней. Одиночество ее будет недолгим. Вскоре придут придворные дамы, чтобы подготовить ее к брачной ночи.

Кто-то повесил на стену щит ее отца – Жоффруа, вероятно, – и как напоминание о многих поколениях ее предков, и как символ отцовского благословения. Алиенора сглотнула, вспомнив, как в детстве брала щит и бегала за отцом, смешав его, изображая оруженосца, стараясь не волочить кончик доспеха в пыли.

Огромная кровать, которую везли за молодыми, была застелена свежими льняными простынями, мягкими шерстяными одеялами и шелковым покрывалом, расшитым орлами. Шторы из красной шерстяной ткани собрались глубокими складками с тяжелыми тенями. У кровати была долгая история, восходящая к ее родителям, бабушке и дедушке, к предыдущим правителям этих земель, даже к сыну Карла Великого, который был королем Аквитании в те времена, когда в Аквитании правили короли. Веками эта кровать служила супругам ложем для свадебных ночей, зачатий, рождений и смертей. Сегодня вечером на ней окончательно будет заключен союз между Францией и Аквитанией, начало которому было положено три дня назад в соборе Сент-Андре.

Алиенора знала, чего ожидать. Женщины давно объяснили ей ее обязанности, и она не была ни слепой, ни глупой. Она видела, как спариваются животные, как обнимаются парочки в темных углах, когда холодными зимами места для свиданий на открытом воздухе становились недоступными. Не раз она слышала откровенные стихи своего деда, которые сами собой могли многому научить. Уже больше года в положенный срок у нее шла кровь: верный знак, что ее тело готово к супружеству. Однако осознать этот факт – не то же самое, что пережить его лично, и ей было страшно. Знает ли Людовик, что делать, ведь, пока не умер старший брат, его воспитывали монахи? Объяснили ли ему, как действовать?

Петронилла открыла дверь и заглянула внутрь.

– Вот ты где! Тебя все ищут!

Алиенора повернулась, вспыхнув от негодования.

– Я хотела побыть одна.

– Сказать им, что тебя здесь нет?

Алиенора покачала головой.

– Так мы только наживем себе неприятности. – Она принужденно улыбнулась. – Все будет хорошо, Петра; я же тебе говорила, помнишь?

– Но по тебе не скажешь, будто ты в этом уверена. Мне бы хотелось, чтобы ты по-прежнему спала со мной, а не с ним.

Алиеноре тоже этого хотелось.

– У нас еще будет на это время. Ты всегда будешь со мной рядом – всегда.

Она обняла Петрониλλу, ища утешения для них обеих.

Петронилла пылко ответила на объятия, и сестры расстались только тогда, когда прибыли дамы со свадебного торжества, чтобы подготовить Алиенору к брачному ложу, и укорили ее за исчезновение. Алиенора представила, как закрывается от них щитом своего отца, и приняла вид гордый и властный, чтобы скрыть охватившие ее страх и бессилие. Потягивая из чаши вино с пряностями, она позволила дамам снять с нее свадебные одежды и облачить в сорочку из мягкого белого льна, а потом и расчесать волосы, пока они не рассыпались золотистой рябью до пояса.

Звук мужских голосов, возносящих хвалу Господу, возвестил о прибытии мужчин.

Алиенора выпрямилась и встала лицом к двери, как воин на поле битвы.

Первым торжественно вошел архиепископ Жоффруа в сопровождении аббата Сугерия и двенадцати хористов, распевавших хвалебный гимн. Следом через порог шагнул Людовик с Тибо де Блуа и Раулем де Вермандуа, а за ними – дворяне Франции и Аквитании со свечами. Пришел час не шумных гуляний, а достойной и торжественной церемонии, на которой будущий король Франции и юная герцогиня возлягут рядом на брачное ложе.

Людовик был одет в длинную белую ночную рубашку, похожую на сорочку Алиеноры. При свете свечи его глаза казались большими и темными, а выражение лица – тревожным. Архиепископ Жоффруа велел Алиеноре и Людовику встать рядом и взяться за руки, а сам начал читать молитву, прося Господа благословить брак, ниспослать супругам плодovitость и процветание. Пока звучала молитва, слуги Людовика установили у кровати маленький переносной алтарь.

Ложе освятили, обильно окропив святой водой, и после этого направили Людовика на левую сторону кровати, а Алиенору – на правую, чтобы обеспечить зачатие сына. Простыни были прохладными и хрустящими. Алиенора устремила взгляд на вышитое покрывало, ее волосы упали вперед, закрывая лицо. Она заметила среди собравшихся свидетелей таинства Жоффруа де Ранкона, но не смотрела на него и не знала, смотрит ли он на нее. Пусть все это поскорее закончится. Пусть наступит утро.

Наконец камердинеры удалили собравшихся из спальни, епископы и хор вышли последними, величественной процессией, с пением. Опустился засов, стихли голоса, и Алиенора осталась наедине с Людви́ком.

Повернувшись к ней, он оперся на локоть, закинув руку за голову, и посмотрел на нее тревожно и пристально. Она поправила подушки за спиной и осталась сидеть. Другой рукой он разглаживал простыню, обводя контур одного из орлов. Его пальцы были длинными и тонкими; в сущности, они были прекрасны. При мысли о том, что он вот-вот к ней прикоснется, Алиенора задрожала от страха и желания.

– Я знаю, чего от нас ждут, – сдавленным голосом произнесла она. – Женщины объяснили мне мой долг.

Он протянул руку и коснулся ее волос.

– Мне тоже все объяснили. – Его пальцы коснулись ее лица. – Но это не похоже на долг. Я думал, что будет иначе, но это не так. – Он нахмурил брови. – Возможно, это неправильно.

Людовик склонился над ней, и Алиенора вся сжалась. Она предполагала, что беседа продлится дольше, но он, похоже, был готов приступить к делу, и можно было не беспокоиться, что обучение в монастыре оставило его невежественным.

– Я не сделаю тебе больно, – сказал он. – Я не зверь, а принц Франции. – В его голос вкралась нотка гордости. Он поцеловал ее в щеку и висок, нежно касаясь губами, будто кры-

льями бабочки. Его прикосновения были нетерпеливыми, но не грубыми. – Церковь благословила наш союз, и это наш святой долг.

Алиенора взяла себя в руки. Брак должен быть заключен по всем правилам. Утром придут искать доказательств. В этом не может быть ничего слишком уж отвратительного, иначе мужчины и женщины не возвращались бы к этому так часто и не писали бы об этом песен и стихов, воспевая плотские утехы во всех подробностях.

Он поцеловал ее, не разжимая губ, и начал неуверенно развязывать шнурки у горла ее сорочки. Его рука дрожала, а дыхание сбивалось. Людовику явно было не по себе, и Алиенора приободрилась. Она ответила на поцелуй и запустила пальцы в его кудри. Кожа Людовика была гладкой, а дыхание пахло вином и кардамоном. Обмениваясь неуклюжими, поспешными поцелуями, они раздели друг друга. Людовик накрыл их простынями, устроив что-то вроде шатра, и лег на нее сверху. Его тело было влажным от пота и таким же гладким, как ее собственное. Его светлые волосы были шелковистыми на ощупь. Алиенора могла бы пролежать так всю ночь, целуясь и касаясь друг друга, в нежных объятиях, откладывая следующий шаг. Однако Людовик был не прочь приступить к делу, и Алиенора развела ноги.

То был тайный канал. Место, где детей зачинали смешением мужского и женского семени и откуда их выталкивали в мир девять месяцев спустя. Источник греха и стыда, но и удовольствия. Создание Бога; создание дьявола. Ее деда отлучили от церкви за то, что он пал жертвой похоти, возжелав эту часть тела своей любовницы, и не сдержался, хоть она и была женой другого мужчины. Он сочинял хвалебные песнопения во славу блуда.

Людовик помедлил и пробормотал что-то, похожее на клятву, но потом она поняла, что муж просит Господа не оставить его в эту минуту и помочь ему выполнить свой долг. Алиенора ощутила острую, колющую боль, когда он вошел в нее, выгнула спину и стиснула зубы, сдерживая крик. Он задвигался над ней, но очень скоро охнул, вздрогнул, сделав последний толчок, и затих.

Еще мгновение – и Людовик глубоко вздохнул и отстранился. Алиенора сомкнула ноги, когда он лег рядом. Наступило долгое молчание. Неужели это все? Из этого и состоит все действие? Может быть, ей следует заговорить с мужем? Однажды в пустой конюшне она случайно заметила парочку, которая нежилась в блаженстве, они тепло и томно разговаривали, целовались, но разве это подходит для нее и Людовика?

В конце концов он погладил ее по руке и, отстранившись, надел ночную сорочку. Сойдя с кровати, он встал на колени перед маленьким алтарем и вознес благодарственную молитву. Алиенора была поражена его поведением, но Людовик был таким красивым в свете свечей, а черты его лица так светились преданностью, что она им залюбовалась.

Он повернулся к ней.

– Разве ты не встанешь рядом и не помолишься, жена? – спросил он, нахмурившись.

Алиенора потянулась.

– Если ты этого хочешь, – ответила она.

Он нахмурился еще сильнее.

– Так должно поступить во имя Господа, не задавая вопросов. Мы обязаны благодарить Его и молиться, чтобы Он сделал нас плодовитыми.

Алиенора подумала, что они уже все это проделали, но решила отнестись к просьбе с пониманием и, надев свою сорочку, подошла, чтобы преклонить колени рядом с мужем и вознести молитву. Напряженные плечи Людовика расслабились, а его взгляд стал ласковым. Он снова погладил ее длинные локоны как замороженный. Затем прочистил горло и вернулся к своим молитвам.

Когда они поднялись, чтобы вернуться на ложе, колени Алиеноры горели, как и то самое место между бедер. Ее трясло. В середине, на простыне проступило небольшое красное пятно. Людовик посмотрел на него одновременно с удовлетворением и отвращением.

– Ты доказала свою чистоту, – произнес он. – Аббат Сугерий и архиепископ засвидетельствуют это завтра. – Он жестом пригласил ее вернуться в постель. Алиенора забралась в кровать и начала задергивать шторы.

– Оставь открытыми, – быстро сказал он. – Я люблю смотреть на свет; так мне лучше спится.

Алиенора приподняла брови, подумав, что Людовик в этом похож на Петрониилу. Ему тоже нужен уют и теплый свет свечи. Она легко коснулась его плеча.

– Как пожелаете, сир, – сказала она. – Я понимаю.

Он сжал ее руку, но ничего не ответил.

Алиенора закрыла глаза. На ее стороне кровати свечи горели тускло и не мешали ей спать. Под бедрами растекалось холодное и влажное кровавое пятно. Она почувствовала разочарование. Ласковые объятия и поцелуи были восхитительны, но неприятные и довольно болезненные последствия не оправдали ожиданий.

Людовик, казалось, был вполне доволен. Она подумала, доволен ли Господь и не зачала ли она ребенка. Испугавшись этой мысли, она выбросила ее из головы и отвернулась от мужа. Вскоре Людовик задышал медленно и глубоко – он заснул, однако прошло еще много времени, прежде чем ее собственный беспокойный разум погрузился в дремоту. Алиеноре нужно было о многом подумать, и не в последнюю очередь о том, как вести себя с этим незнакомцем рядом с ней, который смешал свое семя с ее семенем, что безвозвратно их связало – теперь они единая плоть.

7

Дворец Пуатье, лето 1137 года

В алом платье из тончайшего шелка, с короной Аквитании в руках Алиенора сидела в одиночестве у пруда в дворцовом саду. Неумолимое солнце палило весь день, и теперь над городом стгушались сумерки.

Никто пока не искал ее, но скоро найдут. Свобода делать все, что заблагорассудится, не для нее. Последние две недели она или участвовала в важных встречах и пирах, или путешествовала от одного места назначения к другому, всегда в сопровождении слуг, вассалов и родственников. Каждое мгновение было расписано, словно зоркий купец перебрасывал отпущенные ей часы, как костяшки на счетной доске. Даже стоя на коленях в церкви или занимаясь рукоделием, она знала, что за ней внимательно наблюдают и Людовик, и его свита. Муж не мог оторвать от нее глаз и хотел, чтобы она всегда была рядом, словно драгоценный камень, украшавший его камзол.

К ночным обязанностям она привыкла, и теперь ей было не так больно; а если Людовик дольше обычного целовал и ласкал ее – даже приятно. Если бы только он не опускался каждый раз на колени, прося Божьего благословения, до того как лечь с ней в постель, и после, благодаря Его, ожидая при этом, что жена присоединится к нему! По пятницам и воскресеньям Людовик не ложился с ней в постель, уверяя, что они должны быть чистыми перед Господом, и Алиенора в эти дни спала по старинке, обнявшись с Петрониллой, – только это было уже не то. Замужество и постель оторвали ее от детства. Петронилла требовала рассказать, каково это – спать с мужчиной, но Алиенора отговаривалась туманными замечаниями о том, что таков долг жены.

Алиенора никак не могла понять, каков Людовик на самом деле. Иногда он казался надменным и отстраненным французским принцем, вззирающим на всех с высоты своего положения, но в то же время оставался ребенком, которому соперничающие за его внимание придворные указывали, что думать и делать. Как всякий ребенок, он порой бывал капризным, упрямым и неразумным. И к тому же удушающе набожным – к этому привело его воспитание церковными иерархами, а также его чрезмерная потребность в порядке и системе во всем. В отличие от Алиеноры Людовик не умел приспосабливаться к обстоятельствам. И все же французский принц бывал милым и обаятельным. Он хорошо знал природу, любил деревья и небо, наслаждался скачками в веселой компании, где забывал о надменности и улыбался – обворожительно и нежно. Алиенора находила мужа привлекательным и физически: он был стройный, даже изящный, его светлые кудри блестели на солнце, а темно-синие глаза сверкали.

Сегодня ему вручили корону Аквитании, и выражение гордости и удовлетворения на его лице, когда диадему водрузили на его чело, наполнило Алиенору скорее обидой и недовольством, чем гордостью. Людовик будто бы считал само собой разумеющимся тот факт, что Аквитания должна принадлежать ему, потому что так было угодно Богу. Когда ей тоже надели корону, Алиенора, достаточно трезво смотревшая на мир, озабочилась тем, чтобы обуревавшие ее чувства не отразились на лице, но, увидев его сидящим в герцогском кресле с блеском превосходства в глазах, она снова ощутила прилив горя и одиночества из-за смерти отца и окончательно осознала, что Людовик никогда не сможет занять его место.

– Вот вы где! – По садовой дорожке к ней торопливо шла Флорета. – Вас повсюду ищут! Скоро стемнеет.

– Я думала об отце. Как бы мне хотелось, чтобы он по-прежнему был с нами, – с тоской призналась Алиенора.

– Мы все желаем этого, госпожа, – сочувственно откликнулась Флорета, но тут же практично и бодро добавила: – Однако следует радоваться тому, что имеем. Ваш отец сделал все возможное, чтобы вы были в безопасности.

Алиенора вздохнула и встала, стряхивая пыль с юбки. Над каменными стенами замерцали первые звезды, но прохлада так и не пришла.

– И еще я думала о маме, – сказала она. – Я по ней очень скучаю.

– Вас называли в ее честь. – Флорета обняла Алиенору. – Она никогда вас не оставит. Да и сейчас, наверное, присматривает за вами с небес.

Алиенора направилась вместе с кормилицей во дворец. Присматривать с небес – это, конечно, хорошо, но ей хотелось, чтобы мать была рядом. Хотелось обнять ее, лечь в постель и чтобы мама закутала ее в одеяло, как маленькую. Хотелось, чтобы кто-нибудь снял с ее плеч все тяготы и позволил уснуть без забот. Флорете, пусть и всегда участливой, не понять истинной глубины ее тоски. Никому не понять.

В ту ночь Людовик приступил к любовным утехам с особой страстью, желая исполнить свой долг и с успехом заключить удачный день посвящения в герцоги Аквитании. Алиенора отвечала ему пылко – казалось, что иначе она потеряет себя, и они закончили соитие, свившись в потный, задыхающийся клубок, отчего у нее осталось ощущение, будто ее протащили через сердце грозы. Людовик и правда вел себя так, словно его поразила молния, а когда они потом молились, он долго стоял на коленях у маленького алтаря, его влажные серебристые волосы упали на лицо, а руки он стиснул так, что костяшки пальцев побелели.

– Я подумала, что нам стоит посетить аббатство в Сенте, – сказала Алиенора, когда они вернулись в постель. – Моя тетя Агнес там аббатиса. Она сестра моего отца и не смогла приехать на свадьбу. Теперь, став герцогиней, я хочу сделать аббатству пожертвование.

Людовик сонно кивнул:

– Богоугодное дело.

– А еще я хочу посетить могилу матери и превратить ее часовню в настоящее аббатство. Он снова пробормотал согласие.

Алиенора поцеловала его плечо.

– Возможно, мы могли бы подольше остаться в Аквитании.

Она почувствовала, как Людовик напрягся.

– Зачем?

– Еще не все вассалы присягнули нам на верность. Если мы уедем сейчас, они, пожалуй, вообразят, что им все позволено. Нам нужна их преданность, и чем дольше мы тут пробудем, тем вернее будут нам люди. – Она осыпала короткими, чарующими поцелуями его ключицу и шею. – Ты можешь отослать Сугерия и остальных во Францию и будешь сам принимать решения без того, чтобы тебе постоянно указывали, что делать.

Он помолчал, обдумывая услышанное, а потом спросил:

– И надолго нам задержаться?

Алиенора прижалась губами к его шее. «На столько, на сколько получится» – таков был бы откровенный ответ.

– Совсем чуть-чуть, – ласково проворковала она. – Пока не спадет жара, чтобы путешествовать с удобством, и пока вассалы не успокоятся.

Он хмыкнул и перевернулся на бок, отстранившись от нее и натянув простыню на плечо.

– Я подумую, – послышался ответ.

Алиенора не стала настаивать. Пусть он придет к решению сам, утром, на свежую голову. У нее еще будет время склонить его в нужную сторону – до Сента ехать несколько дней. Чем дольше они останутся в Аквитании, тем лучше для нее.

Ночью Алиенора проснулась от короткого стука в дверь – шелкнула задвижка, вспыхнули факелы. Она рывком села, стряхивая остатки сна, и встревоженно вскрикнула, когда Рауль де Вермандуа отдернул шторы вокруг кровати. Его взгляд мимолетно скользнул по ее растрепанным волосам и обнаженному телу, а затем переместился на дальнюю сторону кровати, где сидел Людовик, прищурившийся от яркого света факела, пылавшего в руках оруженосца Рауля.

– Что случилось? – едва ворочая языком, спросил Людовик.

– Сир, из Франции пришли печальные вести. – Рауль опустил на одно колено и склонил голову. – Пять дней назад в Бетизи вашему отцу и господину стало хуже, и сегодня, на закате, он отдал душу Господу. Вы должны немедленно вернуться во Францию.

Людовик уставился на него пустым взглядом. Алиенора прижала руку к губам, впитывая слова Рауля, осознавая, насколько все изменилось в одно мгновение. Боже правый, значит, теперь Людовик – король Франции, а она – королева. Ее планы остаться в Аквитании были лишь пустой болтовней. Им придется безотлагательно отправиться в Париж и не просто стать членами королевского дома, а возглавить его.

Людовик, пошатываясь, встал с кровати и преклонил колени перед алтарем, опустив голову на сцепленные руки.

– Благословенный святой Петр, я прошу тебя за моего отца, пусть будет дарован ему вход на небеса. Смилуйся, Господи, смилуйся.

Он бесконечно повторял эти слова, раскачиваясь взад и вперед.

Сенешаль смотрел на него с недоумением.

– Сир?

Алиенора встала, надела сорочку и повернулась к Раулю. Его камзол был вывернут наизнанку, а густые седые волосы стояли дыбом, словно он явился к ним прямо с постели.

– Аббату Сугерию сообщили?

По лицу Рауля пробежала гримаса.

– Я послал за ним слугу. Он обедал с архиепископом и намеревался там же заночевать.

Быстро улавливая детали, Алиенора давно заметила трения между Сугерием и Раулем де Вермандуа. Мужчины были не в ладах друг с другом, хотя оба решительно это отрицали. – Сударь, нам нужно одеться и взять себя в руки.

Рауль бросил на нее острый взгляд, как будто он заново оценивал предмет, который оказался более интересным, чем он думал сначала. Потом он поклонился.

– Я пришлю ваших слуг.

– Нет, – ответила она. – Я сама их сейчас позову. Мой супруг и господин в крайнем огорчении, и было бы неосмотрительно позволить слугам увидеть его в таком состоянии. А вы успеете переодеть камзол до прибытия доброго аббата.

– Переодеть камзол? – Он посмотрел на себя и ощупал швы. Губы де Вермандуа искривились в печальной улыбке. – Я разберусь с этим и прослежу, чтобы вас не беспокоили, пока вы не будете готовы.

Он удалился, шагая стремительно и властно. Алиенора подумала, что вельможе доставит огромное удовольствие отказать аббату Сен-Дени, отложив его встречу с Людовиком хотя бы на несколько минут.

Она опустилась на колени рядом с мужем. Она знала, каково это – потерять отца, но ее собственная молитва к Господу была быстрой и практичной. Мир ждал за дверью их спальни, и если они не выйдут ему навстречу, то он придет к ним и они окажутся в его власти.

– Людовик? – Она обняла его. – Людовик, мне очень жаль, что твой отец умер, но пусть за него помолются и отслужат мессы в положенных местах. Ты не можешь сделать все сам здесь и сейчас. Нам пора встать и одеться; нас ждут.

Его молитва затихла и прекратилась. Он поднял на нее до крайности потрясенный взгляд.

– Я знал, что он болен и что его дни сочтены, но не думал, что ему осталось так мало и я больше никогда его не увижу. Что мне делать?

Она заставила его сесть на кровать и выпить вина, пока сама принесла их одежду из сундука, куда слуги сложили ее накануне.

– Успокойся и одевайся, – сказала она. – Де Вермандуа отдаст все нужные приказания слугам, а за Сугерием уже послали.

Людовик кивнул, но Алиенора видела, что он понимает далеко не все. Она вспомнила, как сама будто оцепенела, когда ей сообщили о смерти отца. Слова окружающих звучали бессмысленно. Она обняла его и погладила по голове. Примерно так же она утешала и Петрониллу, как будто она была матерью, а он – ребенком. Он повернулся к ней с тихим стоном и уткнулся лицом в ее шею. Она затрепетала, и он прижался к ней. И вдруг поднял голову и поцеловал ее, приоткрыв губы. Она испугалась, но, поняв его чувства, ответила на поцелуй и открылась ему.

Когда все закончилось, он остался лежать рядом с ней, пытаясь, как потерпевший кораблекрушение моряк, выброшенный на берег. Она нежно гладила его по спине между лопатками и шептала слова утешения, сама едва не плача. Они разделили нечто важное. Она пропустила его горе и панику через свое тело и успокоила.

– Все будет хорошо, – сказала она.

– Я, в сущности, не знал своего отца. – Людовик сел и уткнулся головой в поднятые колени. – Он отдал меня монахам, когда я был совсем маленьким, а забрали меня из монастыря только после смерти брата. Отец заботился о моем благополучии и образовании, но отдал в чужие руки. Если у меня и есть отец, то это аббат Сугерий.

Алиенора выслушала его с интересом, но без удивления.

– Я думала, что хорошо знаю своего отца, – ответила она. – С шести лет была его наследницей. Но когда он умер, я поняла, что едва ли хоть что-то о нем знаю... – Она замолчала, чтобы не сказать то, о чем будет сожалеть.

За дверью раздался гул властных мужских голосов. Прибыл Сугерий, слышался и голос архиепископа Жоффруа. Она быстро уговорила Людовика одеться.

– Ты должен показать всем, что способен занять королевский трон, даже когда ты оплакиваешь своего отца, – произнесла она, надевая ему туфли на ноги. – Ты Божий избранник. Чего тебе опасаться?

Он с усилием сосредоточился, пристально глядя на нее, и лицо его прояснилось.

– Пойдем со мной, – попросил он, пока она застегивала его ремень.

Алиенора поспешно набросила платье и собрала волосы в сетку из золотой проволоки. Сердце ее колотилось, но она вздернула подбородок и, не выказывая ни страха, ни опасения, взяла мужа за рукав и потянула к двери. Он дрожал.

В прихожей собрались придворные, которые в шелесте ткани преклонили колени, среди них был и Сугерий. Глядя на ряды опущенных голов, Алиенора подумала, что они похожи на булыжники на дороге, ожидающие, когда на них ступят новые король и королева.

8

Париж, сентябрь 1137 года

Аделаида Морьенская, вдовствующая королева Франции, порывисто взмахнула бледной, костлявой рукой.

– Полагаю, вы захотите сменить платье и немного подкрепиться после долгого путешествия.

Алиенора присела в реверансе.

– Благодарю вас, мадам.

Свекровь говорила бесстрастно и деловито – так она могла бы обратиться к конюху по поводу лошади, требующей ухода после долгой скачки. Серые глаза Аделаиды смотрели холодно и осуждающе. Ее платье тоже было серым, под цвет меховой подкладки плаща. Строгое и зимнее. Совсем недавно она официально приветствовала невестку в просторном зале дворца напыщенной речью и холодным поцелуем в щеку. Теперь они стояли в покоях, отведенных Алиеноре, на самом верху Большой башни.

Комната была хорошо обставлена, с красивыми гобеленами на стенах, прочной мебелью и большой кроватью с тяжелыми шторами, от которых сильно пахло овечьей шерстью. Ставни были закрыты, и, поскольку свечей горело мало, казалось, к ним подбирается густая тень. Однако при ярком свете дня из двойных арочных окон открывался вид на оживленную реку Сену, как из дворца Омбриер в Бордо на Гаронну.

Под пристальным взглядом Аделаиды слуги принесли воду для умывания, вино и тарелки с хлебом и сыром. Приехавшие с Алиенорой служанки принялись распаковывать вещи, вытряхивая платья и сорочки перед тем, как развесить их на вешалках или сложить в гардеробах. Ноздри Аделаиды заметно раздулись при виде роскошных одеяний, появляющихся из багажных сундуков.

– Мы здесь привыкли к простоте, – чопорно заметила она. – Мы не столь легкомысленны, и у моего сына непритязательный вкус.

Алиенора старательно сохраняла скромное выражение лица, думая между тем, что, узнай Аделаида, чем занимался ее драгоценный сын на протяжении всего их путешествия по Аквитании, с ней случился бы апоплексический удар. Даже на Людовика в жизни повлияла не только церковь.

Петронилла вскинула голову.

– Мне нравятся яркие цвета, – сообщила она. – Они напоминают мне о доме. Наш папа любил их.

– Да, это правда. – Алиенора обняла сестру за талию в знак поддержки. – Нам придется ввести новую моду! – Она улыбнулась Аделаиде, но та не шевельнула губами в ответ.

Несколько молодых женщин из свиты Аделаиды переглянулись при этом, среди них была и сестра Людовика, Констанция, ровесница Алиеноры, и Гизела, юная дальняя родственница французского королевского дома, девица с пепельно-русыми волосами и зелеными глазами. Кто-то сдавленно хихикнул, и Аделаида, не оборачиваясь, резким жестом приказала свите молчать.

– Я вижу, что вам еще многому предстоит научиться, – сурово произнесла она.

Алиенора не поддавалась на угрозы. Она не позволит себя унижить из-за незнания Парижа и французского языка. Она будет гордо стоять во весь рост, потому что никому здесь не уступает в знатности.

– Я согласна, мадам, – ответила она. – Отец вселил в нас уверенность в том, что постоянно учиться необходимо. Ведь чтобы перехитрить соперников, сначала нужно узнать их манеру поведения и научиться играть в их игры.

– Рада слышать, – кивнула Аделаида. – Вам не мешало бы прислушиваться к старшим. Будем надеяться, что отец также научил вас хорошим манерам.

– Мы ей не нравимся, – сказала Петронилла, когда Аделаида в конце концов ушла. – А мне не нравится она!

– Будь вежлива с ней, – понизив голос, предупредила сестру Алиенора. – Она – мать Людовика и заслуживает уважения. Здесь другие обычаи, и мы должны их выучить.

– Я не хочу учиться их манерам. – Петронилла поджала губы, подражая Аделаиде, и сложила руки на груди. – Мне здесь не нравится.

– Просто уже поздно, и ты устала. Вот выспишься, и завтра, при свете дня, все будет по-другому.

– Нет, не будет, – упрямо заявила Петронилла.

Алиенора подавила вздох. Сегодня у нее не было сил утешать сестру, ей тоже было не по себе. Аделаида явно не воспылала любовью к девочкам из Аквитании, они были для нее как бельмо на глазу. Ее власть при дворе усилилась с ухудшением здоровья мужа, но для сохранения этой власти ей теперь нужно было влиять и на Людовика. В Алиеноре же вдовствующая королева увидела ту, которая займет ее место, если не осадит девчонку с самого начала.

Людовик мало говорил о матери, но Алиенора поняла, что отношения у них натянутые, во многом из-за борьбы за власть. Любви между ними не было, если не считать потребности в ней со стороны Людовика и отказа дать ее со стороны Аделаиды. Алиенора уже видела, как легко Людовик поддается влиянию, когда за дело берутся более сильные личности, и каким упрямым бывает, когда его убеждают принять определенное решение. Придворные группировки дрались за него, как собаки за кость, и Алиенора сочла своим долгом защитить супруга и тем самым защитить себя и сестру. Если Людовик и боялся засыпать без света свечи, то лишь по вине тех, кто должен был о нем заботиться, но пренебрег обязанностями.

Алиенора провела рукой по гладкой молочно-белой спине Людовика. Он спал на животе, такой красивый и беззащитный, что у нее сжалось сердце. Во время их путешествия в Париж ему пришлось отвлечься, чтобы подавить мятеж в Орлеане. Опытные командиры Рауль де Вермандуа и Тибо Шампанский давали ему советы, но всю ответственность он взял на себя, и восстановление было успешно подавлено. Эта победа придала Людовику уверенности и решительности, что ему очень шло.

Она переместила руку ниже, поглаживая его по спине. Он открыл глаза, потянулся и с сонной улыбкой перевернулся, притянув ее к себе, чтобы поцеловать.

– Ты такая красивая, – пробормотал он.

– Ты тоже, муж мой.

Он был возбужден после сна, и она воспользовалась этим, усевшись на него с озорным блеском в глазах.

Его глаза округлились, ведь так поступать – грех. Он охнул, но не оттолкнул ее. Двигаясь на мужа, ощущая, как он входит в нее, Алиенора наслаждалась своей властью. За два месяца, прошедших со дня свадьбы, она привыкла к постельному долгу, стала получать от этого удовольствие и даже ощущать в нем необходимость. Признаков беременности пока не было, но они с Людовиком были уверены, что ждать осталось недолго. Когда Людовик выгнулся под ней и выплеснул в нее семя, она сжала бедра, вскрикнув от удовольствия.

Они лежали рядом, приходя в себя, и Алиенора уткнулась носом Людовику в плечо. Она горько улыбнулась от мысли, что слуги уже спешат доложить Аделаиде: молодые король и коро-

лева еще не встали и выполняют супружеский долг. Аделаида будет в напряжении, надеясь, что они с Людовиком зачали ребенка, и в то же время будет завидовать тому, как много времени проводят вместе молодые, на что ей никак не повлиять.

Свекровь стремилась удержать власть под видом обучения Алиеноры этикету французского двора и подготовки к официальной церемонии коронации в Бурже, назначенной на декабрь, однако частенько напоминала огрызающуюся собаку, постоянно критикуя одежду, манеры, походку и укоряя за время, потраченное на украшение личных покоев, и легкомыслие, когда невестке следовало бы молиться. Алиенора оставалась неизменно вежлива и сдержанна в присутствии свекрови, но ее глубоко возмущала такая бесцеремонность пожилой женщины.

Людовик сел на постели.

– Мне пора, – неохотно произнес он. – Аббат Сугерий ждет, я и так уже пропустил первую молитву.

– Кому-то всегда приходится ждать, – ответила Алиенора, покачав головой. Она приложила ладонь к его спине, чтобы задержать мужа хоть на мгновение. – Возможно, после коронации нам стоит подумать о возвращении в Пуатье.

Он нетерпеливо взглянул на нее.

– Там есть верные подданные, которые будут держать нас в курсе; здесь слишком много дел.

– И все же надо об этом подумать, – упорствовала Алиенора. – Мы герцог и герцогиня, а также король и королева, и нам пришлось слишком быстро уехать в Париж. У наших подданных не должно сложиться впечатление, что мы их забыли.

Он отвернулся, пряча глаза.

– Я спрошу Сугерия и посмотрю, что он скажет.

– Почему это должно зависеть от Сугерия? Он обязан давать тебе советы, но обращается с тобой, как с учеником, а ты король Франции. И можешь поступать, как тебе заблагорассудится.

– Я прислушиваюсь к его советам, но решения принимаю сам, – выпалил Людовик, защищаясь. Потом потянулся за своей одеждой и принялся одеваться.

– Ты мог бы решить отправиться в Пуату после коронации. Это ведь не слишком сложно, верно?

Она откинула голову, отчего ее волосы заблестели на обнаженном теле, словно золотая ткань.

Людовик пожирал ее взглядом, и его бледные щеки покраснелись.

– Верно, – согласился он. – Полагаю, это было бы не слишком сложно.

– Спасибо, супруг мой. – Она одарила его скромной, милой улыбкой. – Я так хочу снова увидеть Пуатье.

И, как добрая и заботливая жена, Алиенора опустила на колени у его ног, чтобы застегнуть туфли.

– Я на самом деле люблю тебя, – выпалил Людовик, как будто выдавая постыдную тайну, и стремительно выбежал из спальни.

Алиенора смотрела ему вслед, прикусив нижнюю губу. Чтобы получить желаемое, приходилось постоянно бороться, и эта борьба стала рутинной, а не интересной игрой.

Пришли служанки, чтобы помочь одеть королеву. Алиенора выбрала новое платье из светло-алого с золотом дамаста с длинными, свисающими до пола рукавами и уложила роскошные волосы в сетку из золотых нитей с крошечными бусинами драгоценных камней. Флорета протянула Алиеноре изящное зеркало из слоновой кости, чтобы та могла рассмотреть свое отражение. Увиденному она порадовалась, потому что хоть и не считала красоту своим главным достоинством, все же видела в ней преимущество, которым стоило пользоваться. Ее лицо не нуждалось в краске, но она попросила Флорету добавить немного кармина на губы и щеки в пикو вечно бледной строгой свекрови.

Камердинер объявил, что прибыл заказанный ею набор расписных сундуков, а также новые шторы для кровати и пара эмалированных подсвечников. Алиенора еще больше оживилась. Она постепенно превращала свои покои в маленький уголок Аквитании в самом сердце Парижа. Северная Франция была не лишена роскоши, но в ней не хватало солнечной атмосферы юга. Французский дворец был тяжело придавлен грузом веков, но то же самое можно было бы сказать о Пуатье или Бордо. Однако унылый и мрачный вкус Аделаиды пронизывал здесь все, отчего даже Большая башня, построенная отцом Людовика, производила впечатление здания гораздо более старого и потускневшего от времени.

Вошли слуги с новой мебелью, и Алиенора принялась командовать расстановкой. Один из сундуков она велела устроить у изножья кровати, а другой, с изображением группы танцовщиц, держащихся за руки, – у стены. Она приказала снять старый балдахин и повесить новый, из золотистого дамаста. Служанки расстелили на постели покрывало из тончайшей белой ткани с орлиным узором.

– Снова покупки, дочь моя? – ледяным тоном поинтересовалась с порога Аделаида. – Не вижу никаких изъяснов в том, как было прежде.

– Но их выбирала не я, мадам, – ответила Алиенора. – А эти напоминают мне об Аквитании.

– Вы не в Аквитании, а в Париже, и вы супруга короля Франции.

– Я все еще герцогиня Аквитанская, матушка. – В голосе Алиеноры прорезались нотки непокорности.

Аделаида прищурилась и прошла в спальню. Окинула пренебрежительным взглядом новые сундуки и вешалки. Ее взгляд упал на помятую постель, которую еще не успели застелить, и ноздри ее раздулись от запаха недавнего соития.

– Где мой сын?

– Пошел к аббату Сугерию, – ответила Алиенора. – Не желаете ли вина, матушка?

– Нет, не желаю, – огрызнулась Аделаида. – На свете есть кое-что поважнее, чем пить вино и тратить деньги на безвкусную мебель. Если у тебя есть на это время, значит, слишком мало дел.

В воздухе витали враждебность Аделаиды и негодование Алиеноры.

– Чего же вы от меня ждете, мадам? – спросила Алиенора.

– Я хочу, чтобы ты вела себя прилично. Рукава у этого платья скандальные – почти касаются земли! А вуаль и головной убор не скрывают волос! – Аделаида распалилась и гневно вскинула руку. – Я также требую, чтобы приехавшие с тобой слуги научились говорить на северном французском, а не упорствовали в этом диковинном диалекте, который никто из нас не понимает. Вы с сестрой щебечете, как маленькие певчие птички.

– Мы певчие птицы в клетке, – ответила Алиенора. – Это наш родной язык, а в обществе мы говорим на северном французском. Как я могу быть герцогиней Аквитанской, если не стану хранить традиции своей родины?

– А как ты можешь быть королевой Франции и достойной супругой моему сыну, если ведешь себя как глупая, легкомысленная девчонка? Какой пример ты подаешь другим?

Алиенора стиснула зубы. Спорить с этой язвительной старой каргой было бессмысленно. Людовик теперь гораздо охотнее слушал глупую, легкомысленную девчонку, чем свою сварливую мать, но постоянная критика и придирки все равно изматывали до слез.

– Мне жаль, что я расстроила вас, матушка, однако я имею право обставлять свои покои по своему вкусу, а мои люди могут говорить как хотят, при условии, что они вежливы с окружающими.

После стремительного ухода Аделаиды повисло короткое, но неловкое молчание. Алиенора нарушила его, хлопнув в ладоши и обратившись к слугам на *lenga romana*, принятом в Бордо. Если она и птичка, то петь будет во весь голос наперекор всему и всем.

Спустя два дня Алиенора в сопровождении фрейлин отправилась гулять по садам. Она любила эту зеленую и благоухающую часть замка с изобилием растений, цветов и сочной, густой травой. В конце лета еще цвели и благоухали розы, и все вокруг по-прежнему сохраняло яркие краски в отличие от Аквитании, где солнце палило куда беспощаднее. Садовники здесь были весьма искусны, и, даже оставаясь за высокими стенами, в садах Алиенора будто ненадолго убегала в другой, более свежий мир, где находила передышку от хитростей и злословия двора.

Сегодня сентябрьское солнце проливало мягкий свет на траву и деревья, которые еще были одеты в летнюю зелень, начинавшую золотиться по краям. На траве блестела роса, и Алиеноре вдруг захотелось ощутить хрустальный холод босыми ногами. Поддавшись порыву, она сняла туфли и чулки и ступила на прохладную, сверкающую траву. Петронилла поспешила последовать ее примеру, и другие дамы после некоторого колебания присоединились к ним, даже сестра Людовика Констанция, которая обычно держалась в стороне от любых проявлений дерзости и легкомыслия.

Алиенора сделала несколько танцевальных па, поворачиваясь и кружась. Людовик ни разу с ней не танцевал. Его не учили искусству развлечения и наслаждения жизнью, в то время как для нее это было частью воспитания. Когда его заставляли, Людовик выполнял все движения жестко и точно, но не находил в этом ничего приятного и не понимал, почему другие считают танец развлечением.

Петронилла принесла мяч, и молодые женщины стали перебрасывать его друг другу. Алиенора застегнула пояс, перетягивая платье в талии. Мучившая ее духота рассеялась в бурной игре, и она наслаждалась каждым движением и ощущением холодной, влажной травы, щекотавшей ступни. Подол платья пропитался росой и хлестал ее по голым лодыжкам. Она подпрыгнула, поймала мяч, прижав к груди, и, смеясь, бросила его Гизеле, которую назначили ей во фрейлины.

Предостерегающий крик Флореты и последовавшие за ним громкие хлопки в ладоши заставили Алиенору остановиться и оглянуться. По одной из тропинок к ним приближались несколько мужчин в церковном облачении с табуретами и подушками в руках. Их вел истощенный монах, который на ходу обращался к ним громким голосом:

– Ибо что может быть большим неверием, чем нежелание верить в то, чего не может постигнуть разум? Вспомните слова мудреца, который сказал, что тот, кто верит поспешно, легок в мыслях...

Он замолчал и посмотрел в сторону женщин, на его лице промелькнуло выражение удивления и досады.

Алиенора напряглась. Это был великий Бернард Клервоский, ревностный поборник религии и духа, интеллектуал, аскет и наставник. Его почитали за святость, но он был человеком жестких принципов, непоколебимо противостоявшим всем, кто не соглашался с его взглядами на Бога и Церковь. Четыре года назад он спорил с ее отцом по поводу папской политики, и она знала, каким упорным может быть Бернард. Что он делал в саду, Алиенора не знала, и, похоже, он думал то же самое о ней. Она вдруг отчетливо осознала, что ее туфли и чулки лежат на бортике фонтана, и досадовала, что ее застали в таком неприглядном виде.

Она сделала небольшой реверанс в его сторону, и священник ответил едва заметным наклоном головы, однако его темные глаза горели осуждением.

– Мадам, король сообщил мне, что сегодня утром я без помех могу побеседовать с учениками в садах.

– Король ничего не сказал мне об этом, но, конечно же, добро пожаловать, святой отец, – ответила Алиенора и добавила чуть вызывающе: – Быть может, и нам можно ненадолго остаться и послушать.

Его губы сжались в тонкую линию.

– Если вы действительно хотите учиться, дочь моя, я готов стать вашим учителем, хотя, чтобы услышать слово Господа, нужно для начала вынуть затычки из ушей.

Он сел на траву, прямой и чопорный, как вдова, а ученики окружили его, притворяясь, что не замечают женщин, но при этом украдкой бросая на них возмущенные взгляды.

Аббат Клерво расправил складки своего одеяния и уперся худой, как у скелета, рукой в одно колено, поднял другую, легко сжимая в ней учительский жезл.

– Итак, – произнес он. – Я уже говорил с вами о вере, и мы вернемся к этому вопросу через некоторое время, но сейчас мне вспомнилось письмо с советами, которое я писал одной весьма благочестивой деве о земных удовольствиях. – Он бросил взгляд на Алиенору и ее дам. – Истинно говорят, что шелк и пурпур, румяна и краски прекрасны. Все, во что вы облачаете свое тело, обладает собственным очарованием, но, когда одежда снимается, когда краска смывается, эта красота уходит вместе с ней, не остается с грешной плотью. Я советую вам не подражать тем злонравным людям, которые ищут внешней красоты, когда не обладают красотой внутренней, душевной. Они стремятся облечь себя в роскошные одежды, чтобы казаться красивыми в глазах глупцов. Заимствовать красоту у шкур животных и произведения червей недостойно. Разве могут украшения королевы сравниться с румянцем скромности на щеке благонаравной девы? – Он впился взглядом в Алиенору. – Я вижу женщин мирских, обремененных – а не украшенных – золотом и серебром. В платьях, длинные шлейфы которых волочатся в пыли. Но не заблуждайтесь, этим жеманным дочерям Велиара нечем будет украсить свои души, когда смерть их настигнет, если они не раскаются в том, что творят!

Гнев и унижение вспыхнули в груди Алиеноры. Как смеет этот ходячий труп оскорблять ее? Он даже не попытался хоть чуть завуалировать недовольство и презрение. Осудил ее и вынес приговор, даже не зная, что у нее в душе. Когда-то отец был вынужден отступить под натиском Бернарда. Она хотела бы гордо встать на защиту Аквитании и показать ему свою силу, но поняла, что это бессмысленно, ведь в любом случае последнее слово останется за ним. Собрав своих дам, Алиенора удалилась из сада.

– Ужасный старик! – с дрожью воскликнула Петронилла. – А кто такие дочери Велиара? Алиенора скривила губы.

– Нечестивые женщины, так сказано в Библии. Но добрый аббат готов видеть такими всех женщин, если только они не одеты в грубые лохмотья и не умоляют на коленях о прощении за грех рождения женщиной. Он судит всех, но он не Господь Бог и не говорит от его имени.

В ее груди бунтарская решимость лишь окрепла. Королева одевалась как хотела, потому что одежда и внешность были женскими доспехами в этом мире, и неважно, одобрял это Бернард Клервоский или нет. Душа не становится лучше или хуже от того, во что одета плоть.

Вернувшись в замок, они увидели Аделаиду, которая, очевидно, знала о том, что Бернард разговаривал с учениками в садах, поскольку как раз посылала слугу за угощением для гостей. Ее глаза округлились от ужаса, когда она увидела вернувшихся.

– Босые ноги? – вскрикнула она. – Как вы могли? Вы не крестьяне! Какой позор!

– О нет, драгоценная матушка, – невинно ответила Алиенора. – Добрейший аббат ясно сказал, что мы все должны одеваться как крестьяне и помнить о смирении.

– Аббат Бернард велел вам идти в таком виде? – Брови Аделаиды взметнулись под самую вуаль.

– Он дал понять, что именно этого от нас ждут, – сказала Алиенора и, присев в глубоком реверансе, взлетела по лестнице в свои покои, сверкая босыми ступнями и щиколотками.

За ее спиной Аделаида раскудаhtалась, будто старая курица. Петронилла странно охала, пытаясь скрыть смех, и звук этот оказался таким заразительным, что остальные дамы присоединились к ней, хотя Констанция и хихикала тише всех. К тому времени, когда они добра-

лись до своих покоев, то едва держались на ногах, вцепившись друг в друга. Однако, заливаясь смехом и вытирая глаза, Алиенора почувствовала, что готова разрыдаться.

От тихого девичьего смеха, доносившегося с лестницы, у Аделаиды сжалось горло от гнева и досады на поведение молодых женщин, даже ее собственной дочери. Босиком! Какая дерзость! Эта непристойность ужасно возмутила ее и наполнила тревогой и страхом. Будь она все еще королевой Франции, такое поведение было бы недопустимо. Эта глупая девчонка, выскочка из Аквитании, не имеет ни малейшего понятия о приличиях! Аделаида ни на секунду не поверила, что добрый аббат Клервоский велел Алиеноре и ее дамам ходить босиком – что ж, она узнает правду, расспросив Констанцию или Гизелу. Нужно было что-то предпринять. Аделаида потеряла виски, чувствуя себя старой, усталой и измученной.

– Мадам?

Она распрямилась и встретила взглядом с Матье де Монморанси, одним из дворцовых распорядителей.

– Мадам, я переговорил с камердинером, и он послал слуг в сад с хлебом и вином для аббата Бернарда и его учеников. – Он бросил на нее всепонимающий взгляд. – Я велел подать угощение в простых сосудах и без скатерти, на простом столе.

Аделаида коротко кивнула. Берnard оценит трапезу и будет рад скромной сервировке. Матье все сделал правильно, впрочем, как и всегда.

– Благодарю вас, – со вздохом сказала она. – Мне сейчас приходится нелегко, и я ценю вашу предусмотрительность.

– Я готов сделать все, что нужно, только попросите, мадам.

Де Монморанси поклонился. Провожая его взглядом, наблюдая за его твердой походкой и прямой спиной, когда он удалялся, чтобы заняться другими делами, она вдруг приободрилась. Вот бы и другие вели себя так же учтиво и прилично.

9

Бурж, Рождество 1137 года

Двор собрался в Бурже, чтобы отпраздновать Рождество и короновать Людовика и Алиенору перед большим собранием вассалов и придворных. Город был переполнен дворянами и их свитами, и, как всегда, для тех, кто не мог разместиться в замке, гостиницах и городских тавернах, поставили шатры и навесы.

Алиенора собиралась надеть на церемонию коронации свадебное платье, но его пришлось перешить, поскольку после замужества она стала выше ростом, а ее фигура приобрела более округлые женственные формы.

После очередной примерки у швеи она вместе с Петрониллой направилась в большой зал, где на простых столах для старших баронов и вассалов накрыли ужин без церемоний. Завтра рассаживать гостей будут по старшинству и важности, а сегодня прибывшие могли общаться как пожелают.

– Спорим на золотое кольцо, что мать Людовика найдет предлог, чтобы провести время с Матье де Монморанси, – шепнула Петронилла Алиеноре, когда они входили в зал.

– Я никогда не быюсь об заклад, если уверена, что проиграю, – ответила Алиенора. Она тоже заметила румянец на щеках Аделаиды, когда распорядитель оказывался рядом, и наблюдала за их частыми разговорами, всегда, впрочем, остававшимися в рамках приличий. – Я желаю им добра. Пусть делает что хочет, лишь бы поменьше придиралась ко мне.

Дорогу сестрам пересек прогуливающийся дворянин, и всем троим пришлось остановиться, чтобы избежать столкновения. Мужчина уже собрался недовольно воскликнуть, но потом его взгляд скользнул по богатым одеждам и сопровождающим дамам, и он отвесил поклон.

– Мадам, простите меня. Дорогу несравненной красоте королевы Франции!

Алиенора никогда не видела такого красивого мужчину: высокий, с густыми, блестящими рыжевато-золотистыми волосами, с белой, как алебастр, кожей и глазами ясного сине-зеленого цвета. Тщательно подстриженная русая борода окаймляла его подбородок и подчеркивала мужественный рот. Его нос был прямым и тонким, как стрела.

– Сир, я не знаю вашего имени, – в некотором замешательстве ответила Алиенора.

Он снова поклонился.

– Жоффруа, граф Анжуйский. Ваш отец, упокой Господь его душу, сражался бок о бок со мной в прошлом году в Нормандии. У нас было много общих интересов.

Его взгляд был хищным и веселым.

– Вам всегда рады при дворе, сир, – произнесла она, стараясь не показать, как сильно ее взволновал этот прямой взгляд.

– Приятно слышать. – В его голосе прорезались стальные нотки. – Бывало иначе, но я надеюсь, что ветер переменился.

Он поклонился снова и пошел дальше, остановившись лишь раз, чтобы ослепительно улыбнуться ей, обернувшись через плечо.

Петронилла хихикнула, прикрывшись ладонью, и ткнула Алиенору локтем в бок.

– Какой красавчик!

Алиенора чувствовала себя так, словно Жоффруа Анжуйский только что на глазах у всех раздел ее до сорочки, хотя они лишь обменялись приличествующими случаю вежливыми фразами. Она остро ощущала его присутствие, а потому осознавала и свои действия, и то, какой ее могут увидеть окружающие.

– Веди себя прилично, Петра, – прошептала она.

– Он женат?

– Да, на императрице Матильде, дочери старого короля Англии Генриха.

И тут она вспомнила еще кое о чем: однажды она подслушивала разговоры в отцовском кабинете и узнала, что граф Жоффруа написал ее отцу письмо с предложением заключить брак между ней и своим младенцем-сыном, тоже Жоффруа. Ее отец отказался, посмеявшись над анжуйской дерзостью. Однако, повернись все иначе, и Жоффруа мог бы стать ее свекром, а ее мужем – мальчик, которому еще не исполнилось и пяти лет.

Петронилла еще раз ткнула ее в бок.

– Он на нас смотрит!

– Ну так отвернись!

Алиенора взяла Петрониллу за руку и провела ее через толпу к архиепископу Жоффруа, зная, что рядом с ним она будет в безопасности, приходя в себя. И все же она чувствовала на себе взгляд Жоффруа и не осмеливалась оглянуться, опасаясь увидеть его многозначительную улыбку.

– Жоффруа Анжуйский... – Людовик метался по спальне, как неугомонный пес. – Я бы ни капли не доверял ему, пусть сколько угодно клянется нам в верности и уверяет в добрых намерениях.

Пир без церемоний закончился поздно, и в тавернах и шатрах за стенами замка еще продолжались возлияния. Алиенора, одетая в сорочку, сидела перед камином и заплетала косу. Даже от одной мысли о Жоффруа ее бросало в жар. Она будто увидела красивого, пылкого жеребца, вздымающего холку и виляющего хвостом во дворе у конюшни. Такой же сгусток силы, мужественности и опасности. Каково это – овладеть таким зверем, оседлать его?

– Почему же? – спросила она.

– Ему нельзя верить, – прорычал Людовик. – Если будет выгодно, Жоффруа откажется от своей клятвы верности. Он жаждет влияния и власти. Он хочет заполучить Нормандию так же сильно, как эта его распутная жена – Англию. Представь, что, если он ее получит? Куда он устремит взгляд? На земли Франции? – Людовик дошагал до противоположной стены и развернулся. – Я слышал, что он предлагал твоему отцу выдать тебя за его сына.

– И мой отец отказался.

– Верно, но это говорит о том, что он ухватится за любую возможность, которая подвернется.

Алиенора не ответила. Отец Людовика вряд ли руководствовался благородными побуждениями, когда использовал подвернувшуюся возможность.

– Он считает, что его внешность и влияние помогут ему добиться всего на свете, но он глупец. Пусть его отец – король Иерусалима, мне это безразлично.

– Что ему нужно?

Людовик, должно быть, разговаривал с Сугерием или Тибо де Блуа, уж слишком он разволновался. Без чужого влияния здесь не обошлось. Блуа враждовали с Анжу, а Жоффруа сражался с братом Тибо, Стефаном, за Нормандию.

Людовик фыркнул.

– Заключить брак, – сказал он. – Добивается помолвки между Констанцией и своим сыном.

Алиенора на мгновение изумилась, вспомнив бледную, светловолосую сестру Людовика, но тут же поняла мотивы Жоффруа.

– Я ему отказал, – сообщил Людовик. – Вряд ли в наших интересах подавать такому руку, и я бы не доверил Констанцию ни ему, ни его жене-мегере.

Алиенора подозревала, что Жоффруа Анжуйский все равно добьется своего, а судя по тому, что она слышала об императрице Матильде, та мало отличалась от ее собственной све-крови.

– Что он ответил?

Людовик нахмурился.

– Сказал, мол, все понимает, но надеется, что я буду иметь его предложение в виду, поскольку обстоятельства часто меняются.

– И ты сказал, что не забудешь?

Людовик бросил на нее раздраженный взгляд.

– Я ясно дал понять, что этот вопрос не подлежит обсуждению. У меня есть дела поважнее, чем тратить время на рыжего анжуйского наглеца.

– Но что, если его жена станет королевой Англии?

– Боже упаси, – огрызнулся Людовик. – Очень в этом сомневаюсь. Их дело проиграно еще до его начала. Пусть лучше Констанция отправится к наследнику Стефана и вступит в брак с тем, кто уже сидит на троне.

Алиенора задумалась. Вроде бы разумное решение, но было в Жоффруа нечто такое, из-за чего ей казалось, что Людовик его недооценивает.

– Я буду рад, если он удалится от двора, – добавил Людовик. – От него одни неприятности. Я не хочу, чтобы ты или кто-либо из женщин приближался к нему, понятно?

– Но мой долг – общаться с твоими вассалами и быть хорошей хозяйкой, – запротестовала она.

– Так разговаривай со стариками и епископами. Оставь Жоффруа Анжуйского в покое – я серьезно. – Он подошел и встал рядом, возвышаясь над ней, положив руки на бедра. – Сплетни разлетаются быстро. Королева Франции должна быть вне подозрений.

Людовик явно ревновал. Алиенора ощутила искру возбуждения.

– Ты мне не доверяешь?

Она поднялась, чтобы взглянуть ему в глаза.

– Я ему не доверяю – уже говорил. – Людовик обнял ее и поцеловал. – Так обещаешь?

Она поцеловала его в ответ, а потом кончиками пальцев разгладила морщинку на переносице.

– Обещаю, что буду очень осторожна. Ты идешь в постель?

В последующие дни Алиенора действительно вела себя очень осторожно, потому что мысль о том, чтобы остаться наедине с Жоффруа Анжуйским, наполняла ее необъяснимой тревогой. Она разговаривала со старшими вассалами и епископами. Общалась с их женами и дочерьми. Лишь раз она едва не оступилась, когда в рождественском танце Жоффруа вел ее за руку и в конце поцеловал внутреннюю сторону запястья, слегка коснувшись кожи зубами – намекал, что она невообразимо аппетитна, – а потом поклонился и ушел. Все это было игрой, но с его стороны далеко не невинной. Алиенору будто ударило молнией, но она тут же сосредоточенно прищурилась. Ей предстояло многому научиться, но она научится. И однажды превзойдет его знаниями и опытом – тогда настанет ее очередь выворачивать его наизнанку без малейших усилий.

10

Париж, весна 1138 года

Алиенора выдохнула и прикусила губу, когда Людовик отстранился от нее и перевернулся на спину; его грудь высоко вздымалась. Он был груб в своей любви сегодня, и Алиенора чувствовала себя истерзанной, но в то же время понимала: его поведение в постели часто было продолжением событий, которые происходили за ее пределами. У Алиеноры недавно закончилось кровотечение, и супруги впервые за восемь дней спали вместе. В последние дни Людовик избегал ее, предпочитая держаться на расстоянии – пока кровь делала ее нечистой. Вместо этого он проводил время в молитве и созерцании.

Они были женаты уже девять месяцев, а Алиенора так и не забеременела. На Рождество крови не было в срок, но она все же пошла. Каждый месяц, когда это повторялось, Аделаида выговаривала невестке, что ей следует выполнять свои обязанности и дать Франции наследника. Сама она родила отцу Людовика шесть здоровых сыновей и дочь.

Алиенора намотала прядь серебристых волос Людовика на указательный палец.

– Отец иногда брал нас с Петрониллой в Ле-Пюи на праздник Девы Марии, – сказала она. – Мой прадед подарил аббатству пояс, который когда-то принадлежал матери Христа. Люди верят, что она наделяет даром плодородия пары, которые молятся у ее усыпальницы. Мы должны отправиться туда и попросить ее благословения.

Людовик поднял брови – настороженно, но и заинтересованно.

– Сам Карл Великий бывал в Ле-Пюи, – добавила Алиенора. – Ты обещал, что после коронации мы поедem в Аквитанию.

– Верно, – признал он, – но я был занят другими делами. Однако ты права; я сообщу Сугерию.

Алиенора выслушала его спокойно. По крайней мере, «сообщу» звучит гораздо лучше, чем «спрошу».

Он сел и осторожно потер ее щеку, а затем посмотрел на свой большой палец.

– В чем дело? – спросила она, решив, что, возможно, испачкалась.

– Мать говорит, что ты одеваешься неподобающим образом и красишь лицо и что я должен быть настороже. Но ты выслушиваешь меня и успокаиваешь. Разве она хоть когда-нибудь так поступала? Мне все равно, правду она говорит или нет.

Алиенора опустила глаза, пряча гнев и раздражение. Они с Аделаидой продолжали бороться за влияние на Людовика. Ее близость с ним давала ей преимущество, но Аделаида не сдавалась.

– Ты считаешь, что я должна вести себя и одеваться, как твоя мать?

Он вздрогнул.

– Нет, – сказал он. – Я не хочу, чтобы ты стала такой же, как она.

Алиенора добавила в голос нотки печали.

– Я понимаю, ей трудно отказаться от власти и положения, которыми она так долго обладала. Я чту ее, но не могу быть такой, как она.

– Ты права, – коротко выпалил он. – Мы должны отправиться в Ле-Пюи и вместе там помолиться.

Алиенора обняла его.

– Спасибо тебе, муж мой! Ты не пожалеешь об этом, обещаю!

Она вскочила с кровати в одной сорочке и закружилась по комнате, ее волосы разлетелись золотой вуалью, и Людовик рассмеялся. Когда Алиенора бывала такой нежной и ласковой, ему казалось, что он может достичь чего угодно, и он отдал бы ей весь мир, так велика была его

любовь. Однако глубина его чувства вызывала в нем странную неуверенность, особенно когда другие высказывались о его жене сдержанно. Что, если он обманывается?

Алиенора погрузилась и напустила на себя скромность.

– Мы должны сказать обо всем Сугерия вместе и спросить, что он посоветует нам взять с собой в дар святилищу.

Тогда Сугерий и сам будет вовлечен в это дело и не сможет его не одобрить, а если Сугерий одобрит, то Аделаида ничего не изменит.

Алиенора и Людовик молились перед статуей Богородицы с младенцем в святилище Богоматери в соборе в Ле-Пюи и принесли дары ладана и мирры в украшенном золотом ларце. Алиенора помолилась над золотым поясом Богородицы и трижды обернула его вокруг талии во имя Троицы, чтобы ее чрево было плодовитым.

Ле-Пюи был переполнен паломниками, готовившимися отправиться в путь в Компостелу, поскольку это было важное место поклонения. Алиенора и Людовик недолго прошли с ними, раздавая милостыню толпе. Глаза Алиеноры наполнились слезами – она вспомнила тот день, когда ее отец отправился в путь из Пуатье с ней и Петрониллой. Приняв ее слезы за проявление религиозного упоения, Людовик вспыхнул к ней еще большей любовью, едва не лопаясь от гордости и обожания.

Поскольку таверны, в которых останавливались паломники, были переполнены, Алиенора и Людовик провели ночь в королевском шатре под усыпанным звездами небом. С благословения Девы Марии они занимались любовью в теплый весенний вечер, исполненные нежности и красоты.

Когда Людовик поспешно вошел в покои жены, то увидел сидящую на постели Алиенору – рядом с ней стояла Аделаида. Они вернулись в Париж почти три месяца назад, и жизнь вошла в привычное русло, за исключением того, что последние четыре дня Алиенору тошнило по утрам, а сегодня Аделаида вызвала королевского врача, чтобы осмотреть невестку.

– Сир, – сказал мужчина, дипломатично обернув лоскутком ткани бутылку с мочой, которую рассматривал. – Я счастлив сообщить вам, что молодая королева ждет ребенка.

Людовик уставился на него округлившимися глазами.

– Правда? – Он повернулся, чтобы посмотреть на Алиенору.

Несмотря на тошноту, она широко ему улыбнулась, переполненная триумфом и радостью.

– Значит, Дева Мария ответила на наши молитвы в Ле-Пюи! – Бледное лицо Людовика покраснело от изумления и счастья. – У Франции будет наследник, о моя умная, прекрасная жена!

– Пока еще рано праздновать. – Его мать предостерегающе подняла указательный палец. – Алиеноре следует отдыхать и не делать ничего, что могло бы навредить ребенку или ей самой.

Алиенора спрятала недовольную улыбку. Она прекрасно знала, что задумала Аделаида, и не собиралась уединяться в своих покоях до конца беременности. Она бросила робкий взгляд на Людовика.

– Я бы хотела сходить в церковь и поблагодарить Богородицу за ее великую щедрость.

Он смотрел на нее довольным, но неуверенным взглядом.

– Разумно ли тебе вставать с постели?

– Конечно, это не может принести ничего, кроме пользы, – ведь я пойду помолиться?

Алиенора вопросительно повернулась к врачу, который, колебавшись, склонил голову.

– Мадам, молитва никогда не помешает.

Задержав балдахин, Алиенора приказала служанкам одеть себя в платье из голубой шерсти и покрыть заплетенные в косы волосы вуалью из тонкого белого льна, украшенной крошечными жемчужинами. Когда она вышла, похожая на мадонну, как и собиралась, Аделаида уже ушла.

Людовик смотрел на нее с обожанием.

– Я так горжусь тобой.

Он поцеловал обе ее руки, а потом и лоб.

Стоя рядом на коленях, они молились у алтаря в древнем храме Нотр-Дам. Алиенору все еще тошнило, но не сильно. Она носила наследника Франции и Аквитании, и это давало ей внутреннее ощущение силы – она ощущала себя плодотворной женщиной и кормилицей. Так она становилась настоящей королевой, сияла собственным светом.

Выйдя из сумрака старой меровингской церкви, Людовик и Алиенора обнаружили, что их ждет гонец. Его одежда запылилась, от него воняло тяжело навьюченной лошастью и немывшим телом.

– Сир. Мадам. – Он опустился на колени и склонил голову. – Печальные вести из Пуатье.

– Что случилось? – требовательно спросила Алиенора, прежде чем Людовик успел открыть рот. – Вставай! Говори же!

Гонец, покачиваясь, поднялся.

– Мадам, народ восстал и объявил коммуну. Они говорят, что сбросят власть герцогов Аквитании и Франции. Мятежники заняли дворец и сейчас укрепляют оборону.

Он потянулся к своему потрепанному кожаному ранцу и достал измятое письмо.

Алиенора выхватила у него свиток и сломала печать; когда она прочитала содержимое, ее рука сама собой взметнулась к губам. Она словно оглянулась и увидела, как ее земли падают в темную пропасть. Этот документ мог расколоть ее наследство и лишить ее всего, что она имела; она станет никем – не сможет сохранить свое положение и достоинство при дворе. Как герцогиня Аквитанская она могла честно противостоять всем, включая Аделаиду. Без своих земель она была добычей волков.

Людовик взял письмо и, прочитав, стиснул губы.

– Мы должны что-то предпринять, – проговорила она. – Если это пойдет дальше... – О таком она не могла даже думать. – Нужно подавить мятеж сейчас; безотлагательно. Я прикажу уложить вещи.

Людовик смотрел на нее с удивлением и тревогой.

– Ты не можешь никуда ехать, ты ждешь ребенка. Помнишь, что сказал врач? – Он взял ее за руку. – Я со всем разберусь. Это и мои подданные, и, оскорбляя тебя, они оскорбляют меня.

– Но ты не знаешь их так, как я!

Она попыталась высвободиться, однако Людовик крепко сжал пальцы.

– Я знаю достаточно, чтобы справиться с ними. – Он расправил плечи. – Не беспокойся. Об этом я позабочусь. Тебе следует прежде всего заботиться о ребенке.

Алиенора подумала, что ему легко говорить, а она будто заново окунулась в горе, страх и тревогу, которые нахлынули на нее после смерти отца. Сначала ее лишили семьи, потом ей пришлось покинуть родной дом, а теперь мятеж угрожает оставить ее ни с чем.

– Ступай и отдохни в своих покоях, а я займусь делами. – Людовик потянул ее за собой к Большой башне.

Ей удалось наконец вырваться из его хватки.

– Сегодня же. Ты должен начать подготовку немедленно.

Он вздохнул с досадой.

– Да, сегодня, если ты настаиваешь.

Она хотела бы вскочить в седло, галопом мчаться в Пуатье, и была расстроена тем, что не могла этого сделать. Если бы она не была беременна...

– Я напишу письма моим вассалам в Пуату и епископам. – Она потерла болевшую руку. – Они окажут свое влияние.

По крайней мере, это она могла сделать. А в остальном придется положиться на Людовика.

Месяц спустя Алиенора, мучаясь от головокружения и тошноты, стояла в церкви аббатства Сен-Дени, на мессе по случаю престольного праздника. Придворные заполнили неф. Все были одеты в лучшие одежды и явились с дарами, чтобы преподнести их у алтаря. Ведший службу аббат Сугерий держал в руках хрустальный кубок, который Алиенора подарила Людовику в день их свадьбы. Округлое основание сосуда было непрозрачным от вина, темного, как кровь. Сугерий попросил разрешения использовать кубок во время службы, чтобы почтить покровителя церкви, а также короля, который с особым почтением относился к святому Дионисию. Сейчас Людовик скакал в Аквитанию под защитой священного знамени аббатства, алой орифламмы.

Его сопровождали далеко не все французские дворяне. Тибо де Блуа резко заявил, что не обязан ехать в Пуатье, и отказался от похода, обращаясь с Людовиком и Алиенорой словно с парой глупых щенков, и Людовик отправился в Пуатье в угрюмом настроении, взяв с собой две сотни рыцарей, отряд лучников и обоз с осадными орудиями, решив заявить о себе как о короле и полководце. Алиенора запомнила отказ Тибо. За ним следовало понаблюдать – благодаря своим связям он мог доставить большие неудобства, а его семья и раньше поднимала мятежи.

Алиенора уже сожалела, что позволила Сугерию взять кубок, потому что от вида вина у нее сводило живот. Ей стало душно, как будто окружающие лишали ее воздуха. Стены давили, и все истлевающие бывшие короли Франции будто бы неодобрительно смотрели на нее сквозь каменные стены гробниц.

Стоявшая рядом Петронилла с беспокойством коснулась ее руки.

– Сестра?

Алиенора сжала четки и покачала головой. Она боялась, что, стоит ей разомкнуть губы, и ее стошнит, и не могла покинуть службу, потому что тогда поползут слухи, что она нечестива и непочтительна или даже еретичка. Королева Франции должна исполнить свой долг, чего бы ей это ни стоило. Закрыв глаза, медленно и глубоко дыша, она заставила себя терпеть, пока время едва ползло, будто горячая капля воска по тающей свече.

Когда служба закончилась, прихожане торжественной процессией покинули церковь, следуя за большим украшенным драгоценностями крестом, который высоко держал на позолоченном шесте Сугерий, облаченный в сверкающие белые и серебряные одежды. Алиенора сосредоточенно передвигала ноги. Еще чуть-чуть, еще шаг.

За стенами церкви из толпы вынырнул мужчина и бросился к ее ногам, целуя подол ее платья.

– Мадам! Милости! Жители Пуатье умоляют вас о заступничестве. Я принес страшные вести!

Стражники схватили его, и, пока он бился в их железной хватке, Алиенора узнала в нем конюха из дворца Пуатье: он иногда разносил письма для ее отца.

– Я знаю этого человека. Отпустите его! – приказала она. – Какие вести? Говори!

Стражники швырнули конюха к ее ногам, держа копыя наготове.

– Мадам, король захватил Пуатье, жителям велел платить штрафы, многих заключил в тюрьму. А еще приказал всем мещанам и дворянам города отдать своих детей. Он сказал, что заберет их с собой во Францию и расселит по своим замкам в залог повиновения родителей. – Не сводя глаз с надвигающихся стражников, конюх достал из ранца несколько свитков, с которых свисали печати на цветных шнурах. – Люди вызывают к вашему милосердию и умоляют о

помощи. Они боятся, что никогда больше не увидят своих сыновей и дочерей. Смилуйтесь, госпожа, некоторые из них еще младенцы!

Алиенора сглотнула подступившую к горлу желчь.

– Они пытались изгнать меня, а теперь умоляют о милости? – Ее губы искривились. – Чего же они ожидали?

– Мадам, что с вами? – К ней подошел Сугерий в сверкающей серебром мантии.

– Король взял заложников в Пуатье. – Она показала ему письма. Внутри у нее все бурлило, как в кипящем котле. – Мятежники заслуживают наказания, но так пламя лишь разгорится сильнее. Я должна туда поехать; эти люди – мои подданные.

Сугерий просмотрел письма и бросил на нее проницательный взгляд.

– Я разделяю ваши опасения, но вы не можете поехать в Пуатье. Смею ли предложить... – Он замолчал и обеспокоенно посмотрел на нее.

Алиенору прошиб холодный пот. Петронилла схватила ее за руку и громко, встревоженно вскрикнула. Толпа напирала, дышать стало нечем, и у Алиеноры подкосились ноги. Она смутно осознавала, что ее несут обратно в церковь и кладут на грудь плащей. Пахло ладаном, пели монахи, а перед глазами маячил хрустальный кубок, поднятый высоко в чьих-то руках, и на дне его плескалась кроваво-красная жидкость.

Алиенору отнесли в Париж в мягком паланкине и послали за врачами, но к тому времени ее матка уже корчилась в судорогах, и вскоре она потеряла ребенка в потоке крови и слизи. Аделаида попыталась вывести Петрониллу из комнаты, но девочка отказалась уходить, оставаясь рядом с Алиенорой и сжимая ее руку, пока повитухи убирали кровавые сгустки и мертворожденного младенца-мальчика, не больше ладони. Аделаида распоряжалась практически, но сдержанно, давая каждым жестом понять, что винит Алиенору.

– Сугерий едет в Пуатье, чтобы поговорить с Людовиком, – отрывисто сообщила она. – Людовика огорчат эти новости, так же как и необходимость разбираться с вашими беспокойными вассалами.

– Что ж, возможно, ему не следовало на мне жениться, – ответила Алиенора, отвернувшись к стене. Она очень ослабела от потери крови, и ей не хотелось разговаривать с Аделаидой и тем более спорить.

Рауль де Вермандуа пристально взглянул на Петрониллу, когда она, дрожащая и вся в слезах, вышла из покоев Алиеноры. Он пришел, чтобы лично узнать, как себя чувствует молодая королева, а не прислал слугу, которого могли бы легко оттолкнуть с пути или отослать ни с чем.

– Дитя, – мягко заговорить он, – что произошло?

Петронилла покачала головой.

– Алиенора потеряла ребенка, – срывающимся голосом призналась она. – Это было ужасно, а старая ведьма так с ней жестока.

– Ты говоришь о королеве Аделаиде?

Петронилла посмотрела на него сквозь блестящие от слез ресницы.

– Я ее ненавижу.

Он погрозил ей пальцем.

– Не стоит так говорить, – предостерег он, обдумывая новость о том, что у Алиеноры случился выкидыш. – Она от всего сердца заботится о благополучии твоей сестры.

– У нее нет сердца, – фыркнула Петронилла.

– Даже если королева Аделаида в чем-то не согласна с твоей сестрой, она сделает все возможное, чтобы помочь ей выздороветь, потому что это в ее интересах. – Рауль обнял Петрониллу за худенькие плечи. – Постарайся вести себя осторожнее. Мне ты можешь рассказать

все что угодно, и я никому ничего не скажу, но другим при дворе доверять не стоит, иначе можно нарваться на неприятности. Пойдем, *doucette*⁸, не надо плакать.

Он осторожно вытер ее щеки мягким льняным рукавом своей рубашки и пощекотал подбородку, пока она не улыбнулась.

– Мне нужно вернуться к сестре. – Петронилла шмыгнула носом. – Я просто не хотела, чтобы она видела, как я плачу. – Ее подбородок снова дрогнул. – Кроме нее, у меня никого нет.

– Ах, дитя. – Рауль нежно погладил ее по щеке указательным пальцем. – Ты не одинока, никогда так не думай. Приходи ко мне, если тебя что-то тяготит.

– Спасибо, мессир. – Петронилла опустила ресницы.

Глядя ей вслед, Рауль ощутил прилив необычной нежности. При дворе у него была репутация любителя пофлиртовать. Иногда это выходило за рамки шуток и взглядов, и за его плечами было несколько интрижек – достаточно, чтобы дядя его жены, благонравнейший Тибо де Блуа, кривил губы и называл его сластолюбцем. Возможно, он и был ловеласом, но не со зла; уж таков уродился, как вечно недовольный всем на свете Тибо и одержимый молитвами Людовик. Петронилла была слишком молода, чтобы обратить на себя такое его внимание. Он относился к малышке с состраданием, однако в то же время инстинктом хищника видел, что ее ждет. В недалеком будущем Петронилла превратится в красивую молодую женщину, желанную по многим причинам. Тот, кто возьмет ее в жены, будет щедро благословлен.

⁸ «Милая», «дорогая» (франц.).

11

Пуатье, осень 1138 года

Стоя у высокого окна, выходящего во двор дворца, Людовик с раздражением наблюдал за собравшейся толпой. Причитания матерей и детей звенели у него в ушах. Граждане Пуатье и замешанные в мятеже вассалы собрались, чтобы выслушать приговор; насколько им было известно, Людовик намеревался забрать их отпрысков в заложники. Людовик взбесился, узнав, что они отправили в Париж письма, умоляя Алиенору о заступничестве, и совершенно вышел из себя, когда выяснилось, что Сугерий счел себя обязанным поспешить в Пуатье, чтобы вмешаться.

– Я пригрозил, чтобы вселить в них страх Божий, – прорычал Людовик, бросив на Сугерия через плечо короткий взгляд. – Думаешь, у меня хватит времени и средств, чтобы рассылать их потомство по всей Франции? Пусть потрясутся от ужаса, а потом я объявлю, что в обмен на их клятву никогда больше не устраивать беспорядки я отпускаю их с миром. Они будут благодарны и сами потянутся ко мне. – Он свирепо сверкнул глазами. – Мог бы и довериться мне.

Сугерий сжал кончики сведенных домиком пальцев.

– Сир, нам сообщили, что вы намереваетесь взять заложников, и мы знали, что это вызовет большие неприятности и беспорядки.

– Никак не позволишь мне взять бразды правления, не так ли? – Людовик фыркнул. – Ты такой же, как и все остальные. Хочешь командовать мною, как будто я ребенок, хотя, клянусь Богом, это не так.

– О да, сир, это не так, – спокойно ответил Сугерий. – Но все великие правители прислушиваются к советам. Ваш отец это знал, и не было на свете человека более великого, даже если Бог – величайший из всех.

Людовик терпеть не мог, когда его сравнивали с отцом; он знал: все считают, что ему до отца далеко – ведь он слишком молод.

– Я Божий избранник, и я помазан на трон на Его глазах, – огрызнулся молодой король и вышел, чтобы сделать заявление.

Людовик не отличался громким голосом, поэтому Вильгельм, епископ Пуатье, зачитал прокламацию о снисхождении, когда Людовик и Сугерий стояли рядом с ним. Толпа во дворе разразилась радостными возгласами и криками облегчения и благодарности. Женщины рыдали и прижимали к груди детей. Мужчины обнимали жен и сыновей. Людовик наблюдал за всеобщим ликованием без тени улыбки. Теперь, когда приехал Сугерий, все решат, что это он так устроил, а король оказался в его тени, хотя недавно готовился стоять на солнце.

Пока он слушал клятвы и обещания людей, чьих детей он так великодушно освободил, Людовик чувствовал, как недовольство ложится на его чело свинцовым венцом, отчего нестерпимо разболелась голова. Когда двор опустел, король удалился в свои покои, намереваясь побыть в одиночестве, но Сугерий последовал за ним и закрыл за собой двери.

– Я не сказал вам раньше, сын мой, потому что не хотел отвлекать от дел, – тихо и доверительно произнес аббат, – но, когда я уезжал, королеве нездоровилось.

Людовик с внезапной тревогой вскинул голову.

– Что значит – нездоровилось?

– Ей стало плохо, и она упала без чувств после мессы на престольном празднике в Сен-Дени. – Помолчав, Сугерий тяжело вздохнул. – Сир, я с сожалением должен сообщить вам, что у нее случился выкидыш.

Встретив печальный взгляд Сугерия, Людовик отшатнулся.

– Нет! – Он затряс головой. – Нас благословила сама Дева Мария!

– Искренне сожалею, что был вынужден принести вам эту весть. Воистину, мне очень жаль.

– Я не верю!

– Тем не менее это правда. Вы знаете, что я никогда не посмел бы солгать.

В душе Людовика словно разверзлась огромная пропасть – как будто кто-то обеими руками раздвигал его грудную клетку и тянулся внутрь, чтобы вырвать сердце.

– Почему? – воскликнул он и наклонился, стиснув себя руками за плечи. Мир, который он считал таким совершенным, оказался обманом. То, что Святая Дева Мария даровала в Ле-Пюи, она же и забрала, и Людовик не знал на то причины. Если это случилось в праздник Сен-Дени в его собственном аббатстве, значит, это знак. Он делал все возможное, чтобы подчиниться Божьей воле и быть хорошим королем, выходит, виновата Алиенора. Однако она так прекрасна, как горный хрусталь. У него закружилась голова. Сугерий все утро носил в себе эту новость, поджидая подходящего момента, чтобы открыть ее, – знал и молчал!

Сугерий произносил слова утешения, увещевал, но для Людовика они звучали бессмысленно, и он обнаружил, что готов возненавидеть невысокого священника.

– Убирайся! – всхлипывая, крикнул он. – Пошел вон!

Людовик огляделся в поисках чего-нибудь, чем можно было бы запустить в аббата, но под рукой оказалась лишь деревянная фигурка Богородицы, и хотя он и был переполнен гневом и страхом, все же удержался, лишь сжал ее в кулак и потряс статуэткой над Сугерием.

– Так не должно быть! – рыдал он.

– Сир, вам не следует... – Сугерий замолчал и повернулся к гонцу, принесшему весть о том, что вассал Алиеноры, Гильом де Лезе, кастелян⁹ Тальмона, отказался от своей клятвы и захватил белых кречетов, предназначенных для личного пользования герцогов Аквитании. Эти птицы были символом достоинства, власти и мужественности правящего дома – такой поступок был одновременно личным оскорблением и вызовом.

Людовик выпрямился, тяжело и быстро дыша, словно собирался израсходовать весь воздух в комнате. Новость алым пламенем вспыхнула в его сознании, в глазах потемнело от бешенства.

– Если де Лезе не придет и не поклянется нам в верности, – сказал он хрипло, – тогда мы пойдем к нему. И перед смертью он приползет ко мне и пожалеет о том, что появился на свет.

Отдыхая у себя в покоях, Алиенора наблюдала, как Петронилла учит свою пушистую белую собаку Бланшетту сидеть и выпрашивать угощение. Собачку подарил сестре Рауль де Вермандуа.

– Умница, правда? – обратилась Петронилла к Алиеноре, водя куском оленины над трепещущим черным носом собаки. Бланшетта минуту потанцевала на задних лапах, прежде чем Петронилла скормила ей кусочек мяса, одарив похвалой.

– Самая умная собака в христианском мире. – Алиенора принужденно улыбнулась. Прошел месяц с тех пор, как у нее случился выкидыш. Молодое сильное тело быстро восстановилось, однако порой королеве хотелось плакать, ее одолевали тоска и печаль. Хотя ребенок был слишком мал, чтобы иметь душу, она остро чувствовала его потерю и сожалела, что не выполнила свой долг.

Капелланы ежедневно молились с ней вместе, приходил даже Бернارد Клервоский, чтобы дать совет и выразить соболезнования. Чувствуя антипатию к этому человеку, но зная, насколько он влиятелен, она старалась ему не противоречить, но в их отношениях ничего не

⁹ Владелец замка в средневековой Франции, обладавший немалой властью.

изменилось, и старый священник по-прежнему смотрел на нее как на взбалмошную и пустую девочку, которая нуждается в строгих наставлениях.

Покончив с олениной, Бланшетта зевнула и растянулась перед очагом, чтобы поспать. Петронилле не хотелось шить, и в редком порыве самоотверженности она предложила помассировать ступни сестре.

Алиенора закрыла глаза и расслабилась, когда Петронилла сняла с нее мягкие замшевые туфли и начала поглаживать ей ноги нежно, но твердо. Алиенора наслаждалась мирными минутами, какие выпадали ей редко. Обычно все ее время было занято Людовиком, выполнением его постоянных требований; из-за этого между сестрами возникло отчуждение.

Петронилла вздохнула.

– Вот бы так всегда, – сказала она. – И жить в Пуатье.

– О да, – пробормотала Алиенора, не открывая глаз.

– Как ты думаешь, мы когда-нибудь туда вернемся?

– Конечно. – Мечты и приятные ощущения Алиеноры рассеялись, хотя глаза она пока не открывала. – В этот раз мы не смогли поехать, потому что дело было срочное, а я ждала ребенка. – Она с усилием прогнала мрачные мысли. – Но мы скоро туда отправимся, обещаю. Остановимся в Пуатье и Бордо и поохотимся в Тальмоне.

Глаза Петрониллы сверкнули.

– Искупаемся в море и будем собирать ракушки!

– Я сделаю из них ожерелье и повешу тебе на шею! – Алиенора рассмеялась, представив взгляд Аделаиды, увидевшей, как они с Петрониллой плещутся на мелководье, подоткнув юбки, будто простые рыбачки. При мысли о замке на мысе в Тальмоне, о золотом пляже и блеске моря, освещенного солнцем, к горлу подступил комок. В Тальмоне она прохаживалась рука об руку с Жоффруа де Ранконом на придворном пикнике и гуляла босиком у кромки воды.

У ее отца были в Тальмоне охотничьи угодья, где он держал драгоценных белых кречетов, мужественный символ герцогов Аквитании и самых свирепых хищных птиц в христианских землях. Она помнила, как стояла в мягкой тьме зверинца и на ее запястье сидел один из них, вцепившись кривыми когтями в кожаную перчатку – глаза той птицы сияли, как обсидианы. А потом она вынесла птицу на открытое пространство и подбросила ввысь под звон серебряных колокольчиков и мелькание острых белых крыльев. Это был восхитительный момент власти.

Петронилла вдруг замерла и затаила дыхание.

– Алиенора...

Она открыла глаза, с трудом привыкая к свету после тьмы за закрытыми веками. Все еще погруженная в свои мысли, она потрясенно застыла при виде Людовика, который надвигался на нее с белым кречетом на запястье, и на мгновение даже решила, что это сон. Алиенора вскочила на ноги, ее сердце бешено колотилось. Бланшетта, очнувшись от дремоты, пронзительно затыкала, отчего птица взволнованно захлопала крыльями.

Людовик увернулся от бьющих крыльев.

– Уберите собаку! – рявкнул он.

Петронилла схватила Бланшетту и, бросив взгляд на Людовика, выбежала из комнаты.

Алиенора уставилась на мужа. Его одежда была мятой и пыльной. Он похудел, и в его чертах появилась резкость.

– Я не знала, что ты вернулся. Ты не отправил ко мне гонца. Откуда у тебя моя птица?

– Я хотел рассказать тебе обо всем сам. – Он снял с пояса ястребиную перчатку и протянул ей. – Твой вассал де Лезе выступил против нас и в знак неповиновения забрал твоих птиц. Эта сидела в спальне, где я его убил. С тех пор я держу ее при себе в знак того, как далеко я готов зайти ради тебя. Видишь, на ее перьях еще темнеет кровь предателя.

У Алиеноры все сжалось внутри. От Людовика веяло опасным напряжением, как будто он мог в любую минуту выхватить меч и проткнуть кого-то из простой прихоти. Она даже обрадовалась, что Петронилла вышла из комнаты.

– Ты убил де Лезе? – Она надела охотничью перчатку.

– Это было необходимо, – сурово ответил он. – Вассал нанес оскорбление. Я был снисходителен к жителям Пуатье, поэтому мне пришлось проявить суровость в Тальмоне. – Он нахмурился. – Сугерию не было нужды приезжать в Пуатье. Я справлялся и сам, а из-за него во мне усомнились. Все подумали, что я слаб, недостаточно хорош и на вторых ролях, но я показал им, я им всем показал! – Его лицо исказилось гримасой. – Де Лезе отказался от клятвы и опозорил нас, забрав кречетов, и знаешь, что я сделал?

Алиенора покачала головой, настороженно глядя на него.

– Я отрубил его руки и ноги мечом в назидание другим и прибил их к двери замка. Пусть никто не смеет брать то, что ему не принадлежит, и не обманывает меня. – Его глаза были почти черными из-за огромных зрачков, и Алиеноре стало страшно, потому что она не знала, на что еще он способен. Перед ней стоял не благочестивый, неуверенный в себе юноша, а дикое и необузданное существо. Она протянула ему руку в перчатке.

– Позволь мне взять ее, – сказала она.

Людовик пересадил птицу на запястье Алиеноре, и оба они увернулись от бьющихся крыльев. Она чувствовала вес птицы и ее бешеную силу. Кречеты были самыми крупными и величественными среди соколов. Сильнее был только беркут.

– Suaui, mea reïna. Suaui, – тихо произнесла Алиенора на своем южном языке. – Тише, моя королева, тише. – Она погладила мягкие белые перья на соколиной грудке, ласково уговаривая хищницу. Постепенно птица перестала хлопать крыльями и перебирать лапами. Она уселась на руку Алиеноры, яростно сжав ее когтями. На голове у кречета, там, куда птице было не дотянуться, темнело коричневое пятно.

Людовик наблюдал за Алиенорой, его грудь вздымалась, и по мере того, как она успокаивала птицу, он тоже успокаивался, дикий огонь в его глазах потух.

– Ты сделал то, что должен был сделать, – проговорила она.

Он жестко кивнул.

– Да, то, что я должен был сделать. – Он сжал кулаки. – Сугерий сказал мне, что ты потеряла ребенка.

Горе и чувство вины пронзили ее, но она сохранила самообладание благодаря птице на запястье.

– Так было суждено.

– В День святого Дионисия, как мне сказали, – добавил он почти обвиняюще. – Должно быть, Господь разгневался. Вероятно, мы в чем-то провинились, раз Он лишил нас этой благодати. Я молился и каялся в соборе в Пуатье.

– Я тоже молилась. – Мысли об умершем ребенке непрестанно мучили ее. Она потеряла нечто очень важное, не смогла разжечь искру жизни. Неужели она в чем-то провинилась? Эта мысль не давала ей покоя.

Он прочистил горло.

– В Пуатье я слышал, как священник сказал, что наш брак не будет благословлен потомством, потому что мы близкие родственники.

Алиенора бросила на него горький взгляд.

– Священники часто говорят то, что думают, как обычные люди, а не по воле Господа. Разве не Церковь связала нас узами брака и посоветовала нам вступить в брак? А теперь та же самая Церковь вдруг изменила свое мнение?

В ее словах звучала внутренняя сила, и кречет снова взмахнул крыльями. Алиенора успокоила птицу и уладила свой гнев.

– Все так. – Людовик с облегчением вздохнул. – Конечно, ты права. – Он потер лоб.

– Я попрошу сокольничего сделать для нее здесь насест, – сказала Алиенора.

Людовик выдохнул и понуро опустил плечи. Она заметила темные круги усталости под его глазами и кивком предложила лечь на кровать.

– Ложись, – сказала она. – Поспи немного, и твой разум прояснится.

Спотыкаясь, он подошел к кровати, растянулся на ней и почти сразу же заснул. Алиенора посмотрела на его длинные руки и ноги, светлые волосы и красивое лицо, а потом взглянула на Ла Рейну¹⁰, на коричневые пятна на ее белом оперении, и содрогнулась.

¹⁰ «Королеву» – на родном языке Алиеноры.

12

Париж, весна 1140 года

Алиенора была занята все утро, стоя на мессе с Людовиком, отвечая на письма из Аквитании, общаясь с просителями, но в конце концов выкроила немного времени, чтобы провести его с Петрониллой, которой подгоняли новые платья.

Самое красивое платье сестре сшили на праздник святой Петрониллы, который отмечали в последний день мая. Оно было из розового шелка, мягко оттенявшего ее золотисто-каштановые волосы и глаза цвета лесного меда. Поговаривали о том, что Петронилла похожа на свою бабушку, Данжероссу де Шательро – великолепную красавицу, печально известную тем, что бросила мужа и сбежала с любовником, Гильомом, девятым герцогом Аквитанским. Впрочем, о том старом скандале не упоминали. Лишь восхищались, какой красавицей становится Петронилла.

Платье было расшито сотнями маленьких жемчужин, которые блеснули и на поясе, и в кольцах, которыми были унизаны пальцы Петрониллы. Еще больше жемчужин было вплетено в ее косы и украшало вуаль. Для Алиеноры это было куда больше, чем просто облачение младшей сестры в нарядные одежды. Это был праздник женственности Петрониллы, сильный сигнал о том, что девочка защищена богатством и властью и потому неприкосновенна. Одежда была таким же оружием и защитой, как рыцарский меч и щит.

Петронилла раскачивала пышные юбки платья взад и вперед, показывая лодыжки, обтянутые шелковыми чулками, и изящные вышитые туфельки.

– Наш отец гордился бы тобой, – сказала Алиенора.

– Жаль, что его нет с нами. – Улыбка померкла на губах Петрониллы, но расцвела вновь, когда ее взгляд устремился на Рауля де Вермандуа, стоявшего в дверях комнаты. – Рауль, тебе нравится? – Она подскочила к нему и сделала пируэт.

Он уставился на нее как громом пораженный.

– Должно быть, я сплю, – сказал он. – Вы – прекрасное видение.

Петронилла смеялась и танцевала вокруг него, легкая, как пушинки чертополоха.

– Я из плоти и крови. Потрогай! – сказала она и протянула ему руку.

Он коснулся ее пальцев и склонился над ними.

– Ну что ж, вы не призрак, а истинная красавица, – добавил он с поклоном. Из-за спины он достал маленький собачий ошейник, сплетенный из розовой тесьмы и украшенный рядами жемчужин. – До меня дошли слухи о каком-то новом платье, – сказал он, – и я подумал, что Бланшетта должна соответствовать хозяйке.

Петронилла захлопала в ладоши, с криком восторга обвила его шею руками и поцеловала в щеку. Затем, отстранившись, склонилась к собачке и заменила ее ошейник из плетеной кожи на новый.

– Идеально, – сказал Рауль. – Теперь вы идеальны. – И, учтиво поклонившись, удалился.

Алиенора смотрела ему вслед – его предупредительность грела ей душу. Рауль был для Петрониллы как будто отцом, уделяя ей внимание, которого она так жаждала, и не подпуская к ней назойливых юных придворных.

Оставив сестру с портнихами, Алиенора отправилась на поиски Людовика. В последнее время он отдалился от нее, и приходилось прилагать усилия, чтобы сохранить на него влияние. После выкидыша она так и не зачала ребенка, а Людовик несколько раз не смог исполнить свой супружеский долг, из-за чего бросался в церковь, чтобы вымолить прощение за грех, лишивший его мужественности. Но даже в тех случаях, когда ему все удавалось в постели,

результатов не было, поскольку ее кровотечение приходило вовремя, а хищники все кружили, ожидая своего часа.

Дверь покоев Людовика была приоткрыта, и до Алиеноры донесся громкий голос све-крови. Алиенора помрачнела. Аделаида стала более суровой и непреклонной с тех пор, как Людовик дал согласие на брак между его сестрой и наследником английского короля Эсташем. Констанция уехала в Англию в феврале, чтобы вступить в новую семью. Аделаида, потеряв еще одну союзницу и компаньонку при дворе, да еще и единственную дочь, с тех пор стала особенно угрюмой и раздражительной.

Сейчас она разразилась перед Людовиком очередной тирадой, голос ее звучал неприятно и резко.

– Ты не должен поддаваться на уговоры тех, кто пытается сбить тебя с пути, заставить уклониться от твоего истинного долга – править Францией. Когда я думаю обо всех жертвах, которые принес ради тебя твой отец... Твои предшественники боролись за то, чтобы посадить тебя на трон, и ты несешь на своих плечах все их стремления, их мечты и надежды. Не будь легкомысленным, и не позволяй другим забрать твою ношу. Ты слышишь меня? – В наступившей тишине Аделаида сурово повторила вопрос. Раздался громкий удар, как будто она стукнула чем-то по столу.

– Да, мама, – бесстрастно ответил Людовик.

– Не знаю, не знаю. Интересно, понимаешь ли ты, что правишь этой страной своим умом, а не по чьей-то указке?

– И о чьей же указке ты говоришь? – требовательно поинтересовался Людовик. – Назовешь имена? Твои приказы, матушка, я тоже исполнять не собираюсь. Я вижу, как ты наблюдаешь за мной в зале совета и пытаешься вмешиваться, где только можешь, как вмешивалась в дела отца. Я вижу, как ты следишь за Алиенорой и ее сестрой, выискивая в них недостатки на каждом шагу.

– Стоит ли удивляться, если они ведут себя вульгарно и попирают наши устои? Ты можешь верить чему угодно, но я знаю другое. Я вижу, как они интригуют, словно пара юных лисиц, но ты не замечаешь этого, потому что слеп! Меня принижают. Не оказывают мне должного уважения, а деньги уходят, как вода в решето. Ты знаешь, сколько стоят последние платья для младшей сестры? На одни жемчуга можно год кормить целый монастырь! Тебе известно, сколько твоя жена тратит на ароматическое масло для ламп?

– Вот об этом я и говорю, указывая на твои придирки. В мире есть вещи и похуже. Алиенора любит меня, и это больше, чем ты когда-либо делала.

– Она держит тебя за дурака!

– Это ты принимаешь меня за дурака, – ответил Людовик.

– А ты таков и есть, и мне больно это видеть. Но да будет так. Я умываю руки. Не приходи ко мне плакаться, когда твой мир рухнет.

Алиенора отступила на шаг, когда Аделаида распахнула дверь и вышла.

– Подглядываешь в замочную скважину? – презрительно поинтересовалась пожилая женщина. – Это меня не удивляет.

Алиенора присела в реверансе.

– Мадам, – бесстрастно ответила она.

– Думаешь, победила, – прошипела Аделаида, – но ты ничего не знаешь. Я всю жизнь трудилась на благо Франции. Я была женой одного короля и матерью другого, и посмотри, к чему это меня привело. Тебя ждет та же участь, девочка моя, потому что в конце концов все сводится к пустоте. Отписываю тебе мою горсть пыли. Возьми ее и посеи свой бесплодный урожай. Для меня здесь все кончено.

Аделаида пронеслась мимо. Алиенора глубоко вздохнула, собрала с силами и вошла к Людовику.

– Я тебя искала, – сказала она. – Не знала, что ты занят.

Его рот искривился.

– Ты слышала, что она сказала?

Алиенора кивнула.

– Должно быть, ей трудно отказаться от власти. Думаю, для нее будет лучше на некоторое время удалиться в свои владения. – Она положила руку ему на плечо. – Мне жаль, что матушка так относится ко мне и Петронилле. По правде говоря, мы всегда держались с ней почтительно. Она сама не своя с тех пор, как твоя сестра уехала в Англию.

– Моя мать никогда не бывает довольна. – Его глаза потемнели от боли. Он пристально смотрел на нее. – Она права, Алиенора? Ты держишь меня за дурака?

– Ты же знаешь, что это не так.

– Я больше ничего не понимаю. – Обхватив жену за талию, он обнял ее и начал целовать с неуклюжим отчаянием. Алиенора задыхалась от грубости его натиска, но он не обращал на это внимания и, потянув ее на кровать, овладел ею, не раздеваясь, среди бела дня – он выгибался и всхлипывал, входя в нее и выходя из ее тела. Казалось, он использовал ее, чтобы выплеснуть мучительное разочарование в бешеном всплеске похоти – избавиться от страхов и страданий, оставив их в ней, и снова вернуть мир к нормальной жизни.

Когда все закончилось, он оставил ее на кровати, а сам ушел молиться. Алиенора перекатилась на бок; она обхватила себя руками за плечи, ища утешения, и уставилась в стену, чувствуя себя оскорбленной и изнасилованной.

Людовик оглядел покои, ранее принадлежавшие его матери. Ее не было при дворе почти два месяца. Алиенора заново отделала стены и велела расписать их тонкими красными и зелеными завитками, развесила красочные гобелены – богато расшитые, но не тяжелые. На креслах у окон лежали белые, вышитые золотом подушки, а на сундуках и столах стояли вазы с цветами. От пьянящего аромата роз и лилий кружилась голова.

– Ты отлично потрудилась, – сказал Людовик.

– Тебе нравится?

Он осторожно кивнул.

– Здесь все очень изменилось. Это больше не комната моей матери.

– Конечно, нет. Здесь не хватало света и воздуха.

Людовик подошел к окну и устремил взгляд на чистое голубое небо.

Алиенора посмотрела на него. Аделаида и Матье де Монморанси объявили о своем намерении пожениться. Ни для кого при дворе это не стало неожиданностью, однако Людовик все еще пытался осознать тот факт, что его мать выбрала себе в мужа не слишком знатного человека. Как будто все, что имело значение раньше, вдруг стало неважным – или, возможно, важным стало что-то совсем другое.

– Я намерен сделать Монморанси коннетаблем Франции, – сказал Людовик, взяв в руки подушку и разглядывая вышивку. – Думаю, так будет лучше.

Алиенора кивнула в знак согласия. Так честь будет удовлетворена, и Аделаида избежит позора в глазах своей семьи.

– Она, должно быть, очень к нему привязана, – заметила Алиенора.

Людовик фыркнул.

– Он будет у нее на побегушках, вот и все. В монастырь она бы ни за что не пошла, а Монморанси будет ее занимать.

Алиенора считала, что все это к лучшему. Пока Аделаида занята новым мужем, она не будет совать нос в придворные дела. Пусть эта пара держится как можно дальше сколько захочет.

Она встала рядом с мужем у окна.

– Ты больше не думал о делах в Бурже?

– О каких делах?

– Об архиепископе Альберике, – терпеливо напомнила Алиенора. – Он быстро слабеет, и, если вдруг умрет, придется избирать нового архиепископа.

Людовик нетерпеливо пожал плечами.

– Они выберут того, на кого я укажу. Это моя привилегия.

– Даже если так, не разумнее ли представить им твоего кандидата, пока Альберик еще жив? Я знаю, что ты давно положил глаз на Кадюрка.

Его ноздри раздулись.

– Всему свое время. Я же сказал, они выберут того, кого я выдвину.

Заметив, как он недоверчиво стиснул зубы, она мысленно вздохнула. Как ни странно, Людовик, предпочитавший в жизни жесткие правила и порядок, порой усложнял до невозможности самые простые вещи. Если же на него давить, он станет еще более упрямым и капризным. Власть короля абсолютна, и точка.

13

Париж, весна 1141 года

– Тулуза, – сказала Алиенора, обращаясь к Людовику. – Моя бабушка по отцовской линии, Филиппа, была наследницей Тулузы, но власть узурпировали те, у кого было меньше прав и больше сил. Будь жив мой отец, он бы боролся за то, чтобы вернуть эти земли нашей семье.

Глубокой ночью они с Людовиком сидели в постели, пили вино и разговаривали при свете лампы с ароматным маслом. Все благоприятствовало зачатию ребенка. День был не святой и не запретный; у Алиеноры не шла кровь. Все с нетерпением ждали вестей о новой беременности, но она знала, что ожидание лишь порождает в Людовике страх неудачи. Он говорил, что блуд – это грех и что либо он, либо Алиенора, должно быть, как-то прогневили Господа, отчего теперь не могут зачать ребенка. Она и теперь ощущала, как муж напряжен.

– Мой отец родился в Тулузе, – сказала она. – Но я там никогда не была.

– Почему мы говорим об этом сейчас?

Она отставила вино в сторону и наклонилась к нему.

– Потому что это дело, которое слишком долго откладывается. Я должна поехать в Аквитанию – ею тоже пренебрегают.

– Тебе не нравится в Париже?

Алиенора не стала говорить то, что первым пришло на ум: Париж – холодный город, куда ее сослали из теплых южных земель ее детства. С тех пор как Аделаида уехала из дворца, молодая королева расширила свои покои, переделав все по своему вкусу, и они ей вполне нравились. Париж с его многочисленными улицами и бурной интеллектуальной жизнью всегда вдохновлял ее, но это был не дом, и он не принадлежал ей.

– Франция – страна моего супружества, – изящно вывернулась она. – Аквитания – моя земля по рождению и праву, и мой долг – показаться там лично. – Она провела кончиком косы по его губам. – Подумай о том, чтобы отправиться во главе армии на завоевание Тулузы. Только представь, какую честь принесет тебе такое предприятие. Ты докажешь свою власть и исправишь ошибку.

Людовик ощутил прилив желания, представив себе, как он ведет войска: звенит упряжь, плавно движется под ним мощный конь. Он вообразил рядом с собой Алиенору и Ла Рейну, сидящую на его запястье. Он представлял себе поход под звездами, где летний ветер доносит ароматы лугов. Представлял, как добавит Тулузу к своим владениям и докажет всем, и не в последнюю очередь своей супруге, какой он великий король и воин.

Она осыпала его ключицу и шею короткими поцелуями, нежно касаясь кончиком языка.

– Скажи «да», Людовик, – прошептала она, дыша ему в ухо. – Скажи «да». Ради меня. Сделай это ради меня... сделай это ради Франции.

Он закрыл глаза и наслаждался эротическим зарядом ее слов и прикосновением ее губ. Он был до боли тверд. Со стоном он перевернул Алиенору на спину, раздвинул ее ноги и подался вперед.

– Хорошо, – выдохнул он. – Я сделаю это. Я покажу тебе, на что способна Франция! – Он действовал решительно, разгоряченный мыслью о том, что совершит великие и мужественные подвиги по приказу своей жены, хотя и подмял ее сейчас под себя.

Под лучами теплого южного солнца Алиенора чувствовала себя так, словно вернулась из изгнания. Кроме краткого визита в Ле-Пюи, она не видела Аквитанию четыре года, и это было похоже на то, как если бы она попала под долгожданный дождь после бесконечной засухи. Все,

что было стиснуто у нее внутри, начало распускаться – она почувствовала себя обновленной. Снова стала смеяться и расцвела.

В Пуатье Алиенора прошла в танце по покоям дворца, юбки ее платья раздувались и кружились.

– Дом! – Она крепко обняла Петрониллу. – Мы дома!

Будь все по ее нраву, она жила бы здесь вечно и ездила в Париж, только когда того требовал бы долг.

Ее аквитанские вассалы собрались вместе с Людовиком в поход на Тулузу, среди них был и Жоффруа де Ранкон, который привел людей из Тайбура, Вивана и Жансе. Сердце Алиеноры учащенно забилося, когда Жоффруа преклонил колени перед ней и Людовиком. Рядом с ним она по-прежнему вспыхивала невидимым пламенем; время и расстояние ничего не изменили.

Он был учтив с Людовиком и умело участвовал в организации армии для похода на Тулузу. Их беседа была сердечной и профессиональной – в разговоре даже проскальзывали дружеские нотки, к которым некоторые северные бароны прислушивались с подозрением и враждебностью.

Когда ему выпала возможность поговорить с Алиенорой наедине, он обратился к ней так же вежливо, но с ощутимым скрытым напряжением, будто стояли на пути бурной подземной реки, о которой знали только они.

– Король оказал мне честь, попросив стать его знаменосцем, – с гордостью сообщил Жоффруа.

– Он понимает, что следует вовлекать моих вассалов в общее дело, – ответила она. – И вполне уместно, чтобы человек ваших способностей в таком случае ухватился за выгодную возможность.

– Некоторым не нравится, что южный выскочка занимает столь видное положение, – язвительно сказал он, – но успех всегда порождает зависть. Я рад служить вам и королю.

В тот первый вечер в большом зале компанию развлекал знаменитый благородный трубадур Жоффре Рюдель, сын кастеляна Блая, который, спев подходящие к случаю боевые песни и баллады, взял минорный аккорд на своей цистре и исполнил еще одно произведение о душе-раздирающей любви и тоске.

Я верю, что Он – мой истинный Господь,
С Ним я увижу эту любовь
В далекой дали. Но на одно счастье
У меня два несчастья, ибо
Она так далеко. Ах, если бы я
Был там паломником, чтобы мой посох
И плащ могли отразиться в зеркале ее
Прекрасных глаз!

У Алиеноры перехватило дыхание. Она посмотрела на Жоффруа, и на едва уловимое мгновение их взгляды скрестились, и под их ногами забурила подземная река.

Когда-то она играла с ним в догонялки в здешних садах, со смехом уворачиваясь от протянутых к ней рук. Она ходила с ним на охоту; они вместе пели песни и танцевали. С ним она училась восхитительному искусству флирта, зная, что в безопасности и он не причинит ей зла. Он дарил ей радость в детстве, и о нем она мечтала, когда ее тело обрело женственные формы. Все это осталось в прошлом, но влечение и воспоминания остались. Ей хотелось бы возродить их, чтобы перекинуть мост через пропасть настоящего, но ради них обоих она не могла так поступить. Никогда ей больше не флиртовать с ним, потому что в этом случае каждое слово будет сказано всерьез, в то время как любезности с другими – лишь показные пустяки.

Воодушевленный и жаждущий завоевать Тулузу, Людовик покинул Пуатье на следующее утро со своими французскими рыцарями и теми вассалами Алиеноры, которые откликнулись на его призыв. К другим были отправлены гонцы с приказом встретить короля в пути. С короной Аквитании на челе Алиенора обняла мужа и, когда он сел на коня, передала ему свой щит.

– Да пребудет с тобой Господь, – сказала она. Краем глаза она заметила, что Жоффрау несет знамя Людовика с французскими лилиями, а рядом с ним развевается аквитанский орел. Он смотрел прямо перед собой, упрямо выпятив подбородок. – Да пребудет Он со всеми вами, – добавила она.

– Я вернусь к тебе и принесу в дар Тулузу, если это будет угодно Господу, – ответил Людовик.

Алиенора отступила и села в огромное кресло своего отца, которое вынесли из зала и установили на возвышении, под шелковым балдахином. Взяв у своего сокольничего кожаную перчатку, она усадила Ла Рейну на правое запястье. В левой руке она держала украшенный драгоценными камнями жезл с фигуркой голубки. Герцогиня Аквитанская, правительница государства, провожала в путь кавалькаду всадников, смелых, дерзких, в сверкающих доспехах. Людовик был в своей стихии, и Алиенора подумала, что никогда еще он не выглядел таким красивым и уверенным, как сейчас. Ее сердце разрывалось от гордости и за него, и за человека, который поклонился ей с седла, прежде чем выступить первым, держа в руках знамена.

14

Пуатье, лето 1141 года

Людovic вернулся в Пуатье после военной кампании почти с тем же блеском, с каким его оставил: под развевающимися знаменами, со сверкающей на солнце сбруей и новостью о том, что он заключил перемирие с Альфонсом Иорданом, владыкой Тулузы, согласно которому последний сохранил город в обмен на клятву верности французской короне. Попытки Людовика взять город штурмом провалились, не удалась и осада. Ему удалось добиться лишь клятвы верности и перемирия.

– Мне не хватило людей, – сказал он Алиеноре в их покоях, когда слуга опустился на колени, чтобы снять с него обувь и вымыть ноги. – У меня не было ни достаточного войска, ни снаряжения.

– Виноват Тибо Шампанский, – откликнулся Рауль де Вермандуа, который находился неподалеку как советник и старший член семьи. – Уже дважды он отказывал вам в услугах. Будь с нами его люди, мы взяли бы Тулузу, не сомневаюсь. – Он отпил вина из кубка, который протянула ему Петронилла.

Алиенора перевела взгляд с де Вермандуа на Людовика.

– Тибо Шампанский отказался повиноваться?

Ожидалось, что он присоединится к Людовику под Тулузой, но, очевидно, этого не произошло.

Людovic скривил губы.

– Он прислал гонца с сообщением, что не придет, потому что война с Тулузой выходит за рамки его обязательств передо мной, к тому же с графом Тулузским он не ссорился.

Алиенора отстранила слугу и сама занялась мытьем ног супруга, чтобы слушать, склонив голову, и меньше участвовать в беседе. Тибо Шампанский, похоже, решил идти своим путем. Он подорвал авторитет Людовика и укрепил свой собственный, а поскольку граф был богат, влиятелен и в его жилах текла королевская кровь, он был опасен. Отчасти по его вине Тулуза осталась непокоренной. Дело кончилось лишь перемирием и клятвой, которая, по сути, ничего не значила.

– Я не прощу его вероломства, – прорычал Людovic. – Когда мы вернемся во Францию, я с ним разберусь.

– Но ты не забудешь о Тулузе?

Людovic бросил на нее нетерпеливый взгляд.

– Нет, – отрывисто сказал он.

Ему явно не хотелось продолжать этот разговор, и Алиенора замолчала, рассчитывая вернуться к нему позже, а пока она хотела убедить Людовика задержаться в Аквитании. Лишь бы не возвращаться в Париж!

– Мы еще многое можем сделать здесь для людей и церкви, – сказала она.

Людovic неопределенно хмыкнул.

Рауль вежливо кашлянул.

– Меня ждут дела, если вы позволите, сир.

Людovic махнул рукой, отпуская его. Алиенора многозначительно посмотрела на Петрониллу, которая подняла брови и на мгновение сделала вид, что не понимает, но потом присела в реверанс и последовала за Раулем, уводя за собой слуганок.

Алиенора аккуратно осушила ноги Людовика мягким льняным полотенцем.

– Пока тебя не было, я кое-что задумала на случай, если ты не позовешь меня на победный пир в Тулузу.

Людовик напрягся.

– Ты ожидала моего поражения?

– Отец говорил, что всегда разумно составить запасной план, который может понадобиться, если главный не удастся, – как захватить смену одежды на случай дождя. – Она отложила полотенце и села к нему на колени.

– И что ты задумала? – Он обнял ее за талию.

– Пожалуй, для начала мы могли бы поехать в Сен-Жан-д'Анжели и помолиться у мощей Иоанна Крестителя. А потом в Ньор, чтобы провести суд. Еще я хотела бы даровать королевский статус церкви в Ньей, где похоронена моя мать, а потом мы могли бы поехать в Тальмон поохотиться. – Она погладила его по щеке. – Что скажешь?

Он с отвращением нахмурился.

– В Тальмон?

– Мы должны укрепить наши позиции там мирным путем после того, что произошло раньше.

– Наверное, ты права, – согласился он, все еще хмурясь, – но слишком задерживаться не стоит.

Алиенора не ответила, потому что давно поняла, когда стоит надавить на мужа, а когда оставить в покое. Он согласился. Большого ей сейчас и не нужно.

Обширные аквитанские владения Алиенора объезжала рука об руку с Людовиком. Они принимали просителей и вассалов, вместе свидетельствовали и подписывали хартии, всегда с оговоркой, что все документы, на которых Людовик ставил свое имя, были составлены «с согласия и при ходатайстве королевы Алиеноры».

Самым трогательным моментом стало для Алиеноры посещение могил ее матери Аэноры и младшего брата Эгре в Сен-Венсане. Алиенора и Петронилла возложили цветы к простым могильным плитам, украшенным лишь крестами, и приняли участие в торжественной мессе в честь родных. По желанию Алиеноры церкви был дарован статус королевского аббатства.

Алиенора вернулась к родным могилам ранним вечером и уединилась в тишине. Ее дамы, склонив головы, стояли поодаль, давая госпоже возможность помолиться. Воспоминания о матери со временем поблекли. Ей было всего шесть лет, когда умерла Аэнора, и она помнила лишь слабый аромат лаванды и каштановые волосы матери, такие длинные, что Алиеноре не приходилось тянуться, чтобы коснуться толстых кос. Еще в памяти сохранилась тихая грусть, словно она сама навевала на себя это настроение, прежде чем мир смог сделать это за нее. Брата она помнила еще хуже; мелькали воспоминания о маленьком мальчике, который бегал по замку с игрушечным мечом в руке, кричал, рубя мечом направо и налево, и его поощряли, потому что он был наследником, будущим мужчиной. Короткая жизнь, яркая, вспыхнувшая и сожженная лихорадкой. Он умер, едва успев пожить. Теперь у них обоих был достойный памятник, где покоились их бранные останки, и постоянный уход за их бессмертными душами. Она выполнила свой долг перед ними. Аминь. Перекрестившись, Алиенора повернулась, чтобы уйти.

– Мадам?

Жоффруа де Ранкон появился бесшумно и встал между ней и ее дамами.

Ее сердце на мгновение замерло.

– Что-то не так?

– Все хорошо, мадам, но я видел, как вы шли сюда, когда обходил посты. Если вы хотите, чтобы я ушел...

Она покачала головой и кивком указала на могилы:

– Я их почти не помню, но они все равно всегда со мной. Как сложилась бы моя жизнь, останься они с нами?

Его плащ коснулся ее рукава.

– Я научился отгонять такие мысли после того, как потерял Бургонди с нерожденным ребенком, – сказал он. – Это ни к чему хорошему не приводит. Все, что вы можете сделать, это прожить каждый день в их честь.

У нее до боли сжалось горло. Он упустил суть ее вопроса, возможно, намеренно. Останься в живых брат, ей не пришлось бы выходить замуж за Людовика, а будь жива мать, у нее могли бы родиться другие сыновья. Это было очень важно.

– Ваша матушка была милостивой леди, пусть она покоится здесь с миром, и ваш брат вместе с ней. Хорошо, что память чтят достойно.

– Да, – кивнула она. – Я хотела, чтобы так было.

В эти мгновения они были ближе всего после его возвращения из неудачного похода на Тулузу. Алиенора часто видела Жоффруа, почти каждый день, но всегда в компании других людей или погруженного в дела. Они избегали оставаться вдвоем и никогда не разговаривали слишком вольно. За ними всегда наблюдали, но подземная река все равно текла бурным потоком. Алиенора ни на мгновение не поверила, что Жоффруа случайно увидел, как она идет к могилам.

Жоффруа вежливо кашлянул.

– Мадам, хочу попросить у вас разрешения вернуться в Тайбур. Мои земли требуют внимания, и я уже три месяца не видел своих детей.

Алиенору его слова поразили, будто нож в сердце.

– Вы останетесь, если я прикажу?

– Я сделаю все, что вы пожелаете, мадам, но надеюсь на вашу мудрость.

– Мудрость, – с горькой улыбкой сказала она. Сгущались сумерки, наполняя церковь тенями, не пропуская свет. – Верно, где бы мы были – без мудрости? Я отпускаю вас.

– Мадам, – коротко ответил он. Под прикрытием плаща он ненадолго сжал ее руку и стремительно зашагал к двери. Когда Алиенора присоединилась к своим дамам, ее пальцы еще хранили тепло его руки.

Двор пробыл в Тальмоне уже три дня, все было готово к охоте с пикником, когда пришло известие, что Альберик, архиепископ Буржский, отошел в мир иной.

– Упокой Господь его душу. – Алиенора перекрестилась и посмотрела на Людовика: – Вероятно, ты выдвинешь на его место Кадюрка?

– Конечно, – ответил Людовик. – Кадюрк служил мне усердно и заслуживает повышения. Он лучше всех справится на этом посту.

– К тому же полезно назначить того, кто обязан короне, – сказала она и выбросила из головы этот рутинный вопрос, который будет рассмотрен позже на совете. Пока же их ожидал день веселья.

Петронилла откинулась на шелковую подушку в тени каштанового дерева. Тяжелые листья и ветви были усеяны гроздьями зеленых шипастых скорлупок, которые спустя месяц выпустят на волю ярко-коричневые орехи – их можно будет поджарить на огне или приготовить из них вкусное сладкое печенье. Петронилла любила сезон каштанов и надеялась, что к тому времени двор еще не уедет из Пуату.

Придворные с самого утра охотились в лесах Тальмона и днем остановились перекусить и побеседовать в заранее условленном месте, где слуги разожгли угли для приготовления пищи и разложили в тени одеяла и подушки. Все отдыхали, пили вино, охлажденное в ближайшем ручье, и ели деликатесы: свежую рыбу, пойманную в заливе за стенами замка, пряные пироги, изысканные сыры и финики, начиненные миндальной пастой. Ястребы, среди них и Ла Рейна, кречет Алиеноры, сидели на шестах в тени и отдыхали, засунув головы под крылья.

Неподалеку играли музыканты, подбирая мелодии на лютне и арфе, исполняя по очереди бодрые военные марши, энергичные охотничьи песни и пронзительные любовные баллады, исполненные безответной тоски. Один из артистов, молодой трубадур с золотыми перстнями и ослепительно голубыми глазами, бросал на Петронииллу взгляды, а она кокетничала с ним в ответ, войдя в роль заинтересованной, но недоступной высокородной дамы. Дерзкие манеры – но Петронилле было все равно; она наслаждалась игрой. Алиенора была слишком поглощена своими заботами, чтобы уделять ей внимание, которого та так жаждала. Молодые кавалеры не остались равнодушными к ее флирту, и в глазах музыканта засветилась глубокая признательность. Возможно, позже она тайком передаст ему какой-нибудь знак – маленький кусочек вышивки или золотую бусинку со своего платья. А если наберется смелости, то позволит Раулю де Вермандуа поймать ее на этом, привлекая и его внимание, а это было бы интересно. Она задремала, убаюканная ветерком, шелестящим в листве, и шепотом струн лютни, по которым скользили пальцы трубадура.

– Сладость для дамы, которая сама слаще меда, – прошептал мужской голос, и что-то теплое и липкое коснулось ее губ. Глаза Петронииллы распахнулись, и она тихонько охнула. Над ней склонился Рауль и капал ей на губы мед из маленького горшочка, который держал в руке.

Облизав рот, она села и игриво похлопала его по плечу.

– Ты всегда так пристаешь к спящим дамам?

Рауль усмехнулся и поднял одну бровь.

– Обычно дамы, к которым я обращаюсь, не спят, – ответил он. – А если и спят, то очень скоро просыпаются. – Он легонько ткнул указательным пальцем в кончик ее носа. – Принес угощение, пока осталось хоть немного. Эти жадные обжоры едва не слопали все до капли. Конечно, если ты не хочешь, то им больше достанется. – Он указал на придворных, которые заканчивали трапезу фруктами, обмакнутыми в мед.

Петронилла взяла у него горшочек, зачерпнула сладость пальцем и облизала. Зачерпнула снова, но на этот раз поднесла палец ко рту Рауля. Тот издал горловой смешок и принялся его облизывать с таким рвением, что по позвоночнику Петронииллы пробежала дрожь и она забыла о юных рыцарях и трубадуре. Никто не мог видеть, что происходит, потому что ее палец был целиком у него во рту.

– Все чисто, – сказал он, отводя ее руку от своих губ.

Петронилла кокетливо посмотрела на него.

– Хотите еще? – поинтересовалась она.

– Интересный вопрос. – Он мягко рассмеялся. – Играя с огнем, не убережешься от последствий, вы же знаете. – Он окинул ее оценивающим взглядом. – Кажется, только вчера вы были глазастой девочкой из Бордо и с подозрением смотрели на всех этих странных французов – особенно на меня. – Он указал на свою повязку на глазу.

– Я по-прежнему подозрительно отношусь к французам, – ответила Петронилла, – и по-прежнему считаю их странными.

– Почему вы подозреваете меня? Разве я не забочусь о вашем благе?

– Не знаю, мессир. Возможно, вы преследуете собственную выгоду.

– Конечно, это очевидно. Разве не заметно, как благотворно вы на меня влияете? – Он провел указательным пальцем правой руки по ее щеке. – Вы напоминаете старому коню, каково это – быть молодым и полным жизни.

Трубадур затянул другую песню. Петронилла пересела так, чтобы опираться не на подушки, а на плечо и грудь Рауля.

– Вы вовсе не старый, – сказала она. – Молодые рыцари и оруженосцы похожи на детей, но вы мужчина... И я не маленькая девочка.

Он ничего не сказал, и она обернулась к нему.

– Я не маленькая!

– О, верно, – с горькой радостью подтвердил он. – Вы прекрасная молодая женщина, а я, как пчела, пьяная от нектара.

– Как вы потеряли глаз? – Она легонько провела пальцем по контуру кожаной повязки.

Он пожал плечами.

– Во время осады. Меня ударило в лицо осколком летящего камня, вот и все.

– Болит?

– Иногда. После ранения было больно и разыгралась лихорадка, но я справился, потому что разве у меня был выбор? Я никогда не торчал перед зеркалами. Я знаю цену красивой одежде и внешнему виду, но такой боевой шрам – это почетно и не мешает мне выполнять свои обязанности или участвовать в придворной жизни. Да и сейчас я уже не тот молодой горячий парень, чтобы по первому зову бросаться в гущу сражения, так что и одного глаза хватает.

Петронилле нравилось, что он разговаривал с ней как со взрослой, и нравилось чувствовать, как его сильное тело поддерживает ее. Он зажег пламя у нее внутри. Всегда умел рассмешить ее и прогнать заботы. Сначала он был для нее вторым отцом, но теперь она видела в нем привлекательного и сильного мужчину, пусть и женатого. Но его жена была далеко и не имела никакого значения; более того, это обстоятельство лишь добавляло пикантности.

Она прикрыла один глаз рукой и попыталась представить, что он видит. Рауль наблюдал за ней с улыбкой, но добавил с легким укором:

– А теперь представьте, что вы не можете убрать руку и вот так будете видеть всегда.

Петронилла тут же раскаялась.

– Мне очень жаль; я об этом не подумала.

– Знаю, *doucette*, но многого в моей жизни невозможно представить и понять.

– Я могу попробовать, если вы меня научите.

– Возможно.

Он оставил ее, чтобы побеседовать с другими. Петронилла смотрела ему вслед, и у нее заныло в животе от мысли, что ее замечание заставило его уйти. Он не вернулся к ней, но оставался возле разных групп, перекидываясь парой слов здесь, касаясь плеча там, смеясь над шуткой и отпуская остроты. Он чувствовал себя совершенно непринужденно и знал, как разговаривать с каждым. Его лицо могло быть покрыто шрамами и рубцами, полученными за десятилетия жизни, но двигался он с грацией, а его тело было стройным и крепким.

К Петронилле подсел молодой рыцарь, и она принялась заигрывать с ним, продолжая краем глаза наблюдать за Раулем. Он то и дело поглядывал в ее сторону, забавляясь, но продолжал свой обход и по-прежнему не был настроен возвращаться к ней.

Когда двор собрался трогаться в замок, Петронилла подошла к своей кобыле, но когда конюх приготовился усадить ее в седло, отступила на шаг и нахмурилась.

– Она хромот на переднюю ногу, – заявила Петронилла. – Не думаю, что мне стоит на нее садиться.

Конюх провел рукой по ноге кобылы сверху донизу. Он поднял копыто и осмотрел его.

– Пожалуй, она вполне здорова, госпожа.

– Говорю тебе, лошадь хромот, – нетерпеливо повторила Петронилла. – Будешь со мной спорить?

– Нет, госпожа. – Он стиснул зубы и низко опустил голову.

– Что случилось? – Алиенора уже сидела в седле, держа Ла Рейну на запястье.

– Стелла хромот, – сообщила Петронилла. – Мне придется сесть у кого-нибудь за спиной.

Алиенора приподняла брови.

– Твои хитрости шиты белыми нитками, – сказала она. – Хотя по твоему лицу и не догадаешься, Эмери де Ньор выдал вас обоих с головой.

Она посмотрела на молодого рыцаря, который держал своего коня наготове, самодовольно оглядываясь.

– Госпожа Петронилла может сесть на моего коня. – Вперед выехал Рауль. – У этого берберийца широкая спина, он легко выдержит нас обоих.

Алиенора бросила на него благодарный взгляд.

– Спасибо.

Это уберезит Петрониллу от беды. Де Ньор опечаленно отвернулся.

Петронилла опустила голову, но бросила на Рауля лукавый взгляд исподлобья, сцепив руки за спиной, как непослушный ребенок.

Рауль покачал головой:

– Надеюсь, Стелла быстро поправится.

– Уверена, что лишь слегка повредила ногу, а с тобой я буду в безопасности, ведь ты такой хороший наездник.

Губы Рауля слегка скривились.

– У меня большой опыт, – ответил он.

Конюх держал серого коня, пока Рауль помогал Петронилле усесться на широкой спине берберийца. Затем Рауль сел перед ней и натянул поводья. Петронилла обвила его руками за пояс, наслаждаясь ощущением сильных мышц. Она представила, как приятно было бы коснуться его кожи без одежды. Она сидела совсем близко, но ей хотелось быть к нему еще ближе. Оказаться внутри его... и чтобы он проник в нее.

15

Тальмонт, лето 1141 года

Алиенора почувствовала знакомые спазмы внизу живота, а внезапная горячая струйка крови меж бедер подтвердила, что она снова не смогла забеременеть. Она позвала Флорету, чтобы та принесла мягкие лоскутки, которые она использовала в такие дни, и притворилась, что не заметила жалости в глазах женщины.

Придется сказать Людовику, что ребенка пока не будет. Но и он навещался в ее постель нечасто, выбирая лишь разрешенные дни, так что шансы на зачатие были невелики. Откуда появится ребенок, если нет семени для его зачатия?

Спазмы были болезненными, но Алиенора не любила залеживаться в постели и вместо этого села с шитьем к окну, где на ткань падал яркий свет. Когда она взяла в руки иглу, в комнату ворвался Людовик. Его лицо покраснело, а в глазах блеснули слезы ярости.

– Они мне отказали! – прорычал он. – Как только посмели!

– Кто тебе отказал? – Алиенора отложила шитье и встревоженно посмотрела на мужа.

– Монахи соборного капитула Буржа. – Он потряс зажатый в кулаке письмом. – Они отвергли Кадюрка и избрали собственного архиепископа. Какого-то выскочку по имени Пьер де ла Шатр. Как они смеют отвергать волю и права короля – помазанника Божьего! Неужели это и есть благодарность мне, верному сыну Церкви? – Он тяжело, с присвистом дышал.

Алиенора подвела его к окну и, заставив сесть, налила ему чашу вина.

– Успокойся, – сказала она. – Их кандидат еще не рукоположен.

– И не будет! – Людовик выхватил вино и выпил залпом. – Я не позволю этим наглым грубиянам противоречить мне. Это немыслимо! Я в своем праве. Что бы ни случилось, клянусь святым Дионисием, им меня не одолеть.

– Я знала, что так случится, – проговорила она и сжала губы. Дело было сделано. Она просила его съездить в Бурж и разъяснить свои намерения, но он пребывал в уверенности, что его власти подчинятся и так.

– Я напишу папе, чтобы он запретил выборы, и я откажу де ла Шатру во въезде в Бурж.

– Папа Иннокентий выступает за свободные выборы прелатов, – сказала она. – Он может поддержать их кандидата.

– Мне все равно, за что он выступает. Я не позволю, чтобы этот чужак был моим архиепископом. Я буду отстаивать свое право выбирать духовенство в моем собственном королевстве до последнего вздоха! – Людовик смял пергамент и швырнул его через всю комнату.

– Напиши папе римскому очень вежливо, – предупредила она.

– Я напишу ему, как сочту нужным. Не я начал эти раздоры. – Он рывком поднялся на ноги.

– У меня пошла кровь, – сказала она, решив расправиться с плохими новостями одним махом.

– Почему все так сложно? – Его шумный, со стоном, выдох был полон разочарования. – Чем я провинился, что все и вся сговорились против меня? Я стараюсь быть образцовым монархом, и вот моя награда: непокорное духовенство и бесплодная жена! – Он бросился вон из комнаты, опрокинув по пути табуретку.

Алиенора прислонила больную голову к прохладной каменной стене. В Бурже все пошло бы иначе, если бы Людовик последовал ее совету и все заранее обсудил с монахами. Теперь будут споры и неловкие объяснения, а Людовик впал в ярость, отравляя всем жизнь. Взрослый мужчина и король, помазанник Божий, он бывал настолько ребячлив и наивен, что приводил Алиенору в отчаяние.

День угасал. Петронилла была навеселе, выпив слишком много вина на пиру. На следующей неделе двор возвращался в Пуатье, а затем в Париж, и идиллия почти закончилась. Она так натанцевалась в своих тонких туфлях из лайки, что разболелись ноги. Рауль утверждал, что не любит танцы, но двигался изящно и быстро вмешивался, отгоняя молодых парней, добивавшихся ее благосклонности. Она смеялась над шутами до боли в боках, подпевала трубадурам, хлопая в ладоши и красиво выводя мелодию. Теперь все закончилось, и придворные расходились на ночлег, Алиенора – в свои покои, а Людовик – на молитву.

Рауль сидел с Петрониллой за столиком на помосте среди крошек и догорающих свечей. Он подлил вина в свой кубок и плеснул в нее. Вокруг слуги убирали столы, оттаскивая их к стенам зала, но стол на помосте не трогали.

– Итак, – сказал Рауль, – за что мы с вами будем пить?

– Не знаю, мессир, – сказала она с кокетливой улыбкой. Вы более опытны в произнесении тостов, чем я.

– Тогда за прекрасное вино и красивых женщин Аквитании. – Он поднял свой кубок.

Она нахмурилась:

– За красивых женщин?

– Только за одну, – поправился он. – За самую прекрасную сестру королевы.

– Скажи мое имя, – попросила она.

– Петронилла.

От звука его голоса она задрожала. Петронилла подняла свой кубок.

– За прекрасное вино и сильных мужчин, – сказала она. – И за самого несовершенного кузена короля. – Она отпила большой глоток.

– Скажи мое имя, – попросил и он.

– Я повторяю его без конца по ночам, когда меня слышит только подушка. – Она провела указательным пальцем по ободку своей чаши. – Но если бы ваша голова лежала на моей подушке, вы могли бы услышать все сами.

Он понизил голос и огляделся:

– Это было бы очень опасно.

Она устремила на него полный вызова взгляд. Она желала этого мужчине и хотела заполучить его, как ее бабушка, которую метко прозвали Данжероссой, заполучила ее деда. Риск только добавлял пикантности. Они будут вместе у всех под носом, и никто ни о чем не узнает, даже сестра, которая полагала, что знает все.

– О да, – ответила она. – Уже поздно, и вы должны проводить меня в мои покои.

Их взгляды скрестились, и чресла Петрониллы стали влажными. Она горела от возбуждения и страха. Какая-то крошечная часть ее разума не могла поверить, что она действительно так поступает. Другая часть гадала, последует ли Рауль за ней или отступит. Если они пересекут черту, назад пути не будет. Когда она встала, ее ноги почти подкосились.

Рауль подхватил ее. Слугам показалось, что коннетабль короля лишь помогает сестре королевы, которая неосмотрительно выпила слишком много вина, и никто не стал на них оглядываться.

Вместо того чтобы отвести Петрониллу в ее покои, Рауль увлек ее в сад. Петронилла прижалась к нему, стукнулась бедром о его бедро и захихикала. Ночной ветерок овеивал их, словно теплые крылья пернатых, благоухая розами и соленым привкусом океана. Петронилле казалось, что она слышит рокот волн, а может, это кровь гудела в ее жилах. Над ними висела полная луна – набухший серебряный диск на фоне яркого темно-синего неба.

Рауль отвел ее в беседку, наполовину скрытую розами и аквилегией, и усадил к себе на колени. Петронилла обвила руками его шею и наклонила голову, приглашая к поцелую. Рауль прижал свои губы к ее губам, раздвинул их и показал, как нужно действовать.

Желание горело в ее крови, как крепкое вино. Она прижалась к нему, отдаваясь восхитительным ощущениям, которые рождались в ней в ответ на движения его губ и пальцев. Но вдруг он остановился. Его рука оказалась под юбкой, на мягкой коже ее голого бедра, где он легонько поглаживал ее так, что она едва владела собой.

– Продолжай, – выдохнула она, подаваясь бедрами вперед, раскачиваясь на нем. – Не останавливайся!

– Если я это сделаю, – сказал он, – ты знаешь, что пути назад нет. Мы будем обречены на то, что нам уготовано судьбой.

Петронилла забыла обо всем от вожделения, отчаянно нуждаясь в его любви и внимании – в его твердом мужском теле. Только это и имело значение. С последствиями она разберется позже.

– Никто ни о чем не узнает, если мы будем осторожны! – вздохнула она.

Рауль знал об осторожности все. В его прошлом было множество любовных романов. Глядя на Петрониллу, он ощущал некоторые угрызения совести, но явно недостаточные, чтобы подчинить себе похоть и хищный порыв. Она была красива, желанна, необузданна, но невинна и исполнена голода, который он чувствовал, потому что отчасти и сам был таким.

Он приподнял ее, чтобы усадить сверху.

– Осторожно, – сказал он. – Не торопись, сердце мое. Немного, а потом еще чуть-чуть.

Петронилла закрыла глаза и прикусила губу. Пришла боль, но она была терпимой, а потом накатило наслаждение, небывалое и такое изысканное, что отчасти напоминало боль. Людовик и Алиенора никогда не испытывали и не испытают ничего подобного. Только она познала наслаждение, и от этого все было еще прекраснее. Она поступала плохо, но как это может быть плохо, когда все так хорошо? А потом мыслей совсем не осталось, и она забыла обо всем, они слились воедино, как она и представляла. Содрогаясь в высшей точке наслаждения, она прикусила воротник его камзола, чтобы не закричать. Рауль обхватил ее, сделал еще три сильных толчка и приподнял над собой, чтобы выплеснуть семя вне ее тела.

Когда она рухнула на него, Рауль, задыхаясь, откинул голову назад. Его сердце бурно билось в груди. Такого неистового возбуждения он не испытывал с тех пор, как был зеленым юнцом, со своей первой женщиной.

Петронилла, едва дыша, тихо засмеялась.

– Я хочу еще раз, – сказала она с сияющими глазами.

Он посмотрел на нее с сомнением, но усмехнулся.

– Не сегодня, *doucette*. Нас будут искать. Прогулка на свежем воздухе не должна затянуться до рассвета, а мы и так с тобой задержались. К тому же мне нужно время, чтобы собраться с силами, даже если ты уже готова.

– Тогда завтра?.. – Она наклонилась и поцеловала его, доказывая, как быстро учится.

Он провел рукой по ее затылку и с неторопливой тщательностью поцеловал в ответ.

– Посмотрим, что можно будет сделать.

У него была с собой салфетка с пиршества, и он стер ею следы их занятий любовью с ее бедер и между ног.

– Дай мне, – сказала Петронилла. – Я брошу ее в огонь.

Он отдал ей салфетку и помог подняться. Она отряхнула платье и повернулась, чтобы снова поцеловать его, наслаждаясь покалыванием его щетины и твердостью рук на ее талии.

– Пойдем, – сказал он. – Пора превращаться в скромную молодую даму.

Петронилла притворно зевнула.

– Свежий воздух пошел мне на пользу; думаю, сегодня я буду спать хорошо, и даже очень.

Рауль проводил ее до лестницы, ведущей к двери ее покоев. Оглянувшись, убеждаясь, что никто не смотрит, он снова поцеловал ее и с последним поцелуем растворился в ночи.

Петронилла тихонько вздохнула и, все еще в восторге, вошла в свою спальню. Ее встретила встревоженная Флорета.

– Где ты была? – воскликнула нянька. – Я так волновалась!

Петронилла закружилась в центре комнаты.

– Гуляла по саду. Сегодня прекрасная луна.

– Одна? – Флорета в ужасе уставилась на подопечную.

– Ничего страшного, – успокоила ее Петронилла. – Мы в Тальмоне. Здесь меня все знают. Я не пленница.

– Что это у тебя в руке? – Флорета с подозрением указала на салфетку.

– Ничего, – быстро ответила Петронилла. – Меня стошнило, и я не хотела портить платье. – Она нетерпеливо взмахнула рукой. – У меня кружится голова. Иди спать и оставь меня в покое. Я могу позаботиться о себе сама.

Поколебавшись, Флорета в конце концов сдалась, сделала реверанс и вышла из комнаты. Петронилла бросила салфетку в изножье кровати. Камин не был зажжен, поэтому сжечь улику сегодня вечером она не могла. К тому же, как ни странно, ей этого не хотелось, ведь это было доказательством ее брачной ночи, такое же, как и свадебная простыня. И пусть Рауль был женат – это не имело значения. Она получит его, чего бы ей это ни стоило. Он будет принадлежать только ей.

Сняв халат и туфли, она забралась в постель и задула лампу и потом долго лежала без сна, вновь переживая случившееся и наслаждаясь воспоминаниями. Прежде чем заснуть, она взяла салфетку с изножья кровати и спрятала под подушку.

Отстояв мессу и позавтракав, Алиенора отправилась поговорить с Петрониллой о скором возвращении в Пуатье. Сестра, как обычно, еще не встала, хотя уже проснулась и сидела в постели; ее локоны перепутались, а глаза были затуманены сном. Флорета вошла с миской теплой воды для утреннего омовения, прихватив хлеб и кувшин пахты.

Алиенора с досадой покачала головой.

– Ты будто ночной цветок, – сказала она. – С утра вянешь и расцветаешь с наступлением сумерек.

Петронилла бросила на сестру странный, лукавый взгляд. Ее губы дрогнули в легкой улыбке.

– Мои лепестки раскрываются, когда другие закрываются, – согласилась она и потянулась. В воздухе витал слабый аромат, знакомый, но Алиенора никак не могла его определить. Петронилла встала с кровати, чтобы умыться.

Из-под подушки торчало что-то вроде салфетки. Алиенора не задержала бы на этом лоскуте свой взгляд, если бы не капли крови на белой ткани. Внутри у нее все сжалось от шока.

– Что это? – требовательно спросила она.

Петронилла повернулась и схватила салфетку, но Алиенора выхватила ее.

– Ничего, – раскрасневшись, ответила Петронилла. – Вчера вечером у меня пошла кровь из носа, вот и все.

Алиенора развернула ткань и заметила и другие пятна – салфетка была чуть влажной. Она поднесла ее к носу, и тут же узнала запах мужского семени. Королева повернулась к перепуганной Флорете.

– Оставь нас, – приказала она, – и никому ни слова.

Флорета перекинула платье Петрониллы через изножье кровати и вышла, оглядываясь через плечо. Алиенора подождала, пока не щелкнет задвижка, и устремила на сестру гневный взгляд.

– Что ты себе позволяешь, глупая? Ты же погубишь нас обеих. Кто это? Говори!

Петронилла сложила руки на груди.

– Никто, – ответила она.

– Не ври! Скажи мне, кто это!

Петронилла вздернула подбородок и посмотрела на Алиенору, ее карие глаза казались почти золотыми на покрасневшем лице.

– Я ничего тебе не скажу, потому что говорить не о чем.

Отвернувшись, она отломала кусок от булки, которую принесла Флорета, и сунула его в рот.

Вспыхнув от ярости и боли, Алиенора схватила Петрониллу за руку и повернула ее к себе лицом.

– Глупая девчонка, я пытаюсь тебя защитить! Неужели ты не представляешь, в какие опасные игры ввязываешься?

– Ты пытаешься защитить только себя. Ты ничего не знаешь! На меня тебе наплевать! – Тяжело дыша, Петронилла оттолкнула сестру.

– Я забочусь о тебе, а ты не в состоянии этого понять. Кто-то воспользовался тобой. Я выясню, кто это сделал, и ему придется несладко.

Петронилла не ответила. Она отломала еще кусок хлеба и съела его, с вызовом глядя на старшую сестру.

С тяжелым сердцем Алиенора направилась было к двери с грязной салфеткой в руке, но тут же остановилась. За стенами этой комнаты никто не должен ничего знать. Нельзя поднимать шум, ведь Петрониллу осудят при дворе, и ее позор отразится и на королеве. Она была так осторожна с Жоффруа де Ранконом, избегала любой мелочи, из-за которой так легко мог бы разразиться ужасный скандал, но теперь Петронилла этим глупым, легкомысленным поступком поставила под угрозу их обеих. Она швырнула в нее салфеткой.

– Избавься от этой мерзости! – прошипела она. – Ты опозорила и предала меня и нашу семью. Подумай об этом, если у тебя осталась хоть капля совести, а не только эгоистичное желание получить удовольствие и пошалить. – Ее голос дрожал. – Я тебе доверяла... Ты не знаешь, что натворила.

Петронилла по-прежнему молчала. Алиенора вышла из комнаты и закрыла дверь на задвижку. Взмолвленная Флорета стояла снаружи, стиснув руки.

– Что ты об этом знаешь? – набросилась на нее Алиенора. – Отвечай!

Флорета покачала головой:

– Ничего, госпожа, клянусь! Я готовила покои миледи, как обычно. Когда она задержалась, я начала беспокоиться, но потом она пришла с той салфеткой в руке и сказала, что ей нездоровится и она боится, мол, ее вырвет. Она сказала, что ходила подышать воздухом.

«И не только воздухом», – мрачно подумала Алиенора.

– Она пришла одна? С ней никого не было?

– Одна, мадам, совсем одна.

Алиенора пристально посмотрела на Флорету.

– Никому ничего не говори. Если об этом станет известно, будет беда и пострадают все.

– Даю вам слово, мадам, душой клянусь. – Флорета перекрестилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.